Горчакову
отъ авт[ора]
дв. Ѳ II 8890

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Опытъ историко-библіографическаго обзора).

Библиотека Имп. С.-Петерб. Университета

Е. Шмурло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 78.
1889.

Научная библиотека СПбГУ
1002261201

дет. Ф II 8890.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Опытъ историко-библіографическаго обзора).

Проверено 2007

Е. Шмурло.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 78.
1889.

Лен. Гос. ... НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889 г.

Подарила
9 сентября 1910 года.
Ольга Михайловна **Королева**,
во исполненіе воли
ея отца,
заслуженнаго профессора, протоіерея
Михаила Ивановича Горчакова,
† 5 августа 1910 года.

Около двухъ столѣтій отдѣляютъ насъ отъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, но мы какъ будто все еще стоимъ подъ обаяніемъ этой эпохи и, переживая ее, не въ силахъ отнестись къ ней вполнѣ спокойно и объективно. Духъ Петра точно еще вѣетъ среди насъ, и самъ царь не успѣлъ стать вполнѣ историческою личностью. Дѣйствительно, это не Иванъ III, не царь Грозный, даже не Алексѣй Михайловичъ, такъ близко по времени стоящій къ преобразователю: только что названные государи отошли для насъ такъ далеко, что мы можемъ говорить о нихъ, выражаясь словами поэта, ихъ „добру и злу внимая равнодушно“. Не таковъ Петръ: его „добро“ слишкомъ еще ощутительно; отъ его „зла“ все еще, минутами, трудно дышется. Великій императоръ ребромъ поставилъ вопросы, которые мы и до сихъ поръ окончательно не рѣшили, и волей-неволей живемъ мы въ томъ обиходѣ понятій и практической дѣятельности, каковый впервые былъ выясненъ только при немъ.

Но именно эта-то насущность и жизненность вопроса и вызываетъ всевозможныя усилія для правильнаго и возможно безповоротнаго его рѣшенія. Нельзя сказать, чтобы ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи: время отъ времени публикуются изслѣдованія, еще чаще — очень цѣнные матеріалы, но въ будущемъ работа предстоитъ еще не малая: потребуется осмыслить всѣ эти матеріалы, добавить ихъ новыми и связать въ одно цѣлое представленія, донынѣ остающіяся пока отрывочными и мало выясненными.

Но такая работа не исключаетъ, конечно, и ретроспективнаго взгляда на пройденный путь. Знакомство съ тѣмъ, какъ болѣе раннія поколѣнія понимали и изучали реформу, быть можетъ, облегчитъ нашу собственную задачу и поможетъ разобраться въ ней нѣсколько отчетливѣе. Изъ этихъ основаній вышелъ и предлагаемый нами очеркъ. Спѣшимъ впрочемъ оговориться, что въ данную минуту мы были

далеки отъ мысли изучать взгляды на реформу, довольствуясь пока однимъ внѣшнимъ наброскомъ смѣнявшихся воззрѣній въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ и предоставляя себѣ въ дальнѣйшемъ будущемъ болѣе основательное изученіе взглядовъ, высказанныхъ о царственномъ реформаторѣ. Заранѣе указываемъ на неполноту и на обиліе пробѣловъ въ библіографической части настоящаго очерка. Поэтому просимъ смотрѣть на нашу работу не болѣе какъ на попытку расчистить путь изученія эпохи преобразованія въ направленіи, до сихъ поръ остававшемся въ пренебреженіи. То, что попытка является первою, да послужитъ извиненіемъ ея недостатковъ.

I.

Движеніе, создавшее эпоху преобразованія, началось еще въ XVII столѣтіи. И тогда уже отъ общаго ядра началъ отдѣляться оппозиціонный лагерь, стали формироваться двѣ партіи, стоявшія одна противъ другой. Но въ ту пору причина недовольства чуялась пока довольно смутно, и самое недовольство понималось весьма односторонне; взаимные враги, оба лагеря, скорѣе пораженные неожиданностью, удивленно смотрѣли другъ на друга. Движеніе началось, но еще не выясненное, почти инстинктивное. Еще не сознавали, что настоящій моментъ есть уже канунъ крупныхъ событій. Эти люди сегодня съ ужасомъ приняли бы извѣстіе, еслибъ имъ сказали, какая глубокая пропасть успѣла лечь между ними, а на завтра они же нервно возьмутся за оружіе. Сегодняшняя химера скоро соберетъ вокругъ себя цѣлую толпу убѣжденныхъ приверженцевъ.

Среди такого-то общества появился Петръ. Онъ прямо и открыто поставилъ вопросъ, который, я полагаю, можно считать за основной выводъ всей его государственной дѣятельности: Коснѣть ли завѣдомо въ старинѣ, или обильно черпать знаніе у тѣхъ, кто имъ обладаетъ? Запереться ли въ свой уголъ и закрыться отъ свѣта истины, что разливаетъ благодатные лучи свои на родъ людской, или широко растворить двери этому свѣту и расчистить имъ мракъ, накопившійся за многіе годы? Петръ какъ бы спрашивалъ: будемъ ли мы смотрѣть назадъ, на пройденный путь и на немъ искать своихъ образцовъ, или признаемъ, что понятіе о лучшемъ выражается въ прогрессѣ, въ движеніи и въ измѣненіи, и что всякое усовершенствованіе немыслимо безъ заимствованій, безъ общенія? Сохранимъ ли старое только

потому, что оно старое, прадѣдовское, или послѣдуемъ за логикой, за разумомъ, если они скажутъ, что новое есть истинное, лучшее?

Петръ далъ рѣшеніе въ послѣднемъ смыслѣ, и вотъ движеніе началось, движеніе быстрое, головокружительное. Люди стараго закала не могли не идти, не могли не бѣжать: они вѣдь составляли органическую часть государственнаго тѣла, приведеннаго въ движеніе. Но они пошли противъ желанія. Скорбь, закравшаяся еще раньше, теперь превращается въ настоящее негодованіе, въ чувство несмываемаго оскорбленія. Въ самомъ дѣлѣ, станемъ на ихъ точку зрѣнія. Виноваты ли они въ томъ, что въ бородѣ и длинномъ кафтанѣ, въ постѣ и отчужденіи отъ басурмана видѣли свой завѣтъ, свою религію? А между тѣмъ эту религію такъ оскорбляли! Съ чѣмъ они сжились, что̀ стало для нихъ священнымъ, духовною потребностью, все это исчезало на вѣки. Для человѣка, сколько-нибудь убѣжденнаго и уважающаго себя, легче перенести любую физическую боль, чѣмъ безнаказанно отдать на поруганіе свой нравственный міръ, все то, въ чемъ выражается его *я*. Сомнѣній, какъ поступить, не можетъ быть въ данномъ случаѣ: вызванный на борьбу человѣкъ съ отчаяніемъ безнадежности хватается за оружіе.

Чѣмъ болѣе гнетущимъ было вліяніе Петра, тѣмъ страшнѣе, необычайнѣе, тѣмъ коллосальнѣе казалась сторонникамъ московской старины самая фигура царя. И вотъ онъ выростаетъ у нихъ въ сверхчеловѣческое существо, въ одержимаго бѣсомъ, въ родившагося отъ нечистой дѣвы, въ самого антихриста!.. Потому-то и водится онъ съ нѣмцами, потому-то и рекрутчину ввелъ, и новобранца клеймитъ раскаленнымъ желѣзомъ—печатью антихриста; потому-то и стрѣльцовъ мучаетъ лютыми казнями, постовъ не соблюдаетъ, брѣетъ бороду, одѣлся въ короткое платье, ввелъ новые налоги и поборы съ христіанскаго міра... Было семь антихристовъ; по Писанію, долженъ народиться восьмой: онъ и есть теперь во образѣ Петра [1]).

---

[1]) *Соловьевъ*, XV (изд. 1873), 121—131. Сказку о Стекольномъ царствѣ, гдѣ Петра хотѣли посадить въ бочку и бросить въ море, кромѣ *Соловьева*, см. въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1862, № 4, смѣсь, стр. 2. О печати антихриста съ самыми рисунками см. *Русск. Архивъ* 1873, № 10, стбц. 2068—2074; № 11, стбц. 02296 - 02297. О книгописцѣ Григоріи Талицкомъ, который въ прокламаціяхъ проповѣдывалъ убійство Петра, какъ антихриста,—у *Есипова*, Раскольничьи Дѣла XVIII стол., I, 59—84. Сравн. также указанія, собранныя у *Брикнера*, Исторія Петра Вел., 292—293, 303—306. О бородѣ и нѣмецкомъ платьѣ отдѣльная статья Есипова въ Раскольн. Дѣлахъ, II, 159—186.

И это слышится во всѣхъ углахъ Русскаго государства, объ этомъ толкуютъ всѣ слои общества: крестьянки и жены солдатскія, холопы, и монахи; эти опасныя рѣчи произноситъ сынъ боярскій, крестьянинъ, нищій, хлѣбенный старецъ монастырскій, дьячекъ и священникъ, каждый на свой ладъ, но всѣ на одну тему: „Какой это царь! Весь міръ переѣлъ, нѣмцы обошли его! Давно бы раздѣлаться съ нимъ надо!“ [1]). Напрасно жестокими казнями думали заглушить оскорбительную молву, напрасно оппозиціонной литературѣ противопоставляли правительственную [2]): тщетныя усилія! Народное недовольство продолжало расти [3]).

Для знакомства съ враждебными взглядами на Петра очень цѣнно одно раскольничье сочиненіе, хотя и составленное въ началѣ нашего вѣка, но всецѣло сохранившее на себѣ свѣжесть яркихъ впечатлѣній болѣе ранняго времени. Это такъ-называемая „Выписана исторія печатная о Петрѣ Великомъ. Собраніе отъ Святаго Писанія о антихристѣ“ [4]). Написанная съ большимъ чувствомъ, она проникнута сильною вѣрой и согрѣта не только теплымъ, но и страстнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Перомъ составителя руководило не серьезное изученіе, а горячее убѣжденіе, фанатизмъ сторонника партіи. Называя Петра антихристомъ, авторъ, очевидно, произноситъ не бранный эпитетъ, но искренно вѣритъ въ реальность этого отожествленія, именно отожествленія, а не сравненія. Собственно исторіи Петра здѣсь нѣтъ; это скорѣе указанія на нѣкоторыя мѣропріятія царя,

---

[1]) *Соловьевъ*, XV, 119—121, 124—125.

[2]) Противъ Талицкаго Стефанъ Яворскій написалъ изданное въ 1703 году „Знаменіе пришествія антихристова и кончины вѣка“, которое въ свою очередь вызвало сочиненіе извѣстнаго Андрея Денисова: „О бытіи послѣдняго времени и противникѣ антихристѣ“, гдѣ доказывалось, что „существующее время по всѣмъ обстоятельствамъ самое послѣднее“ (Каталогъ или библіотека старовѣрч. церкви, собранный тщаніемъ *П. Любопытнаго. Библіогр. Записки* 1861, № 8, стбц. 262). Впрочемъ, это сочиненіе не помѣшало тому же Денисову написать „Панегирикъ Петру Вел. и прославить „особенно его покровительство старовѣрческихъ церквей и всѣхъ старообрядцевъ“ (ibidem, 1861, № 9, стбц. 270—271).

[3]) Такъ, напримѣръ, въ 1707 г. появилось подметное письмо о рожденіи антихриста (*И. Чистовичъ*, Новгородскій митрополитъ Іовъ. *Странникъ* 1861, № 2, стр. 66). О проповѣдникахъ антихриста: Левинѣ (1722)—у *Есипова*, Раскольн. Дѣла XVIII столѣтія I, 3—57; Самуилѣ Выморковѣ (1722—1725)—у *Семевскаго*, Слово и Дѣло (изд. 1884), стр. 125—184. Жалобы раскольниковъ въ современной „Интерлюдіи“ въ *Лѣтоп. русск. литер.—Тихонравова*, II, 37—60.

[4]) *Чтен. Общ. Ист. и Древн.* 1863, № 1, стр. 52—71.

пересыпанныя страстными филиппиками, ссылками и выписками изъ отцовъ церкви, съ постояннымъ повтореніемъ и возвращеніями къ только что сказанному. Возбужденное состояніе, по всему видно, мѣшало автору сосредоточиться и систематизировать свои мысли.

Со времени звѣринаго 1666 года (когда повоисправленныя книги получили санкцію Московскаго собора) царь Алексѣй становится въ глазахъ „Исторіи“ „жидовиномъ“ и „мучителемъ“; Петръ постоянно называется „лютымъ зрѣремъ“, „воли сатанинои исполненнымъ“, „антихристомъ, скрывшимъ пагубное имя свое подъ литерою М“, ибо въ остальныхъ буквахъ слова Императоръ благочестивый старовѣръ находитъ звѣриное число 666 [1]). Сильно достается Петру за учрежденіе синода, за именованіе себя отцомъ отечества, что̀ являлось, по мнѣнію безыменнаго автора, кощунствомъ надъ саномъ патріарха [2]). Особенно сильны нападки за перемѣну лѣтосчисленія; сѣтованія на это разбросаны по всему сочиненію [3]). Что же касается до введенія подушной переписи, то она кажется нашему автору такимъ богоотступнымъ дѣломъ, что мысль его никакъ не можетъ примириться съ этимъ фактомъ. Онъ съ рѣшительностью провозглашаетъ, что „таковому лжехристу въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ. Творите съ нами, что хощете... ибо мы отъ святаго крещенія запнсаны есмы въ книги животныя у Царя небеснаго на небесѣхъ“ [4]).

Но если такое впечатлѣніе выносили закоснѣлые противники Петра то совсѣмъ иное чувство возбуждалъ послѣдній своею дѣятельностью въ новыхъ людяхъ, въ сторонникахъ реформы. Рядомъ съ только что приведеннымъ воплемъ отчаянія слышится и голосъ торжества: тотъ, кто еще ранѣе, хотя однимъ глазомъ, видѣлъ краешекъ этого новаго міра, кто по натурѣ своей былъ склоненъ отозваться на новый призывъ, кто въ душѣ своей уже разорвалъ со старымъ, но еще не пристадъ къ другому берегу, причемъ и самый берегъ носился ему въ неясномъ туманѣ, тотъ чувствовалъ себя теперь совсѣмъ иначе! Захолустный провинціалъ, неожиданно попавшій въ кругово-

---

[1]) і (10)+п (80)+с (5)+р (100)+а (1)+т (300)+о (70)+р (100)=666,
[2]) Исторія, стр. 53, 54, 58, 60—64, 67.
[3]) Ibidem, 55, 60, 61, 68—70.
[4]) Ibidem, стр. 39. Сравн. о томъ же стр. 68, 57, 70.

ротъ шумной столичной жизни и совершенно ослѣпленный невиданными диковинками,—вотъ на кого походилъ всякій, кто питалъ сочувствіе къ Петру и крѣпко держался его преобразованій. Какъ ничтожна, мелка должна была казаться ему теперь вся его прежняя обстановка и дѣятельность! Теперь онъ выросталъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, какъ бы вновь рождался, чтобы зажить болѣе широкою и содержательною жизнью. И все это совершилось въ мгновеніе ока, по мановенію какой-то волшебной руки! Честь и хвала этой силѣ! Кто въ состояніи сравниться съ нею? Это сила необычная, свѣтоносная, божественная,—это самъ Богъ!.

Такая мысль слышится среди современниковъ Петра и ближайшаго потомства, и ее можно прослѣдить повсюду въ той или другой формѣ.

По заключеніи Ништадтскаго мира, поднося Петру титулъ императора, канцлеръ Головкинъ, отъ имени сената и всѣхъ государственныхъ чиновъ, говоритъ царю такія слова: „... единыя вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣденія на ѳеатръ славы всего свѣта и тако рещи изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены“ [1]). Для Головкина прошлое отдѣлено широкою пропастью, сводилось къ нулю, и людьми въ настоящемъ смыслѣ этого слова русскіе становятся только теперь. Посошковъ, въ живомъ образѣ рисуетъ намъ то удивленіе и сочувствіе, какое возбуждали въ современникахъ труды Преобразователя: „Видимъ вси, какъ великій нашъ монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то какъ дѣло его споро будетъ?“ [2])

Извѣстно, что Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ не только сторонникомъ, но и ревностнымъ пропагаторомъ Петровской реформы. Едва ли въ какой-нибудь изъ его проповѣдей не найдется страстной филиппики противъ враговъ новаго направленія вмѣстѣ съ горячимъ прославленіемъ всего содѣланнаго. Онъ славитъ Полтавскую побѣду и любимца Меншикова, даетъ картину всѣхъ дѣлъ Петровыхъ оправдываетъ поѣздки за границу и сношенія съ иностранцами отстаи-

[1]) Полн. Собр. Зак. VI, № 3840.
[2]) *Посошковъ*, Сочиненія, I, 95.

ваетъ безпрекословное повиновеніе самодержавной власти, какъ бы предваряя въ этой проповѣди будущую „Правду воли Монаршей". Не забылъ Ѳеофанъ и развитіе могущества Россіи на морѣ; что не было договорено въ Духовномъ Регламентѣ, тому дается мѣсто въ словѣ, сказанномъ предъ открытіемъ св. синода. Разумѣется, Ништадтскій миръ не могъ быть игнорированъ знаменитымъ витіей. Наконецъ, за нѣсколько недѣль до смерти Петра Великаго, Ѳеофанъ Прокоповичъ произноситъ проповѣдь, оправдывая въ ней перенесеніе новаго года съ сентября на январь [1]).

Въ духѣ Прокоповича дѣйствуютъ и другіе проповѣдники: епископъ Рязанскій Гавріилъ Бужинскій и іеромонахъ Симонъ Кохановскій. Первый изъ этихъ ораторовъ превозноситъ самоотверженную любовь Русскаго императора къ отечеству, и какъ оберъ-іеромонахъ флота, особенно подчеркиваетъ значеніе флота и побѣдъ надъ врагами. Въ увлеченіи новою столицею, онъ готовъ даже отстаивать красоту петербургскихъ болотъ [2]),

Изъ семи словъ преосвященнаго Гавріила [3]) остановимся на послѣднемъ, произнесенномъ въ день поминовенія усопшаго государя, чрезъ годъ послѣ его смерти. Основная тема проповѣди сводится къ тому, „что Петръ Великій аще и умре, но живъ есть" (стр. 230), живъ въ своихъ дѣлахъ. Надобно только проникнуться его примѣромъ и во всемъ слѣдовать ему. „Петръ Великій живъ есть: азъ есть воскресеніе и животъ ... и всякъ вѣруяй въ мя не умретъ во вѣки (Іоанн. гл. II, ст. 25). Се уже имаши Россіе пластырь на сердечную язву твою!" (стр. 241) [4]).

---

[1]) *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, Слова и рѣчи., ч. I (изд. 1760) и 8 словъ во второй части (изд. 1761). Сравн. *Самаринъ*, Сочиненія, V, 413—442. *Порфирьевъ*, Истор. русск. слов., ч. II, отд. I, стр. 49—55.

[2]) *Порфирьевъ*, Истор. русск. словес., ч. II, отд. I, стр. 56—58.

[3]) Слова эти: 1) въ похвалу Петербурга; 2) о Полтавской побѣдѣ; 3) о побѣдѣ Гангудской; 4) въ воспоминаніе взятія въ 1702 г. крѣпости Шлиссельбурга; 5) о взятіи Нотебурга (Шлиссельбурга); 6) на память св. апостола Андрея—безъ политическаго характера; и 7) въ поминовеніе годовщины смерти Петра. (Полное собраніе поучит. словъ, сказыванныхъ *Гавріиломъ Бужинскимъ*. Москва. (безъ года), иждив. *Н. Новикова* и К°.

[4]) О Симонѣ Кохановскомъ свѣдѣнія сообщены у *Пекарскаго*, Наука и Литер. при Петрѣ В., I, 492—494.

Смерть Петра глубоко поразила его сторонниковъ.

„Нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами", замѣчаетъ Партовъ,— „однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ; и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ, для того что благородному безстрашію и правдѣ учились для него" [1]).

А. Неплюевъ замѣчаетъ; „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди,—однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ" [2]). Сколько непосредственной искренности въ этихъ словахъ!

„Охъ горе! охъ увы!" пишетъ графъ А. А. Матвѣевъ изъ Москвы къ А. В. Макарову, получивъ вѣсть о кончинѣ царя,—„какъ то есть не токмо мнѣ, бѣдняку, но и всѣмъ вѣрнымъ его высокопомянутаго величества подданнымъ рабамъ". Матвѣевъ сообщаетъ, что въ первопрестольной столицѣ, едва увѣдали „о той трагедіи", подняли такой „вой, врикъ, вопль слезный, что нельзя женамъ больши того выть и горестно плакать, и во истинну такова ужаса народнаго отъ рожденія моего я николи не видалъ и не слыхалъ, что какъ слышно и по всѣмъ приходамъ и улицамъ по той же публикаціи чинилося" [3]). Пекарскій, приводя это извѣстіе, замѣчаетъ, что „плакать и рыдать при каждомъ погребеніи лицъ изъ царскаго семейства" было старинымъ обычаемъ [4]); но трудно однимъ только этимъ объяснить описанныя Матвѣевымъ сцены [5]). Петра оплакивали и заграничные русскіе: агентъ фонъ-деръ-Бургъ 9-го марта 1725 г. доносилъ изъ Амстердама, что русскіе ученики, бывшіе въ Голландіи, услыхавъ о смерти императора „неутѣшно" рыдаютъ [6]). Цѣнное свидѣтельство сохранилъ французскій посолъ при русскомъ дворѣ, Кампредонъ: L'affection de sa mort est universelle... ne re-

---

[1]) *А. Нартовъ*, Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго. *Москвитянинъ* 1842, № 8, стр. 336.

[2]) *Неплюевъ*, Записки. *Русск. Архивъ* 1871, стр. 651.

[3]) *Пекарскій*, Современное извѣстіе о кончинѣ Петра В., *Записки Акад. Наукъ*, IV, стр. 66.

[4]) Ibidem, 64.

[5]) Голиковъ сходно съ Пекарскимъ описываетъ впечатлѣніе москвичей при извѣстіи о смерти Петра (Дѣянія, IX, 249—250).

[6]) *Пекарскій*, loco citato.

marque aucune espèce de mouvement que ceux de la tristesse parmi les troupes et le peuple" [1].

Не было недостатка и въ литературномъ выраженіи понесеннаго горя. Впереди всѣхъ, конечно, стоитъ знаменитое надгробное слово Ѳеофана Прокоповича. Пусть былъ онъ страстный врагъ враговъ Петра, пусть со смертью царя онъ терялъ или рисковалъ потерять для себя очень много; но очевидно, не одни личныя соображенія, а прежде всего искреннее убѣжденіе, сильное чувство могло подсказать проповѣднику тѣ образы и сравненія, какими богата его знаменитая рѣчь, произнесенная при погребеніи императора: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра великаго погребаемъ! не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе"? Ударъ былъ слишкомъ ужасенъ, чтобы не ошеломить. Человѣкъ, „воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію", „родившій и воспитавшій", ее, казалось, не могъ покинуть своихъ дѣтей. Его смерть, дѣйствительно, представлялась скорѣе тяжелымъ кошмаромъ, нежели осязательною дѣйствительностью [2].

Тогда же оплакалъ смерть Петра и В. К. Тредіаковскій, написавшій „Плачъ о кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора и самодержца всероссійскаго Петра Великаго, отца отечества" [3]. Условная реторика, неизбѣжные въ этихъ случаяхъ миѳологическіе образы [4], гиперболизмъ въ прославленіи, переходящій всякую мѣру, все это мѣшаетъ свободно проявиться искреннему чувству; его надо искать не въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ, сравненіяхъ, а въ общемъ тонѣ, въ томъ торжественномъ настроеніи, которое автору, дѣйствительно, удалось провести чрезъ весь „Плачъ". Отмѣтимъ отдѣльныя строфы:

Все добро съ тобой нынѣ умираетъ;
Былъ всему учитель въ россахъ ты единъ (326)....
Новый государства своего творецъ (327)....
Разсмотрѣлъ все впервыхъ, примѣнилъ и ввелъ,
Нравы украсилъ и страну велику

[1]) Ibidem, 64—65. Сравн. о впечатлѣніи (при извѣстіи о смерти) жителей города Дербента и командира Матюшкина у *Голикова*, Дополненія къ Дѣяніямъ, XVII, 456—457.

[2]) *Ѳ. Прокоповичъ*, Слова и рѣчи, ч. II, стр. 127—128.

[3]) Сочиненія и переводы, ч. II (изд. 1752), стр. 323—330.

[4]) Авторъ заставляетъ Славу, Вселенную, Палладу, Марса и Политику оплакивать Петра.

Величайшу сдѣлалъ, не градовъ и селъ.
Ни земель и странъ покорилъ что много,
Но что гнусну грубость отъ своихъ отгналъ,
Но прокляту злость истребилъ что строго,
И ученыхъ, добромъ, подланнымъ быть далъ (329) [1]).

Въ 1730 году Антіохъ Кантемиръ началъ было цѣлую поэму подъ названіемъ: „Петрида или описаніе стихотворное смерти Петра Великаго императора Всероссійскаго“ [2]). Разчитана она была, по видимому, гораздо на бо́льшій объемъ сравнительно съ тѣмъ отрывкомъ, который дошелъ до насъ. Въ единственной написанной „первой книгѣ“ разказывается, какъ Господь Богъ, воззрѣвъ на землю и увидавъ на ней господство зла и коварства, призналъ ее недостойною носить на себѣ Петра и потому

Къ себѣ мужа возвести и духомъ, и тѣломъ
Божественна, смертныхъ всѣхъ превзошедша дѣломъ,
Восхоти.

Опъ призываетъ архангела Михаила и поручаетъ ему исполнить его волю. Михаилъ спускается въ адъ, выводитъ оттуда Странгуріо („Запоръ мочи“) въ Петербургъ и, введя ее къ Петру, поручаетъ исполнить свое назначеніе: отнять у земли великаго человѣка.—На этомъ обрывается поэма (въ 250 стиховъ), богатая картинами передъ читателемъ проходитъ адъ, испуганный появленіемъ Божія посланника, цвѣтущій Петербургъ, Петръ среди вельможъ въ своемъ дворцѣ и друг. [3]).

Едва только скончался Петръ Великій, какъ императрица Ека-

---

[1]) Указаніе на время составленія „Плача“ (въ 1725 году) дано самимъ авторомъ въ предисловіи къ своимъ „Сочиненіямъ“ (ibid., ч. I, стр. XXIII), а первая редакція этого стихотворенія, написанная силлабическимъ размѣромъ, находится въ приложеніи къ изданной Тредіаковскимъ въ 1730 г., въ Петербургѣ, „Ѣздѣ на островъ любви“. Сравн. не напечатанный переводъ Тредіаковскаго: „Сравненіе между Людовикомъ XIV и Петромъ Алексѣевичемъ Россійскимъ императоромъ въ разсужденіи славы“ (*Пекарскій*, Ист. Акад. наукъ, II, 26, прим. 1-е).

[2]) Сочиненія, письма и избранные переводы кн. *А. Д. Кантемира*, подъ ред. Ефремова, ч. I, стр. 297—304.

[3]) Кромѣ того, мы еще встрѣтили указаніе на „Елегію о кончинѣ Государя Императора Петра Великаго, отца отечества, Россію новымъ образомъ переродившаго, сочиненную при арміи въ 1749 г. чрезъ капитана *И. Владыкина* въ знакъ достодолжныя и глубочайшія благодарности“. М. 1763. 4º (*Сопиковъ*, III, № 3704). Очевидно, о ней упоминаетъ Новиковъ въ Опытѣ историч. словаря, изд. *Ефремова*, стр. 26.

терина спѣшитъ вызвать изъ ссылки барона Шафирова и поручаетъ ему составить исторію царствованія своего предшественника [1]) Если въ этомъ порученіи и сказалось непониманіе невозможности писать исторію только что совершившихся событій, за то въ немъ слишкомъ очевидно желаніе сохранить въ памяти потомства дѣянія великаго мужа и достойнымъ образомъ прославить ихъ.

Именно прославить, преклониться передъ Петромъ — вотъ какое чувство охватываетъ тогда многихъ. Дворянинъ Крекшинъ трудился 20 лѣтъ надъ собираніемъ матеріала о Петрѣ и откровенно говоритъ, что онъ „недостоинъ отрѣшити и ремень сапога его, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзать“ [2]). Крекшинъ такъ прямо и обращался къ Петру съ воззваніемъ: „Отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ!“ [3]) Сумароковъ идетъ еще далѣе, сравнивая Петра съ Іисусомъ Христомъ, а Коломенское, предполагаемое мѣсто рожденія Петра, съ Виѳлеемомъ [4]).

Какимъ чувствомъ благоговѣнія проникнуты были къ Петру люди, имѣвшіе случай дѣлить съ нимъ труды и опасности жизни, лучшимъ примѣромъ служитъ инвалидъ Кириловъ. Этотъ старикъ многими годами пережилъ царя и доживалъ свои дни на покоѣ; но время не изгладило въ немъ живой и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарной памяти. У него былъ небольшой финифтяный портретъ государя, который онъ ежедневно лобызалъ и, поставивъ его среди образовъ, въ переднемъ углу, теплилъ предъ нимъ свѣчу и каждую ночь молился передъ нимъ, какъ передъ изображеніемъ угодника. На замѣчаніе мѣстнаго архіерея о несоотвѣтствіи подобныхъ поступковъ съ предписаніями православной церкви, Кириловъ съ негодованіемъ и упрекомъ возразилъ: „Петръ былъ нашъ ангелъ хранитель, защищалъ отъ враговъ,

---

[1]) *Устрялова*, Истор. царств. Петра Великаго, I, 322—325 и Полн. собр. Закон., VII, № 4721.

[2]) Записки *Крекшина*, изд. *Сахарова*, предисл., стр. IV.

[3]) Записки *Крекшина*, изд. *Сахарова*, Къ читателю, стр. 4.

[4]) *Сумароковъ*, Полн. собр. сочин., изд. 2-е, ч. IV, стр. 302—303.

Россійскій Виѳлеемъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело!
Ты счастья нашего источникъ и начало,
Въ тебѣ величіе Россійско возсіяло!

Первоначально сказано это было въ 1759 году (*Трудолюбивая Пчела* 1759, октябрь, 240—242).

наравнѣ дѣлилъ всѣ тудности походовъ, ѣдалъ съ нами общую кашу, обращался какъ ровный и отецъ; самъ Богъ прославилъ его побѣдами, не допустя коснуться до него смерти и раны; а ты говоришь: не должно образу его молиться!" Единственное, на что согласился старикъ, это не ставить свѣчи; но портретъ продолжалъ стоять на ряду съ образами [1]).

Какъ на новый примѣръ благоговѣнія къ памяти Петра, можно указать на В. Н. Татищева, который пишетъ свою „Исторію" главнымъ образомъ съ цѣлью воздать должную благодарность царю за его милости, а также и къ славѣ и чести Русскаго государства [2]). Обратимъ вниманіе на заглавіе, данное И. И. Кириловымъ своему сухому статистическому труду о Россіи 1727 года [3]), чтобы понять, какими чувствами и онъ былъ проникнутъ къ преобразователю. Лучшіе люди Россіи первой половины XVIII столѣтія привыкли сколько-нибудь значительный шагъ свой связывать съ именемъ Петра и учиться у него любить свою родину, свою честь.

Какъ ничтожны должны были казаться послѣдующія поколѣнія для тѣхъ, кто прошелъ Петровскую школу, былъ зрителемъ и даже участникомъ въ великихъ событіяхъ этого времени! На согласіе Екатерины II уволить его отъ службы подъ условіемъ найдти ей вмѣсто себя человѣка съ такими же, какъ онъ, достоинствами, извѣстный уже намъ Неплюевъ даетъ такой характерный отвѣтъ: „Нѣтъ, осударыня, мы Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огнь и воду, инако воспитывались, инако мыслили, и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя, и инако мыслятъ; и такъ, я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться" [4]). Неплюевъ безъ слезъ не могъ вспоминать великаго императора [5]). Съ такимъ же чувствомъ умиленія и со слезами на глазахъ вспоминалъ о Петрѣ и Ѳ. И. Ушаковъ, на смертномъ одрѣ [6]).

Періодъ времени отъ смерти Петра до воцаренія Елизаветы былъ преимущественно эпохою временщиковъ. Это была пора тяжелая для

---

[1]) *Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго, изд. 2-е, т. XV, отд. 1-е, стр. 275—276.

[2]) *Татищевъ*, Исторія Россійская, т. I, предисловіе, стр. XVI.

[3]) *И. Кириловъ*, Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій, отецъ отечествія. 2 чч. М. 1831.

[4]) *Голиковъ*, Дополн. къ Дѣян., XVII, 449.

[5]) *Голиковъ*, Дополн. къ Дѣян., XVII, 458.

[6]) Ibidem., 458—459.

всѣхъ, кому были дороги Петровскіе идеалы; великое дѣло попало въ мелкія руки; великаго борца смѣнили жалкіе эпигоны; интересъ національный былъ забытъ, и тотъ завѣтъ, что далъ преобразователь на поляхъ Полтавскихъ, говоря: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи“, — завѣтъ этотъ былъ отданъ на поруганіе Биронамъ и разнымъ заѣзжимъ авантюристамъ. Негодованіемъ бились сердца птенцовъ Петровыхъ, его учениковъ, и чѣмъ ничтожнѣе представлялось имъ настоящее, тѣмъ величавѣе вставало въ воображеніи недавнее прошлое, тѣмъ большимъ ореоломъ окружался образъ Петра. Пройдетъ немного времени, и великій русскій поэтъ воскликнетъ: „Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія“, выражая этимъ возгласомъ далеко не личное только настроеніе.

Вотъ почему съ такимъ восторгомъ встрѣчено было восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы. Въ дочери Петра видѣли залогъ возврата къ національной программѣ, къ дальнѣйшему преуспѣянію. При ней можно было открыто чтить память „земнаго бога“: при ней станутъ не разрушать памятники Петровской старины [1]), а на оборотъ, заботиться о ихъ сохраненіи [2]). Такимъ образомъ идея получала преемственность, не затерывалась. Недавнее прошлое начинало казаться однимъ сномъ, смѣнившись твердою вѣрою въ будущее и чувствомъ восхищенія.

Очень хорошо оттѣняютъ это настроеніе придворныя проповѣди, говоренныя въ это время. Петръ Великій изображается въ нихъ то сѣятелемъ, то воскресившимъ спящую въ летаргическомъ снѣ Россію, то великимъ художникомъ, изваявшимъ изъ грубаго матеріала прекрасныя статуи: „Запамятовали были, коимъ образомъ Петръ Великій обрѣте насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковату, дебелу, ожелтѣлу, неотесанну, ни на каково дѣло неудобну, своима рукама коль въ красные статуи передѣлалъ, да еще и небездушные?“ Надо

---

[1]) Такъ, напримѣръ, сломанъ былъ деревянный дворецъ Петра въ городѣ Осередѣ (нынѣ Павловскъ, Воронежской губерніи) и сплавленъ по рѣкѣ Дону въ новозаводившуюся въ 1739 г. крѣпость св. Анны (*Е. Болховитиновъ*, Описаніе Ворон. губ., 113).

[2]) Живописецъ Вешняковъ исправлялъ въ 1748 находившійся въ сенатѣ старый портретъ Петра (*Солов.*, XXII. изд. 2-е, стр. 321); годомъ раньше сенатъ утвердилъ донесеніе Нартова о необходимости сберечь для потомства нѣсколько костяныхъ паникадилъ и одинъ животворящій крестъ съ апостольскими ликами—работы Петра Великаго (ibidem., 296—297).

имѣть слабую память или стать совершенно неблагодарнымъ, чтобы не сознавать, какъ многимъ обязаны мы Петру. Раньше была Россія „некрѣпкая, немудрая, нестройная, у всѣхъ презрѣнная“ а теперь... Кто учредилъ коллегіи, заводы и фабрики съ разнообразнымъ производствомъ? Кто показалъ образецъ для „велелѣпныхъ домовъ, не токмо къ житію, но къ прохладному житію довольныхъ?“ Кто воздвигнулъ училища и семинаріи? Кто соорудилъ флотъ? и т. д. и т. д.? Петръ, одинъ Петръ. „Одна всѣхъ повѣсть, что Россія все свое лучшее состояніе Петру должна. Общенародный голосъ, что у насъ тое только не Петрово, что худое“. Желая сказать пріятное наслѣднику престола, проповѣдники сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія не находили ничего лучшаго, какъ признать въ немъ или пожелать ему тѣ же качества и добродѣтели, какими обладалъ первый нашъ императоръ [1]).

Но едва ли кто полнѣе и восторженнѣе популяризовалъ имя Петра и разъяснялъ значеніе его царствованія, какъ пѣвецъ Елизаветы, Ломоносовъ. Проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ величію его дѣяній, онъ пользовался каждымъ случаемъ напомнить о заслугахъ царя и вызвать благодарное о нихъ воспоминаніе.

Не говоримъ о его „надписяхъ (числомъ 5) къ статуѣ Петра Великаго“ [2]), перечислявшихъ подвиги „земнаго бога“ (надпись первая), про котораго

Не вѣрили, что онъ единъ отъ смертныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за Бога почитали (надпись четвертая);

не будемъ долго останавливаться и на его „героической поэмѣ“: „Петръ Великій“ [3]). Поставивъ себѣ образцомъ Вергилія [4]), поэтъ задался цѣлью показать, какъ Петръ „превыше человѣка понесъ

---

[1]) *Н. Поповъ*, Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны. *Лѣтописи русск. литер. и древн.—Тихонравова*, т. II, отд. III, стр. 2, 3, 5, 7, 8, 27—29. Сравн. современное, въ реторическомъ и церковномъ стилѣ написанное, „Историческое описаніе о возшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны“. *Русскій Вѣстникъ* 1842 г., т. VI, стр. 1—15.

[2]) Сочиненія *Ломоносова*, изд. 1840, ч. I, стр. 321—324.

[3]) Ibidem., ч. II, стр. 3—71.

[4]) „Ломоносовъ слѣдовалъ Вергилію и въ планѣ, и въ частностяхъ. Первая пѣснь есть сокращенное подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ Энеиды: подобно Энею, Петръ I претерпѣваетъ бурю; какъ Эней разказываетъ Дидонѣ о разореніи Трои, такъ русскій царь разказываетъ настоятелю Соловецкаго монастыря о стрѣлецкихъ бунтахъ“. *Галаховъ*, Истор. русск. слов., ч. I (изд. 1863), стр. 343—344.

труды для насъ неслыханы отъ вѣка", какъ любилъ отечество, подвергался опасностямъ и проч. Поэма, по видимому, задумана была въ обширныхъ размѣрахъ, такъ какъ первыя двѣ пѣсни [1]) могутъ служить развѣ только введеніемъ въ прославленіе истинныхъ заслугъ государя.

Гораздо полнѣе рисуется Ломоносовъ, какъ почитатель и духовный ученикъ Петра, въ своемъ „Похвальномъ словѣ" ему. Это цѣлый радъ похвалъ и прославленій. Петръ славится за устройство войска, флота, за покровительство торговлѣ, за сношенія съ Европою но всего болѣе—за распространеніе просвѣщенія. Реторическіе пріемы въ особенности гиперболы, по литературнымъ правиламъ того времени, подобно „Плачу" Тредіаковскаго, даютъ всему произведенію характеръ чего-то ходульнаго, такъ что самую мысль иногда трудно отыскать въ изворотахъ затѣйливой формы [2]).

Въ концѣ рѣчи, резюмируя все сказанное, авторъ возвышается до истинной поэзіи и произноситъ нижеслѣдующія слова: „Я въ полѣ межь огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межь трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многочисленными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межь стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, не многіе;

---

[1]) Въ нихъ воспѣта поѣздка царя къ Архангельску и Бѣлому морю и затѣмъ взятіе Шлиссельбурга.

[2]) Сочиненія *Ломоносова*, изд. 1840. ч. II, стр. 326—356. Обыкновенно называютъ (*Пекарскій*, Ист. Ан. Н,, II, 579—580) Каченовскаго, какъ перваго, который указалъ въ 1812 г. (въ *Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов.*, ч. III) на заимствованія въ этомъ Словѣ изъ Панегирика Плинія Младшаго императору Траяну, и говорятъ, что позже г. Галаховъ (въ *Ожеч. Зап.* 1843, XXX) дополнилъ указанія Каченовскаго, Между тѣмъ это заимствованіе отмѣчено было еще *М. Н. Муравьевымъ* въ статьѣ его: „Разсужденіе о различіи слоговъ" *(Опытъ трудовъ Вол. Росс. Собр.*, ч. VI (М. 1783), стр. 20). Въ 1759 г. вышелъ сдѣланный барономъ Чуди французскіе переводъ Слова (Panégyrique de Pierre le Grand), mais traduit fort mal, какъ замѣчаетъ самъ Ломоносовъ, et contre les protestations de l'auteur (*Пекарскій*, ibidem, II, 579). Впрочемъ столѣтіемъ позже къ переводу Чуди отнеслись менѣе строго. Минцловъ такъ отзывается о немъ: La traduction française est fort bien faite et se lit même avec plus d'agrément que l'original, la langue littéraire n'étant encore qu' à son début à cette époque en Russie (Pierre le Grand, 103). Въ 1765 году понадобилось второе изданіе оригинала (*Пекарскій*, ibidem).

и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства, но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго, но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ, но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ, однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ, но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся, однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю“ [1]).

Выше мы видѣли, что духовная проповѣдь охотно сближала великаго князя Петра Ѳеодоровича съ его великимъ дѣдомъ. То же самое видимъ мы и въ современной поэзіи. Тотъ же Ломоносовъ въ одной изъ одъ (IV-й) высказываетъ пожеланія, чтобы Россія нашла въ наслѣдникѣ престола преемника славныхъ дѣлъ. Если Господу угодно излить свои щедроты на Россіянъ, то да дозволитъ Онъ внуку превзойти дѣда—не въ дѣлахъ: они несравнимы, а хотя бы продолжительностью жизни. Въ этой же одѣ находятся знаменитыя строки:

Нептунъ познавалъ его (то-есть Петра I) державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласитъ:
Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россіи,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,

[1]) Сочиненіе *Ломоносова*, ч II, стр. 354—356.

Сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ
. . . . . .
Среди героевъ, выше звѣздъ [1]).

Таково отношеніе Ломоносова къ Петру I. Личность послѣдняго была такъ полна обаянія, что самые непримиримые враги сходились въ одинаковой оцѣнкѣ своего великаго царя. Сумароковъ, въ одѣ на восшествіе на престолъ императора Петра Ѳеодоровича, сплетая новому государю вѣнецъ пожеланій, въ сущности только повторяетъ Ломоносова, когда говоритъ:

Дабы ты, Петръ, былъ Петръ Великій [2]).

Въ цѣлой массѣ „Надписей“ — этой излюбленной въ прошломъ столѣтіи литературной формы — Сумароковъ идетъ въ слѣдъ за вѣкомъ, надѣляя Петра эпитетами въ родѣ: „Творецъ“, „подобенъ Богу“ и т. п. [3]).

Когда бы въ древній вѣкъ,
Каковъ былъ ты, такой явился человѣкъ,
Отцемъ ли бъ тя народъ, великимъ ли бъ нарекъ?—
Ты названъ былъ бы Богомъ! [4])

Воспѣвая Петровскія побѣды, Сумароковъ незамѣтно для себя впадаетъ въ крайній гиперболизмъ; Россія—по изображенію поэта—поднята Петромъ до небывалой высоты. Побѣды царя приводятъ, напримѣръ, къ такимъ результатамъ:

Хина (то-есть, Китай) вопитъ за стѣною,
. . . . . .
Паки Кодоманъ трепещетъ,
Индъ робѣя смутно плещетъ
И страшится Океанъ.
. . . . . .
О премудро Божество!
Отъ начала перва вѣка
Таковаго человѣка
Не видало естество.

---

[1]) Сочиненія *Ломоносова*, изд. 1840, ч. I, стр. 95—96.

[2]) *Сумароковъ*, Полное собран. сочин., изд. 2-е, 1787 г., ч. II, стр. 29.

[3]) Ibidem, ч. I, стр. 265.

[4]) Ibidem, ч. I, стр. 268. Вотъ перечень этихъ „надписей“ (числомъ 8): къ статуѣ Петра Великаго (3), къ столпу на Полтавскомъ полѣ, къ ботику, къ омику, къ образу, къ портрету Петра Великаго (ч. I, стр. 265—269).

Явись Петръ въ языческую пору, и его назвали бы не царемъ, а богомъ [1]).

Впрочемъ Сумароковъ, подобно Ломоносову, полнѣе высказалъ свой взглядъ на Петра не въ стихотворной, а въ прозаической формѣ. Быть можетъ, не безъ намѣренія состязаться со своимъ соперникомъ, онъ готовитъ въ 1759 году „Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ“ [2]). Задача автора, какъ опредѣляетъ ее самъ онъ, не увеличить славу Петра, и безъ того гремящую во всей подсолнечной, но освѣжить ее въ памяти слушателей (стр. 221). И Сумароковъ дѣйствительно уходитъ въ область воспоминаній, пользуясь современными ему событіями, напримѣръ, побѣдами русскихъ войскъ надъ Фридрихомъ Прусскимъ, чтобъ оправдать и реальнѣе обозначить положительную сторону Петровскихъ преобразованій. Сумароковъ вполнѣ сторонникъ новаго направленія: „До времени Петра Великаго“, замѣчаетъ онъ,—„Россія не была просвѣщена ни яснымъ о вещахъ понятіемъ, ни полезнѣйшими знаніями, ни глубокимъ ученіемъ; разумъ нашъ утопалъ во мракѣ невѣжества, искры остроумія угасали и воспламениться не имѣли силы“ [3]).

Возстановляя духовный образъ монарха, современники Елизаветы пытались, кромѣ того, увѣковѣчить его дѣянія и въ формѣ болѣе осязательной. Извѣстный актеръ Волковъ, написавшій утерянную оду Петру Великому, по отзыву Новикова, „великой похвалы достойную“, работаетъ надъ бюстомъ царя [4]); Нартовъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ сочиняютъ медали [5]); италіанцамъ Растрелли и Мартелли поручаютъ отливку конной статуи [6]). Но всего больше и въ этой области работаетъ тотъ, чьему умственному взору яснѣе прочихъ видна была колоссальная фигура царя: Ломоносовъ готовитъ мозаичный портретъ государя [7]) и таковыя же изображенія глав-

---

[1]) *Сумароковъ*, ч. II, стр. 3—12.

[2]) Первоначально въ *Трудолюбивой Пчелѣ* 1759, октябрь, стр. 579 — 592; позже въ Собран. сочин., част. II (изд. 2-е), стр. 219—228. Цитуемъ по этому послѣднему.

[3]) Ibidem. См. также риѳмованную реторику *А. Б. Селлія* въ его „Зерцалѣ историческомъ государей Россійскихъ“. *Древн. Росс. Вивліов.*, изд. 2-е, т. XVI, стр. 35—36.

[4]) Словарь *Новикова*, въ изд. Ефремова, стр. 25.

[5]) *Билярскій*, Матеріалы для біографіи Ломоносова, 268, 271, 274.

[6]) *Соловьевъ*, XXII, изд. 2-е, 321; XXVI, 343.

[7]) Вышедшій впрочемъ неудачнымъ. *Пекарскій*, Исторія Акад. Наукъ, II, 496—497, 550, 589, 590.

ныхъ моментовъ царствованія для проектированнаго надгробнаго памятника [1]).

Въ первой половинѣ XVIII вѣка на ряду съ симпатіями русскихъ людей не трудно найдти аналогичныя движенія и среди иноземцевъ. Англійскій Spectator особенно цѣнилъ въ Петрѣ его отношенія къ Европѣ и готовность учиться. „Герои древности", читаемъ мы въ этомъ журналѣ,—„далеко отъ него отстали, и нѣтъ изъ нихъ ни единаго, котораго бы сіянія не помрачилъ онъ". Его поступки „нѣкій родъ чуда, и ежели хотѣть ему сдѣлать похвалу, не извѣстно, чѣмъ начать и чѣмъ окончить" [2]).

Но конечно, болѣе отголосковъ нашла дѣятельность Петра у единоплеменныхъ славянъ. Еще въ 1710 году, подъ впечатлѣніемъ Полтавской побѣды, одинъ дубровчанинъ, Игнатій Градичъ, пишетъ оду: „Plam Sieverski", въ которой уподобляетъ Русскаго царя всесокрушающему пламени, не находящему себѣ никакихъ преградъ. „Дѣла его", говоритъ поэтъ,—„извѣстны всему міру; слава дѣла его не погибнетъ, доколѣ солнце будетъ сіять и быстрыя рѣки течь къ морю. Никогда на свѣтѣ не услышатъ о такихъ доблестяхъ, о такомъ могуществѣ, какими обладаетъ Петръ; никогда солнце не откроетъ подобнаго ему витязя" [3]). Подобнымъ же образомъ славитъ Петра и другой поэтъ изъ города Рагузы, Стефанъ Ружичъ, авторъ другой оды, „Pettar Alechssiouich" [4]). Съ особенною любовью останавливается онъ на преобразованіяхъ Петра, преимущественно на распространеніи просвѣщенія въ народѣ. Подобно Градичу, Ру-

---

[1]) Ibid., II, 634, 711, 712, 765, 856, 863, 884. Сравн. 798—799. Выполнена была всего одна картина, изображавшая Полтавскій бой; остальныя пять остались въ проектѣ. См. о нихъ подробнѣе ibidem, II, 855. Двѣ записки Ломоносова 1764 года, относящіяся до мозаичныхъ картинъ, приведены въ статьѣ *Вельтмана*, Портфель служебной дѣятельности Ломоносова, въ *Очеркахъ Россіи*, *В. Пассека*, кн. II (М. 1840), стр. 66—69. Ср. замѣтку г. *Божерянова*, Мозаичная картина Ломоносова, въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1886, № 9, стр. 655—656.

[2]) *Сумароковъ*, Полн. собр. сочиненій, изд. 2-е, ч. IX, стр. 256—258.

[3]) Plam Sieuerski to ies Pieuagnie u hualu Mosckouskoga Veliccianstua—вполнѣ напечатанъ у *Макушева*, въ Матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикой, стр. 74—89. Сравн. стр. 15. Также *В. Качановскій*, Значеніе не изд. дубровн. поэта А. Глечевича. Дубровницкіе отголоски о Петрѣ I Великомъ. *Памятн. Др. Письм.* XIII, 1881, стр. 23—27.

[4]) Pettar Alechssiouich alli ti petnes slamegniâ, diellá i cesti Petra Paruoga, Zarra i Samodarsgza Russinskoga spieuagnie pò Stiepu Rusichiu, popu Dubrouackomu, godiscta 1717—у *Макушева*, ibidem, стр. 90—113. Также *Качановскій*, ibidem, 17—22.

жичъ высказываетъ надежду, что Русскій царь нѣкогда разрушитъ Турецкую имперію, „освободитъ христіанъ отъ ига мусульманъ и станетъ господствовать надъ всѣмъ міромъ“ [1]). У черногорцевъ складывается пѣсня о томъ, какъ Петръ звалъ ихъ вмѣстѣ воевать противъ турокъ за вѣру православную [2]); помнятъ Петра и хорваты [3]); русскій посланникъ при турецкомъ дворѣ, Вишняковъ писалъ канцлеру Воронцову, что лучшія рѣчи турецкихъ христіанъ, особенно славянъ въ „бесѣдахъ о Россіи, самое пріятное чтеніе—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатыя награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь“ [4]).

Это восторженное чувство, съ какимъ относилось къ первому нашему императору ближайшее за нимъ поколѣніе, можно до извѣстной степени прослѣдить и чрезъ всю литературу Екатерининскаго царствованія. И здѣсь нѣтъ недостатка въ тѣхъ же гиперболахъ, въ томъ же восторгѣ. Херасковъ преклонится предъ царемъ, какъ законодателемъ и назоветъ „безсмертнымъ“ [5]), а Іоанна Грознаго заставитъ отозваться о немъ словами: „се Богъ иль человѣкъ“? [6]); другой поэтъ того времени, Державинъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ и мелкихъ стихотвореній сравнитъ его съ Богомъ, назоветъ „богомъ свѣта“ и т. п. [7]). Первоклассныхъ поэтовъ, разумѣется, повторяютъ второразрядные: въ устахъ одного Петръ Великій—„чуднѣйшій ге-

---

[1]) *Макушевъ*, Матеріалы, 16—17. Сравн. поэму неизвѣстнаго автора: La elicità comune. Voto di Pietro il Grande, Czar del Russie, напечатана у *Макушева*, ibid., 113—116. Въ ней авторъ „изображаетъ Петра I посланникомъ небесъ для утѣшенія страждущаго человѣчества“ (ibid., 17).

[2]) Напечатана у *Милутиновича*, Исторія Черне Горе, стр. 50 слѣд., приведено у *Кочубинскаго*, Сношенія Россіи при Петрѣ I съ южными славянами и румунами. *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1872, кн. 2-я, стр. 81 слѣд. Пѣсни черногорцевъ о началѣ сношеній съ Россіею при Петрѣ приведены у *Макушева*, Задун. и адріатич. славяне, стр. 163 слѣд.

[3]) *П. Витезовичъ*, Стихотвореніе о Петрѣ Великомъ. *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1862, кн. 2-я, стр. 1—28.

[4]) *Соловьевъ*, XXII, изд. 2-е, 87.

[5]) Нума или процвѣтающій Римъ. М. 1768, стр. 178.

[6]) Россіяда. М. 1779. стр. 179.

[7]) *Державинъ*, Сочиненія, изд. Академіи Наукъ, I, 17—23, 315—316, 432; III, 250, 252, 280—281, 383, 468. Княжнинъ оставилъ послѣ себя начатую поэму о Петрѣ. Собраніе сочиненій *Я. Б. Княжнина* (М. 1802), томъ I, стр. 10.

рой“ [1]); по словамъ другаго, дѣянія Петра столь необычайны, что потомки сочтутъ ихъ за вымыселъ [2]); третій восклицаетъ: „Россъ Петромъ лишь просіялъ!“ [3]) и т. п. [4]). Поэтамъ вторятъ проповѣдники съ церковныхъ каѳедръ; блестящій витія, митрополитъ Платонъ, точно копируя Неплюева, говоритъ: „На что ни обратимъ взоръ свой, все ему одолжено началомъ, все плодъ его благоразумія и просвѣщенія.... Все что ни видимъ, что ни вообразимъ, Петръ или изобрѣлъ, или утвердилъ, или основалъ, или къ тому случай подалъ“ [5]); сухой учебникъ географіи, лишь только приходилось говорить о Петрѣ, сейчасъ же повышалъ тонъ и отзывался о царственномъ реформаторѣ, какъ о „наивеличайшемъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ россійскихъ владѣтелей“, какъ о даровавшемъ „имперіи своей совсѣмъ новый видъ“ [6]). Вспомнимъ также благородную горячность Порошина, съ какою онъ старается при всякомъ случаѣ напечатлѣть въ сознаніи своего царственнаго ученика образъ его великаго дѣда; обиліе анекдотовъ о Петрѣ въ „Запискахъ“ Порошина лучше всего показываетъ, какъ еще ярко жилъ этотъ образъ въ сознаніи потомства [7]).

Купецъ Голиковъ съ молодыхъ лѣтъ проявляетъ живой интересъ къ исторіи Петра. Отвлекаемый обязанностями своего положенія, онъ тѣмъ не менѣе пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ удовлетворить своей любознательности и подъ конецъ посвящаетъ всю жизнь на собираніе матеріаловъ для исторіи своего излюбленнаго „ироя“ [8]). Результатомъ такого увлеченія являются знаменитыя „Дѣянія Петра Великаго“. Чувство восторга и безпредѣльнаго благоговѣнія къ царю,

---

[1]) *Я. Большаковъ*, Стихи на прибытіе Петра Вел. въ Архангельскъ. О высочайшихъ пришествіяхъ Петра изъ града Москвы на Двину. М. 1783, стр. 6.

[2]) *А. Лопухинъ*, Мадригалъ Петру Вел. *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій* 1793, ч. X, стр. 3.

[3]) *Н. Николевъ*, Рондо Петру Вел. *Аониды*, кн. I, М. 1796, стр. 78—81.

[4]) Сравн. четверостишіе *Писарева* въ Дополненіяхъ *Голикова*, XVIII, 561.

[5]) Слово надъ гробомъ Петра Вел. по случаю празднованія Чесменской побѣды. Продолженіе седьмое поучительныхъ словъ при Высочайшемъ дворѣ, стр. 2, 3.

[6]) Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта. Сочинено..... учеными россіанами. С.-Пб. 1795, ч. II, стр. 23.

[7]) *Порошинъ*, Записки, изд. *Русской Старины*, 96—98; 103—104, 107—110, 114, 116, 132, 133, 148, 167, 178, 292, 552.

[8]) *Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго, предисловіе къ первой части.

какъ къ великому творцу и мудрому учителю, легко прослѣдить на каждой страницѣ этого многотомнаго труда.

На ряду съ этою восторженностью идетъ, правда, болѣе спокойная, но за то и болѣе разумная, болѣе сознательная оцѣнка Петра, впрочемъ съ такимъ же безусловнымъ восхваленіемъ царя, предъ совершенствами котораго, какъ государя, по ея мнѣнію, стушевываются его недостатки.

Для императрицы Екатерины Петръ рисуется въ видѣ греческаго мудреца, учителя par excellence [1]). Она беретъ у него уроки государственной опытности; принимаясь за какое-нибудь дѣло, роется въ архивахъ, увѣренная, что оно „было уже имъ обдумано" [2]); носитъ съ собою табакерку съ изображеніемъ Петра, чтобы постоянно вспоминать о послѣднемъ и справляться: какъ поступилъ бы онъ въ томъ или другомъ случаѣ на ея мѣстѣ? [3]). Оттого главнымъ образомъ и симпатизировала Екатерина Іосифу II, что тотъ напоминалъ ей Петра живостью характера, преданностью государственному благу и постояннымъ желаніемъ учиться и учить другихъ [4]). Императрица сама свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ Вольтеру, что всего болѣе цѣнитъ она въ Петрѣ то, что, при всей горячности его натуры, истина постоянно одерживала надъ нимъ верхъ [5]). Увѣковѣчить имя Петра въ достойномъ памятникѣ Екатерина считала своимъ нравственнымъ долгомъ, и Фальконетъ съ m-lle Колло явились достойными выразителями ея замысловъ. Быть можетъ, не безынтересно сопоставить мнѣнія Русской императрицы съ взглядами другаго царственнаго представителя XVIII вѣка? Фридрихъ II, въ ранней перепискѣ съ Вольтеромъ (1737—1738 гг.) такъ отзывается о Петрѣ: „Онъ не обладалъ ни малѣйшимъ признакомъ человѣчности и доблести; крайне невѣжественный, онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ, порывовъ. Жестокій во время мира, слабый на войнѣ, Петръ былъ обязанъ въ жизни счастію, а не уму". Много лѣтъ спустя Фридрихъ радикально измѣнилъ свой взглядъ, и въ его

---

[1]) Сравн. *Державинъ*, Рѣчь 1803 года. Сочиненія, VII, 416.

[2]) *Пушкинъ*, Сочиненія, изд. *Анскаго*, V, 319.

[3]) *Prince de Ligne*, Portrait de Cathérine le Grand. Oeuvres (édit. 1860), tom. III, p. 17.

[4]) Ibidem.

[5]) Oeuvres complétes de *Voltaire*. Nouvelle édition, tome XLIII (Paris. 1881), pag. 16.

„Histoire de mon temps“ [1]) встрѣтимъ мы уже такія слова: „Подобно тому, какъ крѣпкая водка воздѣйствуетъ на желѣзо, такъ и Петръ кореннымъ образомъ преобразовалъ свою націю. Онъ былъ истинный законодатель и основатель своей монархіи; онъ создалъ людей, солдатъ и министровъ; воздвигъ на морѣ силу, достойную удивленія, и поставилъ народъ свой на виду всей Европы, заставивъ ее признать свои рѣдкостные таланты [2])“. Первое мнѣніе высказываетъ молодой, неопытный принцъ, живущій еще одними теоріями и отвлеченными умозрѣніями. Позже годы и опытъ умудрятъ его, онъ самъ пройдетъ трудную школу управленія государствомъ и сумѣетъ признать истинно великое въ великомъ человѣкѣ.

Возвращаясь на отечественную почву, обратимъ вниманіе на общій тонъ сатирическихъ журналовъ 1769 — 1774 гг.; весь онъ проникнутъ уваженіемъ къ реформѣ.

Еще съ бо̀льшимъ основаніемъ то же можно сказать про „Письма русскаго путешественника“, которыя всецѣло оправдываютъ идею заимствованія у другихъ народовъ. „Путь образованія или просвѣщенія“, говоритъ Карамзинъ,— „одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ, итакъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?“. Короткое платье покойнѣе, удобнѣе и пріятнѣе длиннополаго кафтана; борода — признакъ дикаго человѣка; не брить ее — то же, что не стричь ногтей. „Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямцу, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать“. Не довольствуясь этими въ столь яркозападническомъ духѣ сказанными словами, Карамзинъ продолжаетъ далѣе: „Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что̀ хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и, что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣчества, то мое, ибо я человѣкъ!.. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться“ [3]). И восемь лѣтъ спустя, въ 1798 г., проектируя (не выполненное) похвальное слово Петру, Карамзинъ держится того же

---

[1]) Oeuvres de Frèderic le Grand, tom. II. (édit. 1846), p. 21.

[2]) Заимствовано у *Sadler*, Peter der Grosse, 31, 221, равно какъ и вышеприведенную ссылку на „Histoire de mon temps“.

[3]) *Карамзинъ*, Сочиненія, изд. 1848, т. II, стр. 513—516.

взгляда. До-Петровская Русь, по его опредѣленію, безобразный, не обдѣланный кусокъ мрамора, новая Россія—статуя Зевса, изваянная Фидіемъ. Безъ подражанія Европѣ Россія не ушла бы далеко впередъ: стоитъ ли толковать объ измѣненіи народнаго характера, когда въ замѣнъ его намъ былъ открытъ такой неисчерпаемый источникъ новыхъ благъ! [1])

Но едва ли изъ современниковъ Екатерины II, кто другой такъ глубоко и сознательно оцѣнилъ роль Петра Великаго въ русской исторіи, какъ сдѣлалъ это графъ Сем. Ром. Воронцовъ въ письмѣ своемъ 14-го декабря 1789 г. къ брату послѣ прочтенія первыхъ девяти томовъ Голиковскихъ „Дѣяній". Онъ не боится признать ошибки въ узаконеніяхъ царя, крайнюю суровость къ сыну, податливость къ женѣ и т. п., такъ какъ все это съ избыткомъ выкупается высокимъ его умомъ, умѣньемъ выбирать людей, творить при малыхъ средствахъ великія дѣла. „Величіе" Петра, очевидно, не одна только фраза въ устахъ Воронцова: оно заключается для него не въ однихъ только дѣлахъ, которыя по самому свойству своему кричатъ о себѣ; Воронцовъ сумѣлъ подмѣтить это величіе и въ мелкомъ фактѣ, и въ блѣдной чертѣ, и, конечно, всего болѣе во всей совокупности поступковъ [2]).

Такимъ образомъ, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ общественнаго мнѣнія, мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка на ряду съ прежними восторгами и благоговѣніемъ, у нѣкоторыхъ иногда проявлявшимися даже въ формахъ шаблонныхъ, начинаетъ пробиваться чувство благодарности не менѣе

---

[1]) *Погодинъ*, Н. М. Карамзинъ, часть I, стр. 277, 294. Сравн. *Галаховъ*, Исторія русской словесности II, 4.

[2]) *Д. Рябининъ*, Графъ С. Р. Воронцовъ. *Русскій Архивъ* 1879, книга I, стр. 495—496 (и въ Архивѣ кн. Воронцова, IX, 158—161). Сравн. въ томъ же духѣ (весьма впрочемъ шаблонную) оцѣнку Петра въ статьѣ гр. *С. П. Румянцова*: „Петръ Великій" въ *Собесѣдникѣ любит. росс. слова*, ч. VII (1783), стр. 169—177. О принадлежности этой статьи Румянцову см. въ автобіографіи послѣдняго *Русскій Архивъ* 1869, 850. Подобную же характеристику можно читать въ книгѣ: „Хронологія, переведенная тщаніемъ сочинителя философа дворянина, изъ науки, которую сочинилъ г. де *Шепиньи*; часть I. М. 1782, стр. 248—250. Много мѣстъ, полныхъ уваженія и благодарной памяти къ Петру, разсѣяно въ Дневникѣ *П. И. Челищева*, не упускавшаго случая реставрировать памятники пребыванія Петра въ Архангельскомъ краѣ (Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году, стр. 61, 71, 73, 78, 103, 105, 106, 121).

сильной, но болѣе сознательной, а потому и болѣе спокойной, болѣе ровной. Поколѣніе позднѣйшее, люди Екатерининской эпохи не находились уже подъ непосредственнымъ обаяніемъ титанической натуры царя и результатовъ его дѣятельности. Вторая половина XVIII вѣка успѣла уже сдѣлать самостоятельные шаги впередъ по пути прогресса. Временная задержка, наступившая по смерти Петра, очевидно для всѣхъ, окончилась. Извнѣ Россія успѣшно боролась съ Польшею и Турціей, и то, что̀ составляло завѣтъ предшествовавшихъ поколѣній, казалось, было достигнуто. Берега Азовскаго и Чернаго морей не оглашаются болѣе дикими криками разбойничьяго гнѣзда татарскаго, нашедшаго себѣ пріютъ въ степяхъ Тавриды. Западно-русскія области возсоединены съ великорусскимъ населеніемъ. Отношенія Европы къ Россіи полны уваженія и даже тайнаго страха. Внутри просвѣщеніе духовное, культура внѣшняя дѣлаютъ видимые успѣхи. Являются Болотовы, вносящіе гуманныя начала въ деревенскую, прежде столь одичалую, глушь. Самый „Недоросль“ показываетъ, что истинное образованіе для средняго класса считалось тогда не только необходимымъ, но и возможнымъ. Если казнокрадство, неправосудіе и другіе пороки можно было встрѣтить на каждомъ шагу, за то отношеніе общества къ этимъ явленіямъ становится уже инымъ. Прежде Петръ былъ одинокимъ со своей карающею дубинкой; теперь одни сатирическіе журналы уже ясно говорили, что изъ массы выдѣлилась лучшая часть и сознательно стояла на сторонѣ благихъ начинаній правительства. Уваженіе къ знанію увеличивалось, нравы замѣтно смягчались, явилась жизнь общественная, общественные интересы....

Конечно, всякій, кто только серьезно задумывался надъ этими явленіями, долженъ былъ признать ихъ корень въ реформѣ Петра. Но то высокопочтительное отношеніе, какое современники Екатерины питали къ царю, за рѣдкимъ развѣ исключеніемъ, не переходило болѣе въ прежнее идолопоклонство. Для людей этого времени Петръ, какъ мы сейчасъ видѣли, скорѣе является въ образѣ греческаго мудреца, учителя по преимуществу. Да и то не для всѣхъ. Все чаще появляются лица, которымъ хочется разобраться въ своихъ чувствахъ и проанализировать ихъ. Въ Петрѣ готовы они видѣть не абсолютное зло или абсолютное добро, но только моментъ, за которымъ неизбѣжно послѣдуютъ другіе лучшіе моменты, лучшіе даже съ точки зрѣнія безусловныхъ почитателей великаго императора.

Такимъ образомъ эпоха Екатерины незамѣтно выходитъ на путь критики.

„Петръ Великій создалъ въ Россіи людей, ваше величество влагаете въ нихъ души“, говоритъ Бецкій Екатеринѣ, поднося ей уставъ воспитательнаго дома [1]). „Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина — душу“, говоритъ Сумароковъ въ надписи къ статуѣ Петра I [2]). Ту же мысль, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, высказываетъ и Херасковъ: „Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина — душу“ [3]).

Среди общаго торжественнаго хора мало по малу начинаютъ выступать голоса, если еще и не противоположнаго содержанія, то совершенно съ инымъ оттѣнкомъ, и не со стороны тѣхъ, кто видѣлъ въ Петрѣ антихриста, а въ бородѣ—все спасеніе; нѣтъ, эти голоса раздаются уже среди обритыхъ короткокафтанниковъ, среди людей, освоившихся съ западною цивилизаціей. Это были голоса, еще не нападавшіе на Петра, но всю силу своихъ доводовъ употребившіе на защиту старины. Пока они не противъ реформы, но стоитъ только сдѣлать одинъ шагъ, логическій выводъ, — и они очутятся въ ряду противниковъ перваго нашего императора [4]).

Гдѣ же искать причину такого раскола въ новомъ лагерѣ? Дѣло въ томъ, что реформа сказалась и обратною стороною: у многихъ

---

[1]) Генеральный планъ Московскаго воспитательнаго дома. С.-Пб. 1767, стр. VIII.

[2]) *Сумароковъ*, Полн. собр. сочин., изд. 2-е, ч. I, стр. 268.

[3]) Нума или процвѣтающій Римъ. М. 1768, стр. 180.

[4]) Двойственность своего положенія приходилось сознавать еще современникамъ Петра В. Напримѣръ, *Стефанъ Яворскій* удивляется генію Петра, славитъ его побѣды, неутомимую дѣятельность, создавшую могущество Россіи, и въ то же время не въ силахъ удержаться, чтобъ не выразить своего несочувствія многимъ изъ его реформъ, и всего болѣе, конечно, тѣмъ, которыя затрогивали церковные порядки. Извѣстна его рѣчь 17-го марта 1712 г., направленная противъ фискаловъ, гдѣ по спопутности онъ нападаетъ и на самого царя за разводъ съ Евдокіею и, точно въ противовѣсъ ему, молится за здоровье царевича Алексѣя, „нашей единой надежды“. Также указываетъ онъ на бѣдственное положеніе народа и на порчу нравовъ, благодаря проникновенію иновѣрныхъ ученій (эти данныя сведены у *Порфирьева*, Истор. русск. слов., ч. II, отд. I, стр. 38—43. Сравн. *Тихоправовъ*, Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій. *Русск. Вѣстн.* 1870 г., № 9, стр. 37—41). Офиціальное положеніе Яворскаго въ значительной степени объясняетъ рѣдкость подобныхъ выходокъ въ его проповѣдяхъ; она коренится, думаемъ, не въ однихъ схоластическихъ пріемахъ, какъ это предполагалъ Самаринъ (Сочиненія, V, 377—378).

презрѣніемъ къ національному и увлеченіемъ иноземнымъ ради одной моды. Противъ этого-то и послышались обвиненія: можно стремиться къ образованію, говорятъ они,—и не разрывать связи съ прошлымъ; можно уважать иноземное и не презирать своего роднаго! Если новые порядки и вызовутъ въ старикахъ указаніе на Петровскую эпоху, какъ на примѣрную [1]), то въ то же время проявится серьезный отпоръ общераспространенному взгляду о яко бы полной несостоятельности русскаго общества конца XVII вѣка.

Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ Манштейнъ оспаривалъ мнѣніе, будто до Петра всѣ русскіе вообще были глупы и тупы. Онъ признавалъ въ массѣ народной сметку, здравый смыслъ, пожалуй, даже въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ у другихъ народовъ Европы. Послѣ бѣдствій смутнаго времени, говоритъ онъ,—русскіе сумѣли освободиться отъ Польши и Швеціи, вернуть потерянное и стать снова самостоятельною націей, а глупцу этого не сдѣлать! [2])

Сумароковъ, забывая о своихъ прежнихъ диѳирамбахъ, такъ выражается на своемъ грубомъ нарѣчіи: „Бредятъ люди, проповѣдывающіе то, что мы до временъ Петра Великаго варвары или паче скоты были; предки наши были не хуже насъ, а сей послѣдній царь Ѳедоръ Алексѣевичъ въ нашей древности былъ достойный братъ Петру Великому“ [3]).

То же самое, но только еще съ бо́льшимъ авторитетомъ говоритъ академикъ Миллеръ: „На исторію Ѳедора можно смотрѣть, какъ на переходъ отъ великихъ дѣяній царя Алексѣя Михайловича къ преобразованіямъ, совершеннымъ Петромъ Великимъ... Исторія должна справедливо.... замѣтить, сколь многое уже было приготовлено отцомъ и братомъ Петра Великаго“ [4]). Новиковъ съ горечью замѣчаетъ, что и самыя добродѣтели предковъ нашихъ подвергаются осмѣянію. Изданіемъ Вивліоѳики онъ расчитывалъ противодѣйствовать этому направленію, выставляя величіе духа предковъ и разъясняя истинное значеніе событій [5]). Защиту старины и борьбу противъ

[1]) Вышеприведенный отвѣтъ Неплюева Екатеринѣ; сравн. слова Фонъ-Визинскаго Стародума, дѣйств. III, явл. 1.

[2]) *Манштейнъ*, Записки о Россіи, изд. 1875 г., стр. 327—328.

[3]) *Сумароковъ*, Первый и главный стрѣлецкій бунтъ въ маѣ 1682 года. *Туманскій*, IV, 246 и Полн. собр. сочин., изд. 2-е, ч. VI, стр. 172.

[4]) Рукописная „Исторія жизни и царствованія Ѳедора Алексѣевича“, предисловіе; приведено у *С. М. Соловьева*, Г. Ф. Мюллеръ. *Современникъ* 1854, № 10 стр. 142 и у *Е. Е. Замысловскаго*, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, стр. 08.

[5]) Предисловіе къ первому тому *Древн. Росс. Вивліоѳики.*

новомодныхъ французскихъ обычаевъ принимаетъ на себя и графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, пользуясь для этого найденнымъ поученіемъ Владиміра Мономаха [1]).

Даже императрица Екатерина, относившаяся, какъ мы видѣли, къ Петру съ чувствомъ глубокаго уваженія, въ 1790 году, на предложеніе французскаго эмигранта Senac de Meilhan написать исторію Россіи XVIII вѣка, ставитъ непремѣннымъ условіемъ не „утверждать, что Россія до Петра Перваго не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное". Россія прежде „шла наравнѣ со всею Европою", и только смуты конца XVI и начала XVII вѣка „остановили ея успѣхи на 40 или 50 лѣтъ" [2]). Та же забота объ охранѣ древнихъ русскихъ доблестей руководитъ государыней, когда она составляетъ „Записки касательно Россійской исторіи" [3]).

Но никто изъ принадлежавшихъ къ этой группѣ не высказывался такъ опредѣленно за старину, какъ неизвѣстный авторъ „Мыслей о Россіи, или нѣкоторыхъ замѣчаній о гражданскомъ и нравственномъ состояніи русскихъ до царствованія Петра Великаго" [4]). Это былъ русскій вельможа, изложившій по французски свои мнѣнія, въ отвѣтъ на запросы его заграничныхъ друзей. Статья не предназначалась для печати и въ русскомъ журналѣ появилась, къ сожалѣнію, въ сокращеніи. Это въ сущности первый по времени трактатъ, разсматривающій до-Петровскую эпоху въ рѣзко-славянофильскомъ духѣ. Авторъ прежде всего возстаетъ противъ французскихъ писателей, провозгласившихъ Петра творцомъ нынѣшней Россіи. Они забываютъ, говоритъ онъ,—что изъ ничего ничего и не бываетъ. Петръ дѣйствовалъ на почвѣ, подготовленной предшественниками. Если бы Россія до Петра была ничѣмъ, то откуда же взяла она силы вынести всѣ

---

[1]) Духовная в. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ. С.-Пб. 1793, примѣч. 9, 11, 20, 31, 41, 42, 43, 44, 49.

[2]) Переписка о Сенакѣ въ *Русск. Архив.* 1866, столбцы 421—459; Сочиненія Екатерины, изд. *Смирдина*, т. III, стр. 413—418 (письмо къ Мордвинову).

[3]) Первоначально въ *Собесѣдникъ Любителей Росс. Слова*; позже отдѣльно въ 6 частяхъ. Защита до-Петровской старины въ *Антидотѣ*, можетъ быть, вытекала изъ соображеній менѣе безкорыстныхъ; полемика императрицы съ французскимъ аббатомъ приняла такой рѣшительный характеръ, что обѣлять старую Русь было необходимо, разъ на нее нападалъ авторъ Voyage en Sibérie (Сравн. Осмнадцатый вѣкъ, *Бартенева*, IV, 289—294).

[4]) *Вѣстн. Европы* 1807, част. XXXI, январь, №№ 1 и 2, стр. 8—29, 107—120.

тягости Смутнаго времени?.. Вотъ, напримѣръ, какую картину жизни рисуетъ намъ авторъ: „До Петра I, а особливо при жизни родителя его, россійскій народъ былъ единообразенъ въ своихъ обычаяхъ, твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наслажденія русскихъ состояли въ простыхъ произведеніяхъ здраваго смысла. Незнакомы были имъ изступленія и мечты распаленнаго воображенія, равно какъ и его очарованія. Никто не выказывалъ себя знающимъ то, чего не вѣдалъ, и всѣ довольны были тѣмъ, что знали. Промышленность ограничивалась предѣлами родной страны, и русскіе не желали наслажденій искусственныхъ и удовольствій иноземныхъ. Русскій народъ имѣлъ собственный свой характеръ—суровый, можетъ быть, для нашего вѣка, но характеръ прямой и честный, умѣвшій чувствовать свое достоинство“ (стр. 6).

Съ идеализаціей и вполнѣ наивно изображается читателю Красная площадь въ Москвѣ. Это своего рода биржа, современный клубъ, аѳинская стоа; сюда сходился каждый... „На сей-то Красной площади давались и принимались спасительные совѣты; отсюда каждый возвращался домой богатѣе познаніями и добродѣтелями. Тамъ старики учили молодыхъ должностямъ ихъ и обязанностямъ, тамъ простой мѣщанинъ дѣлалъ упреки молодому сыну боярина за то, что онъ рѣдко посѣщалъ сіе священное собраніе [1]). Тамъ пылкая юность училась воздерживать себя, молчать и терпѣливо слушать старшихъ; тамъ всякій человѣкъ... почиталъ себя подверженнымъ суду народа“ (18). Царь Алексѣй, который вообще у автора представленъ идеальнымъ государемъ, любилъ смотрѣть изъ оконъ дворца своего на Красную площадь; „всякій день доносили ему, что замѣчательное было говорено на площади, и какъ народъ о томъ думаетъ... всѣ знали, что царь былъ свидѣтелемъ всего случившагося“ (19).

---

[1]) Любопытно, что подобная же мысль выражена и въ „Антидотѣ“ императрицы *Екатерины*: „Существовалъ обычай, чтобы въ городахъ каждый взрослый мужчина, около полудня, отправлялся къ тому мѣсту, гдѣ творится судъ и расправа. Такимъ мѣстомъ въ Москвѣ была Кремлевская площадь, именуемая Ивановскою: тамъ толковали они о своихъ дѣлахъ, общественныхъ и частныхъ. Когда какой-либо старикъ замѣчалъ, что знатный молодой человѣкъ день или два не являлся на площадь, онъ дѣлалъ ему упреки и грозилъ ему извѣстить о томъ его отца: не присутствовать на этихъ собраніяхъ считалось признакомъ дурнаго поведенія и лѣни; на нихъ можно было получить свѣдѣнія объ общественныхъ дѣлахъ и состояніи государства, и видѣть знакомыхъ“ (Осмнадцатый Вѣкъ, *Бартенева*, IV, 293).

Это-то духовное общеніе между главою государства и его подданными и было лучшею гарантіею общественнаго блага Россіи.

Только что приведенные взгляды, какъ мы уже сказали, отнюдь не были нападеніемъ на Петра; но отъ обороны старины до отрицанія реформы, хотя бы только въ ея частяхъ, и притомъ не существенныхъ, былъ всего одинъ шагъ. Дѣйствительно, защищая старину отъ неуважительныхъ на нее нападокъ и отыскивая причину этого неуваженія къ положительнымъ сторонамъ прежняго времени, многіе искали и находили ее въ самомъ Петрѣ Великомъ. Этотъ отрицательный взглядъ на реформу идетъ рука объ руку съ мнѣніями и передовыхъ умовъ запада.

Такъ, Ж.-Ж. Руссо говоритъ, что изъ русскихъ ничего не выйдетъ, потому что Петръ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ нихъ русскихъ, сталъ ихъ передѣлывать въ нѣмцевъ и англичанъ. Обладая однимъ подражательнымъ геніемъ, царь помѣшалъ своему народу развиться самобытно, увѣривъ ихъ, что они—то, чѣмъ на самомъ дѣлѣ не могутъ стать [1]). Аббатъ Мабли считаетъ Петра способнымъ и умнымъ человѣкомъ, хорошимъ полководцемъ, но плохимъ законодателемъ, неискуснымъ администраторомъ. Все, что̀ Петръ ни творилъ, создавалось на пескѣ. Все держалось только личною волею царя; не стало его—и все рухнуло [2]). Что касается Монтескьё, то онъ обвиняетъ Петра въ тираніи: бритье бороды и замѣна длиннаго платья короткимъ были проведены путемъ суроваго закона, тогда какъ слѣдовало прибѣгнуть къ примѣру и поощренію. Легкость и быстрота, съ какой Россія пошла по дорогѣ прогресса, лучше всего показываютъ, что государь составилъ слишкомъ дурное о ней представленіе, и что народъ русскій не былъ стадомъ (bêtes), какъ онъ его называлъ. Насильственныя мѣры оказались безполезными, а

---

[1]) Les russes ne seront jamais vraiement policés parce qu'ils l'ont été trop tôt. Pierre avoit le génie imitatif; il n'avoit pas le vrai génie, celui qui crée et fait tout de rien. Quelques unes des choses qu'il fit étoient bien, la plupart étoient déplacées. Il a vu que son peuple étoit barbare, il n'a point vu qu'il n' étoit pas mûr pour la police; il l'a voulu civiliser quand il ne falloit que l'aguerrir. Il a d'abord voulu faire des allemands, des anglois quand il ne falloit commencer par faire des russes: il a empêché ses sujets de jamais devenir ce qu'ils pourroient être, en leur persuadant qu'ils étoient ce qu'ils ne sont pas (Oeuvres complétes (edit. 1790), t. VIII (Contrat Social), pp. 82—83.

[2]) Заимствовано у *Туманскаго*, Полное описаніе дѣяній Петра В., предисловіе, стр. XXVI—XLIII.

между тѣмъ, можно было бы достигнуть того же самого одною кротостью [1]).

Съ этими иностранными воззрѣніями можно сопоставить и свои, домашнія. Извѣстный сподвижникъ Екатерины II въ дѣлѣ воспитанія, И. И. Бецкій прямо указываетъ на односторонность въ реформахъ Петра и говоритъ, что утилитарный взглядъ на образованіе оказался невѣрнымъ, а одна внѣшность, только и перенятая съ запада, — очень плохою гарантіей противъ невѣжества. Если дворяне, посланные Петромъ заграницу, и вернулись съ знаніемъ, то, имѣя открытый путь къ почестямъ и повышеніямъ, не „упражнялись“ въ этомъ знаніи. Кто же „изъ подлости“ попалъ въ образованные люди, тѣ „скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились“. Опытъ доказалъ, что одно образованіе недостаточно: необходимо также воспитаніе, основанное на нравственныхъ началахъ [2]).

Въ томъ же духѣ высказывается и И. Н. Болтинъ, взявшійся за перо, чтобъ возражать на крайне пристрастный трудъ французскаго писателя [3]). Останавливаясь, между прочимъ, на запрещеніи въ прежнее время ѣздить русскимъ заграницу, Болтинъ доказываетъ, что это запрещеніе вытекало изъ „мудрой предосторожности“, ибо для плодотворной поѣздки требовался „зрѣлый разумъ и утвержденіе въ отеческомъ законѣ и нравахъ“. Петръ думалъ, что стоитъ только съѣздить заграницу, и—просвѣтишься; „но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Бо́льшая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобы видѣть желаемый плодъ [4]).

Тотъ же духъ критики слышится въ одномъ литературномъ произведеніи, гдѣ, подъ общераспространенною формой такъ-называемаго „Разговора“, выведенъ Лейбницъ, съ теоріей самодержавною, но проникнутою патріотизмомъ и любовью къ подданнымъ, власти; Мен-

---

[1]) *Montesquieu*, Oeuvres. Paris. 1796, tome second, L'esprit des loix, livre XIX, chap. XIV, pag. 48—49.

[2]) Полн. Собр. Закон., XVI, № 12103, стр. 669.

[3]) *И. Болтинъ*, Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, 2 чч. С.-Пб. 1788. Эта была критика на Histoire de la Russie ancienne et moderne, par *Le Clerc*. 6 vls. 1783—1794.

[4]) II, 252.

шиковъ, охотнѣе опирающійся на силу внѣшнюю, на страхъ, и наконецъ, Петръ Великій, готовый признать справедливость перваго мнѣнія, но безъ желанія разстаться съ выгодною стороною втораго воззрѣнія [1]).

Но всѣ эти нападки на Петра ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что говоритъ про него княгиня Ек. Ром. Дашкова. Задолго до Петра, замѣчаетъ княгиня,—русскіе покорили царства Казанское, Астраханское и Сибирское; предметы русскаго искусства, особенно живописи, восходятъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ; еще со временъ до-монгольскихъ хранится столько литературныхъ памятниковъ, сколько вся остальная Европа не имѣетъ ихъ. Считать поэтому Петра за творца Россіи было бы самымъ грубымъ заблужденіемъ; его „твореніе“ не болѣе, какъ „мнимое“ („cette prétendue création“). Петръ былъ геніаленъ, полонъ энергіи, стремился къ улучшенію, но у него не хватало воспитанія сдерживать свои порывы. Полный насилія, деспотизма, онъ обращался со всѣми, какъ съ рабами; недостатокъ образованія мѣшалъ ему видѣть, что многое, насильственно имъ вводимое, давно уже спокойно прививалось, благодаря времени, торговымъ сношеніямъ и примѣру. Петръ не исказилъ бы характера народнаго, если бы не далъ такого предпочтенія иностранцамъ, не ослабилъ бы уваженія къ законамъ, если бы не столь часто измѣнялъ ихъ. Свобода гражданъ была уничтожена, создано военное управленіе. Сколько жертвъ было принесено, чтобы создать столицу на невскихъ болотахъ!.. Построили адмиралтейство у рѣки, а морскія суда не могутъ идти дальше Кронштадта!.. Наконецъ, совсѣмъ не дѣло Петра было лазить по мачтамъ и работать съ топоромъ на верфяхъ. Къ чему было посылать знатныхъ людей за-границу учиться ремесламъ и дѣлать изъ дворянъ какихъ-то садовниковъ, кузнецовъ, рудокоповъ? Если нуждались въ рабочихъ рукахъ, то каждый дворянинъ охотно послалъ бы за себя трехъ-четырехъ человѣкъ своей дворни [2]).

Если воззрѣнія Дашковой и не трудно отпарировать, то онѣ чрезвычайно любопытны, какъ отраженіе времени. Грубыя формы эпохи преобразованія оскорбляли уже нравственное чувство современниковъ Екатерининскаго царствованія. Воспитаніе сердца, ува-

---

[1]) Петръ Великій, Менщиковъ и Лейбницъ. Разговоръ, бывшій въ Торгау 1711 года. Берлинъ. 1861. 8°. 20 стр.

[2]) Histoire de ma vie въ Архивѣ кн. Воронцова, XXI, стр. 219—222.

зать ухо, когда вспомнишь, что это говорится поколѣніемъ болѣе позднимъ. Притупившееся впечатлѣніе читателя съ большею требовательностью относится къ безконечной варіаціи на одну и ту же тему. Но современники, надо думать, смотрѣли иными глазами.

Россія тьмой была покрыта много лѣтъ;
Богъ рекъ: да будетъ Петръ—и бысть въ Россіи свѣтъ.

Это двустишіе „знаменитаго поэта“ [1]) стало очень популярнымъ и быстро пошло въ обращеніе [2]). У извѣстнаго графа Хвостова Петръ, „подобный въ смертныхъ Богу“, говоритъ:

„Россія будь!“—Россія процвѣла [3]).

Какая-нибудь „Прогулка по берегу озера Плещеева“ вызываетъ подобныя же размышленія: „Богъ рече: да будетъ свѣтъ! и бысть. Подобно Петръ Великій устроилъ Россію. ...Такъ творитъ геній!“ [4]).

Эта холодная реторика такъ и осталась несогрѣтою даже въ минуты празднованія столѣтней годовщины основанія Петербурга. Въ проповѣдяхъ говорятъ о „новомъ мірѣ“, созданномъ Петромъ для Россіи [5]); Хвостовъ пишетъ „Оду на случай воздвиженія 1803 года маія 1-го дня близъ города Переславля-Залѣсскаго на берегу озера его, именуемаго Плещово, въ селѣ Веськовѣ каменнаго зданія для храненія фрегата Петромъ Великимъ въ ономъ мѣстѣ сооруженнаго“ [6]), рисуя въ ней Петра, который

отъ горнихъ къ намъ летитъ,
Какъ солнце пламенно восходитъ,
Благословеніе приводитъ
И громъ, и маслины дождитъ [7]);

---

[1]) Къ портрету Петра В. *Любитель Словесности* 1806, ч. III, № 7, стр. 45. Однородное по формѣ двустишіе *Попа* о Ньютонѣ:

Сокрытъ природы былъ во тьмѣ законъ и слѣдъ;
Богъ рекъ: чтобъ былъ Невтонъ!... и бысть повсюду свѣтъ

(*Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій* 1793, ч. XII, стр. 227, переведено *Б*), можетъ быть, послужило образцомъ.

[2]) Сравн. Собраніе образц. русск. сочиненій и переводовъ въ стихахъ, изд. Общ. Люб. Отеч. Словесности, изд. 2-е, ч. VI (1822), стр. 79. Также *Бѣлинскій*, Сочиненія, IV, 370.

[3]) Надпись Петру В. *Другъ Просвѣщ.* 1804, ч. III, іюнь, стр. 29.

[4]) *Другъ Просвѣщ.* 1805, ч. III, іюль, стр. 38—40.

[5]) Митрополитъ *Евгеній*, Собраніе поучительныхъ словъ, IV, 103.

[6]) Москва. 1803.

[7]) Стр. 10.

Подобную же „Пѣснь“ сооружаетъ и князь И. М. Долгорукій [1]); пишутся поэмы [2]), „по языку и эпическому складу самой низкой пробы, долгое время служившія для литераторовъ предметомъ смѣха“ [3]) и т. п.

Въ ряду поэтическихъ произведеній, по задачѣ близкихъ къ поэмѣ Сладковскаго, еще не безъ достоинствъ „лирическое пѣснопѣніе въ 8 пѣсняхъ“ князя Шихматова: „Петръ Великій“ [4]): оно по крайней мѣрѣ оригинально, съ патріотическимъ воодушевленіемъ, выраженнымъ мѣстами сильно, хорошимъ стихомъ [5]). Но и эти достоинства только относительныя [6]). Вслѣдъ за Шихматовымъ Грузинцевъ написалъ „Петріаду, поэму епическую“ въ 10 пѣсняхъ [7]); построенная по образцу Вольтеровой „Генріады“, она взяла изъ нея же и ея реторическій тонъ, стихотворный метръ и т. п. [8]).

Къ разряду такихъ же произведеній относится и прозаическое „Похвальное Слово императору Петру Великому, отцу отечества, мудрому преобразователю Россіи“ [9]), сочиненное купцомъ Зубчаниновымъ. Высокопарная нота поднята съ первыхъ же строкъ и тянется не переставая на цѣлыхъ полутораста страницахъ. Петръ, конечно, „отъ небесъ ниспосланное божество“ (стр. 3), „порфироносный наперстникъ земли и неба“ (42), лицо, которое да не дерзнетъ никто и въ мысляхъ сравнивать съ героями, царями-побѣдителями, кто бы они ни были. Нѣтъ ему подобнаго, нѣтъ ему и равнаго! Петръ единъ несравненный и себѣ только подобный“ (147). Реторическая монотонность воззваній, фигуръ и оборотовъ, размѣщенныхъ по всѣмъ правиламъ піитики, дѣлаетъ чтеніе нестерпимымъ. Искренняго чувства,

---

[1]) Пѣснь на случай введенія ботика Петра Великаго, хранившагося въ городѣ Переславлѣ-Залѣсскомъ при озерѣ Плещовѣ на мысу Гремячь съ 1722 года, въ новое каменное зданіе. М. 1803. („Великій Петръ! Екатерина! Богоподобные цари!“ и пр.).

[2]) *Р. Сладковскій*, Петръ Великій, героическая поэма въ VI пѣсняхъ стихами сочиненная. С.-Пб. 1803. 4°. 145 стр.

[3]) *Галаховъ*, Исторія русск. словесности, II (изд. 1868), стр. 158, прим.

[4]) С.-Пб. 1810. 8°. 216 стр.

[5]) *Галаховъ*, назв. сочиненіе, II, 158—159.

[6]) Вспомнимъ ѣдкія эпиграммы *Батюшкова*: „Какое хочешь имя дай“, и проч. (Сочиненія, изд. 1885 г., ч. I, стр. 160). Сравн. *Галаховъ*, Историч. Христоматія новаго періода, т. II (изд. 1864), стр. 164. Впрочемъ поэма Шихматова нашла очень сочувственнаго критика въ лицѣ *В. Кюхельбекера* (*Сынъ Отеч.* 1825, ч. 102, стр. 257—276, 357—386).

[7]) Выдержала два изданія. 1812 (4°. 229 стр.) 1817 (4°. 200 стр.).

[8]) *Галаховъ*, Истор. русск. слов., II, 158—159.

[9]) С.-Пб. 1812. 8°. 155+63 стр. (приложенія).

если оно и было, не видать совсѣмъ. Какъ понимаетъ авторъ развитіе Петра, можно судить хотя бы потому, что поѣздку въ Архангельскъ 1693 года онъ объясняетъ желаніемъ царя познакомиться съ нуждами страны и запастись государственной мудростью (15—18)!

Такимъ казался Петръ въ устахъ людей, парившихъ на облакахъ реторики; спускаясь на землю, на почву обыденной прозы, писатели не находили ничего иного, кромѣ шаблонныхъ характеристикъ и самыхъ ординарныхъ выраженій [1]). Фонтенелево похвальное слово, переведенное въ это время на русскій языкъ [2]), тоже не представляло особенныхъ достоинствъ, вмѣсто характеристики группируя далеко не всегда яркіе факты и черты изъ жизни Петра Великаго. Да и апологіи нельзя назвать удачными [3]).

Вообще можно замѣтить, что искреннее чувство охотнѣе замѣнялось напыщенною фразою или по крайней мѣрѣ свободно уживалось рядомъ съ нею. Каждый вѣкъ имѣетъ свою манеру, и наши дѣды, очевидно, не находили безвкуснымъ того, что имъ предлагалось.

---

[1]) Напримѣръ, *Ал—съй Пыл—въ*, Мысли касательно монумента Екатеринѣ Великой и памятника Петру Великому, какъ основателю С.-Петербурга; съ краткимъ присовокупленіемъ историческаго обозрѣнія Петербурга отъ построенія его до нынѣшнихъ временъ, изображенія великихъ дѣлъ Екатерины и Петра и описанія древняго и настоящаго состоянія Россіи. С.-Пб. 1809. 12°. 86 стр. *Е. Филиповскій*, Краткое историч. и хронолог. описаніе жизни и дѣяній великихъ князей Россійскихъ, царей, императоровъ и проч., ч. III (М. 1810), стр. 58—59. *П. Львовъ*, Петръ Первый, творецъ Маріинскаго канала. *Отеч. Записки* 1821, ч. VII, № 17, сент., 277—309.

[2]) *Фонтенель*, Похвальное слово императору Петру Великому, переведено съ французскаго *А. Воиновымъ*. М. 1807. 8°. 73 стр.

[3]) Краткое обозрѣніе воинской исторіи 18-го столѣтія, съ опроверженіемъ мнѣнія г. Гибера о Петрѣ Великомъ. Издано находящимся при военномъ министрѣ *Яковомъ де-Санленомъ*. С.-Пб. 1809. По мнѣнію Гибера (въ соч. Essai général de tactique), Петръ поторопился просвѣтить Россію; она была бы нынѣ много опаснѣе для Европы, еслибъ онъ не сосредоточивалъ всѣхъ силъ страны въ западныхъ областяхъ своего государства, не принималъ участія въ политическихъ дѣлахъ Европы, заботился бы болѣе о земледѣліи вмѣсто постройки городовъ, не вводилъ роскоши, сохранилъ бы у русскихъ ихъ дикость въ наружности и нравахъ (sic!) и проч. Сангленъ возражаетъ на это (стр. 97—112): полезное идетъ рука объ руку съ роскошью; если хочешь пріобрѣсти первое, надо терпѣть второе; точно такъ же вмѣстѣ съ искусствами входятъ и пороки; деревня и городъ взаимно дополняютъ другъ друга; перенести на западъ центръ тяжести государственной жизни было необходимо. Разумѣется, критикъ безъ труда разбиваетъ Гибера по вопросу о томъ, лучше ли было или нѣтъ сохранить дикость русскаго народа.

Прекрасною иллюстраціей того, до какой потери историческаго чутья доводила привычка пускать въ ходъ особый аршинъ и приподнимать тонъ, чуть только рѣчь заходила о царственномъ „ироѣ", могутъ служить двѣ книги: нѣмецкая—Ваккербарта, въ переводѣ Лизогуба: сравненіе Петра съ Карломъ Великимъ [1]), и русская—Голикова: такое же сравненіе Петра съ другимъ дѣятелемъ всемірной исторіи, Константиномъ, императоромъ Римскимъ [2]). Нѣмецкій авторъ задался,—вѣроятно, для вящшей славы Русскаго государя—несчастною мыслью отыскать сходство въ жизни и дѣяніяхъ его и Карла Великаго и, разумѣется, нашелъ таковое безъ малѣйшаго затрудненія. Поприще, на которомъ происходили поиски за этимъ сходствомъ, было слишкомъ обширно и богато данными, чтобы не придти къ желаемому результату, особенно если принять во вниманіе нетребовательность, мѣстами доходящую до наивности.

Сравненія сплошь и рядомъ поражаютъ своею натянутостью: и у Карла, и у Петра въ первые годы ихъ царствованія были братья—соправители (стр. 18); Карлъ неожиданно былъ отвлеченъ отъ войны съ Саксами необходимостью спѣшить въ Италію; такъ и Прутскій походъ прервалъ нормальное теченіе Великой Сѣверной войны (23); у Петра былъ свой Витекиндъ — Карлъ XII, и своя добыча Саксонія—берега Балтійскаго моря (28—30). Оба императора впервые у себя выбиваютъ медали за отличіе (34); оба—законодатели (50), оба заботятся объ исправленіи духовенства (61—62), сооружаютъ новые города (69), заботятся о промышленности и торговлѣ (66—67). Было бы скучно перечислять всѣ эти сравненія; отмѣтимъ только наиболѣе курьезныя: какъ въ Карловой Франціи за труднопроходимыми Пиринеями жили культурные арабы, такъ и за недосягаемымъ кавказскимъ хребтомъ находилась Персія, гдѣ во времена Петра процвѣтали (?) науки и художества (16); четыре короля Европы просили помощи у Петра, и четыре же, ни больше ни меньше, у Карла (81—82). Старшіе сыновья Карла и Петра противодѣйствовали своимъ отцамъ (57); ихъ жены жили не въ ладахъ съ мужьями (58—59); новая

---

[1]) Сравненіе Петра Великаго съ Карломъ Великимъ. Перевелъ съ нѣмецкаго *Яковъ Лизогубъ*. С.-Пб. 1809. 8°. 112 стр. Имя автора указано у *Мищилова*, Pierre le Grand, 104.

[2]) *И. Голиковъ*, Сравненіе свойствъ и дѣлъ Константина Великаго, перваго изъ римскихъ христіанскаго императора, съ свойствами и дѣлами Петра Великаго, перваго всероссійскаго императора, и произшествій, въ царствованіе обоихъ сихъ монарховъ случившихся. 2 части. М. 1810. 8°. 78+239 стр.

столица, Ахенъ, смѣнила старый Ингельгеймъ, подобно Петербургу, отстранившему Москву (70). Дважды объѣхалъ Петръ почти всю Европу; два же раза являлся Карлъ въ Италію (85—86). Оба императора по утрамъ занимались государственными дѣлами (43—44), оба были почти одинаковаго роста (84), оба любили исторію (94), ландкарты (99), лѣчились и купались: одинъ въ „Олонецкихъ баняхъ“, другой—въ „баняхъ“ Ахенскихъ, и наконецъ, оба скончались въ одинъ и тотъ же день, 28-го января (110). Конечно, никакихъ выводовъ изо всѣхъ этихъ сближеній авторъ не дѣлаетъ, да и что могъ бы онъ сказать?

Сочиненіе Голикова [1]) совершенно въ духѣ Ваккербартовской книжки; поэтому можно избавить себя отъ выписокъ для ознакомленія съ его содержаніемъ. Впрочемъ есть и отличія. Вторая, бо́льшая по объему, часть посвящена не „сходству“, а описанію „разностей“, и такъ какъ оно изложено въ видѣ двухъ цѣльныхъ очерковъ каждаго царствованія, то эту половину книги можно разсматривать какъ своего рода исторію Петра Великаго.

Въ ряду указанныхъ памятниковъ литературы о Петрѣ Великомъ болѣе стройное впечатлѣніе производитъ небольшая книжечка Тимоеея Семеновича Мальгина [2]), и не потому, чтобъ она избѣгла реторики и ходячихъ выраженій, или что ихъ было въ ней меньше, но потому, что вся она вылилась изъ теплаго искренняго чувства. Авторъ, уже старикъ [3]), сохранилъ однако живое воспоминаніе о покойномъ государѣ: видно, что это человѣкъ болѣе ранняго, болѣе близкаго къ Петру поколѣнія, въ памяти котораго личность преобразователя врѣзалась сильно и глубоко. Вся статейка автора полна наивности [4]);

---

[1]) Въ предисловіи Голиковъ заявляетъ, что его работа въ первоначальномъ видѣ заготовлена была протоіереемъ московскаго Архангельскаго собора, П. Алексѣевымъ, имъ же, Голиковымъ, дополнена, расширена и приведена въ настоящій видъ.

[2]) *Т. Мальгинъ*, Историческое изображеніе трехъ главныхъ достопримѣчательнѣйшихъ свойствъ или добродѣтелей всероссійскаго императора Петра Великаго. С.-Пб. 1811. 12°. 45 стр.

[3]) Такъ самъ себя называетъ онъ въ предисловіи; родившись въ 1752 году, онъ умеръ въ 1819 г. (*Сухомлиновъ*, Ист. Росс. Акад., V, 28).

[4]) Содержаніе: главнѣйшими добродѣтелями Петра были: Вѣра, Надежда, Любовь. Первая („твердость вѣры“) доказывается апокрифическимъ приказаніемъ Петра во время пренія въ грановитой палатѣ изгнать раскольниковъ и не попустить оскорбленія церкви; вторая („мужество“)—письмомъ въ сенатъ съ береговъ Прута и умѣньемъ выпутаться изъ Прутской западни; третья („человѣколюбіе“)—спасеніемъ утопающихъ на Лахтѣ осенью 1724 года.

можно подумать, что читаешь страницу изъ Крекшина. Мальгинъ не можетъ иначе говорить о Петрѣ, какъ „со страхомъ, съ благоговѣніемъ, со слезами“ (31); восторги его превращаются въ ликованіе; „прославлять толь великаго и рѣдкаго ироя“ кажется ему „однимъ дерзновеніемъ“ (2); но при этомъ читателю не приходится вѣрить на слово, и онъ безъ усилій понимаетъ, почему память великаго государя была такъ дорога русскому человѣку.

Обозрѣвая періодъ Александровскаго царствованія, нельзя опустить безъ вниманія взглядовъ Карамзина и Сперанскаго. Послѣдній прямо нигдѣ не высказывается о Петрѣ, но стоитъ всмотрѣться въ характеръ всей его дѣятельности, чтобы признать въ немъ ученика и горячаго послѣдователя реформы. Онъ весь отдается идеѣ заимствованія и настежь раскрываетъ двери политическимъ теоріямъ, циркулировавшимъ въ его время въ западной Европѣ. Въ его проектѣ „Организаціоннаго плана“ нашли себѣ мѣсто и принципы 1789 года, и ученіе объ аристократіи, поддерживающей равновѣсіе между націей и престоломъ, и ученіе Монтескье о раздѣленіи государственной власти, и избирательная теорія Сійэса [1]).

Карамзинъ XIX вѣка перестаетъ быть авторомъ „Писемъ русскаго путешественника“. Вмѣсто горячаго поборника Петровскихъ реформъ предъ нами—авторъ „Записки о древней и Новой Россіи“, подобно Щербатову, явившійся защитникомъ родовитой аристократіи, противникомъ табели о рангахъ, осуждающій царя за униженіе русской національности, заимствованіе иноземныхъ обычаевъ, за утрату русскими добродѣтелей гражданскихъ, униженіе церкви, наконецъ, за космополитизмъ, который тотъ будто бы привилъ въ сердца русскихъ людей...[2]) Какъ все это не похоже на горячія тирады, въ какихъ тотъ же авторъ недавно отстаивалъ дѣло Петра! Тѣмъ неожиданнѣе услышать намъ отъ Карамзина, семь лѣтъ спустя послѣ

[1]) *Романовичъ-Славатинскій*, Государственная дѣятельность Сперанскаго. Кіевъ. 1873.

[2]) *Русск. Архивъ* 1870, столбцы 2251—2256. Не менѣе горячее сочувствіе старинѣ проявилъ и *Павелъ Львовъ* въ статьѣ: Примѣчаніе на древнее состояніе Россіи (Взятыя изъ введенія въ повѣствованіе о боярынѣ А. С. Матвѣевѣ) *Сынъ Отеч.* 1814, ч. XIV, стр. 129—144, 189—195, 225—244 (въ этомъ отрывкѣ рѣчь идетъ собственно только „О просвѣщеніи Россіи въ древнія времена“). Начало этой статьи (вступленіе) приведено въ брошюрѣ *Львова*: „Боярынъ Матвѣевъ“ (С.-Пб. 1815, стр. 3—6) и во второмъ изданіи послѣдней, вошедшей въ составъ книги того же автора: „Достопамятное повѣствованіе о великихъ государяхъ и знаменитыхъ боярахъ“ (М. 1821), стр. 155—158.

Записки, слова, какъ будто снова возвращающія его къ идеямъ „Писемъ русскаго путешественника“. Вотъ что говоритъ онъ въ рѣчи 1818 года по поводу избранія своего въ члены Россійской академіи: „Петръ Великій.... сдѣлалъ насъ подобными другимъ европейскимъ народамъ. Жалобы безполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ россіянъ прервалась на вѣки... Красоты особенныя, составляющія характеръ словесности народной, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей... Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго русскаго“ [1]).

Это колебаніе въ оцѣнкѣ реформы лучше всего показываетъ, какъ трудно еще было оріентироваться въ вопросахъ, связанныхъ съ преобразованіемъ, и отыскать общую руководящую нить. И раньше мы могли видѣть, какъ въ одномъ и томъ же умѣ уживались представленія, логически непримиримыя (Сумароковъ, Екатерина II). Но тамъ, гдѣ холодный анализъ, серьезная мысль или, спускаясь ниже, журнальная замѣтка, ходячая молва не удовлетворяютъ насъ, запрещая признать въ нихъ яркое отраженіе воззрѣній вѣка, тамъ позволительно обратиться къ корифеямъ поэтической литературы: въ нихъ, какъ въ фокусѣ, отчетливѣе и полнѣе отражаются господствующія вѣянія времени. И въ этомъ отношеніи мы не ошибемся. Пусть насъ не смущаютъ ни нападки Грибоѣдова на слѣпое подражаніе москвичей западной Европѣ, ни „Думы“ Рылѣева, согрѣтыя любовью къ старинѣ, съ ихъ желаніемъ „прославить подвиги славныхъ предковъ“ [2]),—рядомъ съ этими поэтами стоитъ иной поэтъ. Это онъ сказалъ про Петра:

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье;
Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ!...

---

[1]) *Карамзинъ*, Сочиненія, изд. Смирдина, III, 648—649.

[2]) *Рылѣевъ*, Сочиненія и переписка, подъ редакц. Ефремова, предисловіе.

Это онъ написалъ: „Мѣднаго Всадника“, „Полтаву“, „Пиръ Петра Перваго“, „Арапа Петра Великаго“, и въ стихахъ полныхъ неотразимой силы и мощи нарисовалъ тотъ лучезарный нимбъ, которымъ личность Петра была окружена въ сознаніи Пушкинскаго поколѣнія. Здѣсь, конечно, слѣдуетъ оговориться. Что отчетливо рисовалось поэту, то только въ неясныхъ образахъ представлялось толпѣ, и нужны были работы слѣдующихъ поколѣній, чтобы сорвать завѣсу со все еще неяснаго облика. Не забудемъ, что рядомъ съ Пушкинымъ встрѣчается другой поэтъ, Батюшковъ. Устами Кантемира онъ отстаиваетъ отъ сомнѣній иностранцевъ прочность Петровскихъ преобразований. Многое, по его мнѣнію, кажется неустойчивымъ только потому, что еще не успѣло пустить корней. „Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума“. Петръ создалъ въ Россіи людей. „Онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя, онъ вылѣчилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и русскіе, подъ руководствомъ великаго человѣка, доказали въ короткое время, что таланты свойственны человѣчеству“ [1]).

Если не Батюшковъ, то Пушкинъ—современникъ двухъ царствованій и такимъ образомъ вводитъ насъ въ новую эпоху. Царствованіе Николая I есть дѣйствительно новая эпоха въ изученіи личности Петра. Если начальная четверть нынѣшняго столѣтія не только еще не произнесла послѣдняго приговора, но и вообще не оставила яркаго слѣда въ изученіи Петровской дѣятельности, то никогда еще вопросъ о Петрѣ не ставился такъ прямо, такъ рѣшительно, не затрогивался такъ глубоко, какъ въ царствованіе императора Николая. Это время такъ-называемыхъ западниковъ и славянофиловъ. Мѣрка индивидуальныхъ симпатій, кое-гдѣ развѣ перемѣшанныхъ попытками на критику, уступаетъ теперь мѣсто цѣльнымъ міровоззрѣніямъ; уже не случайная догадка, а опредѣленный принципъ кладется въ основу изученія произведеннаго переворота. Національное и общечеловѣческое вступаютъ въ ожесточенную борьбу.

Въ виду серьезныхъ положеній этихъ двухъ школъ совершенно отступаютъ на задній планъ тѣ дифирамбическіе возгласы, которые такъ часто раздавались въ прежнія царствованія. На ряду съ К. Ак-

---

[1]) *К. Н. Батюшковъ*, Сочиненія, изд. 1885, т. II, стр. 229, 228, въ статьѣ: „Вечеръ у Кантемира“.

саковымъ и Никитенкомъ, Хомяковымъ и Бѣлинскимъ уже не стòитъ упоминать о какомъ-нибудь Башуцкомъ, который девизомъ къ своей „Исторіи С.-Петербурга по день кончины Петра I“ беретъ слова изъ Библіи: „земля же бѣ невидима и неустроена: и тма верху бездны“ [1]); о Лузиковѣ съ его экспромтомъ: „Петръ Великій“ [2]) и проч.; похвальное слово Савостьянова съ его тупою реторикой и сплошнымъ наборомъ фразъ не прибавитъ, конечно, ничего новаго къ ранѣе извѣстному [3]); равно какъ не открытіемъ будетъ и фраза Олина: „Ему единому всѣмъ мы обязаны: просвѣщеніемъ, законами, славою; скажу болѣе—самыми даже благодатными для отечества царствованіями послѣдующими, какъ созрѣвшимъ уже плодомъ мудрыхъ его проразумѣній“ [4]). Да и количественно подобнаго рода литература начинаетъ встрѣчаться все рѣже и рѣже [5]). Новое поколѣніе получило возможность взглянуть на дѣло съ иныхъ, болѣе совершенныхъ сторонъ и значительно подвинуть впередъ анализъ своей задачи.

Основныя положенія западниковъ и славянофиловъ на столько общеизвѣстны, что было бы излишне излагать и перечислять ихъ въ этомъ мѣстѣ. Мы ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ только сторонъ.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей славянофильскаго лагеря былъ, разумѣется, Константинъ Аксаковъ. Свою теорію земли и государства, „внутренней правды“ и „правды внѣшней“ примѣняетъ онъ къ исторіи Россіи и запада. Подъ напоромъ внѣшнихъ

---

[1]) *А. Башуцкій*, Панорама С.-Петербурга, ч. I (С.-Пб. 1834).

[2]) *Маякъ* 1844, т. XVI, 3 (сочинено въ Архангельскѣ въ 1840 году).

[3]) *Н. М. Савостьяновъ*, Похвальное слово на сооруженіе памятника имп. Петру Первому въ г. Воронежѣ, произнесенное 30-го іюня 1834 г. *Воронежская Бесѣда* на 1861 г. Ворон. 1861, стр. 355—357.

[4]) *В. Олинъ*, О рожденіи Петра Перваго. Преданіе. С.-Пб. 1835, стр. 2—3.

[5]) Прямо въ примѣчаніе относимъ мы статью *В. Б(урнашева)*, Цвѣтокъ на гробъ Великаго Петра (*Отеч. Записки* 1829, ч. 39, № 112, стр. 194 — 242), настоящіе цвѣты краснорѣчія и восторга, разсыпанныя на всемъ пространствѣ разнообразныхъ дѣлъ великаго царя. Точка зрѣнія автора достаточно опредѣляется избраннымъ имъ эпиграфомъ изъ Ломоносова: онъ богъ, онъ богъ твой былъ Россія! См. также *Л. П(ушкина)*, Петръ Великій (стихотвореніе, ibid., 1842 г., XXIII, 152 — 154) — заурядная хвала; *В. П.*, Изображеніе Петра Великаго (*Сынъ Отеч.* 1840, т. III, стр. 521 — 538), по поводу изданія портрета Петра I, работы Фросте (Петръ—это геній, все провидѣлъ сблизилъ Россію съ Европою и т. п.), наконецъ: Петръ Великій. Историческая ораторія въ двухъ отдѣленіяхъ. Передѣланная съ нѣмецкаго *И. Г. Ободовскимъ*. Положенная на музыку *И. Л. Фуксомъ*. С.-Пб. 1842. 8°, 17 стр. (стихи по русски и по нѣмецки).

неблагопріятныхъ условій, говоритъ онъ, земля Русская, для спасенія своей земской жизни, призываетъ государство. Но именно потому, что это призывъ, а не завоеваніе, земля и государство не смѣшиваются, и государство становится не цѣлью, а средствомъ для существованія земли [1]). Вотъ почему въ основѣ западно-европейскихъ обществъ, какъ созданныхъ завоеваніемъ, путемъ порабощенія земли государствомъ, лежитъ насиліе, рабство и вражда; въ основѣ Русскаго государства, сложившагося путемъ добровольнаго соглашенія, лежитъ добровольность, свобода и миръ [2]). Порядокъ этотъ, говоритъ Аксаковъ,—существовалъ до Петра, покуда не былъ имъ уничтоженъ. Петръ оказался не только продолжателемъ, но и революціонеромъ. Заимствованія полезнаго отъ иностранцевъ были и до Петра, и въ этомъ отношеніи онъ не сказалъ ничего новаго. Но „прежде принимали одно полезное отъ иностранцевъ, не заимствуя чуждой жизни, но оставаясь при началахъ своей жизни, и Россія оставалась самостоятельною. Петръ же, напротивъ, сталъ принимать все отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, но частное и національное, самую жизнь иностранную, со всѣми случайными ея подробностями... Переломленъ былъ весь строй русской жизни, перемѣнена была самая система. Такимъ образомъ, даже самое полезное... стало... рабскимъ подражаніемъ. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: именно, насиліе, неотъемлемая принадлежность дѣйствій Петра... Поэтому преобразованіе Петра есть рѣшительно уже переворотъ, революція, а въ этомъ и заключается особенность и историческое значеніе его дѣла... Нѣтъ у него не было предшественниковъ въ древней Руси“: такъ заканчиваетъ Аксаковъ развитіе своихъ положеній [3]).

Можно не соглашаться съ высказанными положеніями, но едва ли позволительно видѣть въ нихъ что-либо обскурантное, какъ это кричали въ періодъ ожесточенной вражды двухъ направленій. Хомяковъ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей прямо говоритъ, что для нихъ, славянофиловъ, весь вопросъ въ томъ: былъ ли Петръ

---

[1]) Полное собраніе сочин. т. I (М. 1861), стр. 2—3.

[2]) Ibidem., стр. 8—9.

[3]) Ibidem., стр. 41, 42. По существу переворотомъ признаетъ реформу Петра и Ю. Ѳ. Самаринъ. См. его замѣчанія на статью Соловьева: „Шлецеръ и антиисторическое направленіе“ въ *Русск. Бесѣдѣ* 1857, III, кн. 7, стр. 102. Сравн. также его оцѣнку преобразованій Петра въ сферѣ церковной: Сочиненія, V, 245—256.

полнымъ представителемъ потребностей русскаго народа—потому что частная правда его дѣла ими никогда не отвергалась. А такъ какъ таковымъ (то-есть, полнымъ) представителемъ не въ силахъ быть ни одинъ, даже великій дѣятель, будетъ ли это Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Фридрихъ II, ибо всѣ они только отчасти, нѣкоторыми сторонами выполняли потребности своего времени, то ясенъ выводъ и по отношенію Петра [1]).

Было время, когда тѣ же славянофилы высказывали мысли, очень близкія къ воззрѣніямъ противоположной школы. Такъ, напримѣръ, Ив. В. Кирѣевскій въ 1830 г. замѣчаетъ: хотя европейское просвѣщеніе начало вводиться у насъ и до Петра, но очень слабо, „мало по малу и отрывисто, отчего, по мѣрѣ своего появленія въ Россіи, оно искажалось вліяніемъ нашей пересиливающей національности". Правда, переворотъ Петра „былъ не столько развитіемъ, сколько переломомъ нашей національности; не столько внутреннимъ успѣхомъ, сколько внѣшнимъ нововведеніемъ"; но это было неизбѣжно: своей образованности у насъ не было, а будучи заимствована, она должна была вступить въ борьбу съ чуждою ей русскою національностію. Если и есть что въ поступкахъ Петра такого, чего желательно было бы избѣгнуть, то все выкупаетъ та образованность, какую внесъ онъ въ Россію [2]).

Въ томъ же духѣ высказывается и Хомяковъ въ 1839 году: я знаю, писалъ онъ,—что въ Россіи, какую засталъ ее Петръ, „хранилось много прекрасныхъ инстинктовъ... что мы попрали святыя истины равенства, свободы и чистоты церковной; но нельзя не признаться, что всѣ лучшія начала не только не были развиты, но еще были совершенно затемнены и испорчены въ жизни народной, прежде чѣмъ законъ коснулся ихъ мнимой жизни" [3]).

Вообще нельзя не замѣтить, что причина спора между западниками и славянофилами въ значительной степени коренилась во взаимномъ непониманіи. Идея просвѣщенія нерѣдко смѣшивалась съ характеромъ самаго просвѣщенія. Въ пылу спора обѣ стороны не хотѣли или не могли понять, что для каждой изъ нихъ одинаково дорого просвѣщеніе, свѣтъ истины. Въ этомъ отношеніи любопытно сопоставить взгляды Бѣлинскаго и Ив. В. Кирѣевскаго.

---

[1]) *Хомяковъ*, Сочиненія. М. 1861, т. I, стр 589. Писано въ 1857 году.
[2]) *Кирѣевскій*, Сочиненія, т. I, стр. 81, 83, въ статьѣ: „Девятнадцатый вѣкъ".
[3]) *Хомяковъ*, Сочиненія, т. I, стр. 365, въ статьѣ: „О старомъ и новомъ".

Бѣлинскій, западникъ, положительную сторону реформъ видитъ въ томъ, что Россія изъ державы неподвижной и оцѣпенѣлой выведена была на путь развитія и измѣненій. Сознавая, что прогрессъ немыслимъ безъ оживленной дѣятельности, онъ за то такъ и цѣнитъ Петра, что послѣдній далъ возможность старое содержаніе замѣнить новымъ, лишь только въ послѣднемъ стала чувствоваться необходимость. „Именно потому-то", говоритъ онъ,—„и нельзя полагать, что Петръ исказилъ русскую жизнь и насильно совершилъ свою реформу". Петръ, по мнѣнію талантливаго критика, даже и не пересоздалъ народа, а только „вывелъ его изъ кривыхъ, избитыхъ тропинокъ на столбовую дорогу всемірно-исторической жизни". Медлить сближеніемъ съ Европою было нельзя, а сближеніе было немыслимо „безъ насильственной реформы и отторженія, хотя бы и временнаго отъ старины" [1]).

Если параллельно съ этими мыслями прочитать статью Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи", статью, которую можно считать наиболѣе яркимъ отраженіемъ взглядовъ славянофильскаго кружка,—то не борьбу со знаніемъ найдемъ мы, а только желаніе указать несходство тѣхъ началъ, на какихъ развилась жизнь запада и Россіи. Эти начала авторъ сводитъ къ тремъ элементамъ. Христіанство проявилось на западѣ и востокѣ въ формахъ по существу несходныхъ; образованность древне-классическаго міра была воспринята западною Европою и Россіей не вполнѣ: каждая остановилась на одной какой-либо сторонѣ и только ее и развивала; наконецъ, государственный бытъ сложился тоже не одинаково: на западѣ путемъ завоеванія, на востокѣ путемъ мирнаго соглашенія [2]).

Но если теперь, на разстояніи почти полувѣка, многое рисуется намъ въ иномъ свѣтѣ, то въ ту пору теорія „гнилаго запада", по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она понималась современниками, вызывала ожесточенную распрю и, безъ всякаго сомнѣнія, въ значительной степени обусловливала потребность особенно рельефно оттѣнить заслуги преобразовательной эпохи.

Западническое увлеченіе Петромъ въ литературѣ Николаевскаго времени, быть можетъ, никто не доводилъ до такой крайности,

---

[1]) *Бѣлинскій*, Сочиненія, IV, 333, 387, 399, 386, 391, 388.
[2]) *Кирѣевскій*, Сочиненія, II, 238—240.

какъ профессоръ Никитенко [1]). Его похвальное слово Петру [2] на столько характерно, что на немъ стоитъ остановиться подольше.

Авторъ не дерзаетъ чертить исполинскій образъ царя, а хочетъ принести лишь одну дань благоговѣнія; да и къ чему раскрывать славу его дѣлъ, когда она и безъ того глубоко запала въ памяти и сердцахъ нашихъ? „Петръ Великій есть одно изъ тѣхъ необычайныхъ явленій нравственнаго міра, коихъ изученіе составляетъ задачу для мудрыхъ и кои только отважному взору генія допускаютъ коснуться глубокой тайны своихъ силъ и начинаній“ (стр. 6). „Исторія“ по справедливости „назвала Петра величайшимъ изъ людей, коихъ имена когда-либо она принимала на свои страницы“: слава завоевателя, властителя обширныхъ владѣній, слава великаго мужа, повелѣвающаго

---

[1]) Сравн. однако *Ѳ. Морошкина*, Объ уложеніи и послѣдующемъ его развитіи. М. 1839: Петръ былъ—„посланникъ неба, самодержавный смертный, рѣшительно рожденный для преобразованій.... Дивное явленіе! отъ сложенія міра не бывало такого государя! Говорятъ, что крутость его ума и воли происходила отъ того, что онъ не получилъ надлежащаго воспитанія; но, Боже мой! какая наука могла ограничить эту адамантовую душу, какое воспитаніе могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти желѣзныя мышцы воли? Если природа должна была уступать ему, то чтожъ могла сдѣлать изъ него наука“? (стр. 60 — 62). Точно также и у *Н. А. Полеваго*: „Петръ Великій былъ творецъ величія и могущества Россіи.... вдохнулъ русскому царству новую жизнь и началъ его всемірную исторію.... Избранникъ Божій.... онъ убѣдился съ юныхъ лѣтъ въ необходимости воинскихъ силъ для крѣпости и могущества государства“ (Русскіе полководцы или жизнь и подвиги росс. полководцевъ, отъ времени импер. Петра Великаго до царствованія импер. Николая I. С.-Пб. 1845, стр. 21—23). Настоящіе диѳирамбы въ духѣ XVIII вѣка произноситъ *тотъ же* писатель въ другомъ мѣстѣ: „Геній его (Петра) могутъ постигнуть только или благоговѣйное удивленіе, или умъ, испытанный изученіемъ исторіи и глубокою думою о судьбѣ человѣчества.... непостижимѣе всѣхъ ихъ (явленій исторіи) Петръ—одно изъ самыхъ огромнѣйшихъ явленій человѣчества.... Будетъ время, когда Петръ сдѣлается знаменіемъ величія для историка, великою тайною провидѣнія для философа. А для народа русскаго? О, храмъ славы Петра будетъ безмѣренъ, когда въ преддверіи его станутъ племена полуміра и гимнъ благоговѣнія взыдетъ предъ изображеніемъ его отъ конецъ земли, и во прахъ лягутъ предъ нимъ безсильная зависть и высокоумная систематика Запада!“ (О бумагахъ и запискахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго въ его собственномъ кабинетѣ. Сто русскихъ литераторовъ, томъ I (С.-Пб. 1839), стр. 529, 533.

[2]) *А. Никитенко*, Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу всероссійскому, отцу отечества, произнесенное въ торжественномъ собраніи Императорскаго С.-Пб. университета, марта 25-го дня 1838 года. С.-Пб. 1838. 8°. 23 стр.

умами людей („вождя умовъ"), она ниже славы того, кто просвѣтилъ свой народъ и создалъ нравственный порядокъ. Заслуги Петра не въ томъ, что онъ увеличилъ существовавшія силы новыми силами; нѣтъ, онъ сдѣлалъ гораздо большее: дѣятельность его—„это цѣлое, полное міротвореніе! Изъ того, что онъ создалъ, ничего не существовало и что онъ создалъ, обречено вѣчному существованію. Не измѣряйте однимъ царствованіемъ пребыванія его на земли: въ его біографіи преднаписана исторія многихъ царствованій. Онъ столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго; скорѣе не ста петъ вѣковъ для совершенія его предначертаній, чѣмъ истощится богатство послѣднихъ" (7). Благодаря Петру, на нашу долю выпала завидная „честь существовать по человѣчески и право возвышать и облаготворять свое существованіе всѣми нашими силами матеріальными и нравственными" (10). Петръ—источникъ всѣхъ тѣхъ разнообразнѣйшихъ благъ, которыми мы пользуемся нынѣ (ibid.).... Авторъ спѣшитъ предупредить вопросъ: „не надлежало ли намъ идти медленнѣе по новому пути"?—и даетъ отрицательный отвѣтъ: „это значило бы", говоритъ онъ,—„отваживать будущность новаго порядка вещей и самую будущность государства на невѣрное покровительство удачи и случая" (11). Нельзя было медлить, когда вокругъ возникали могущественныя державы. Что сталось бы съ нами, еслибъ побѣдилъ Карлъ XII? еслибъ Наполеонъ I встрѣтилъ въ насъ одно только мужество, но безъ знанія (11—12)? „Нѣтъ, Петръ Великій не только просвѣтилъ Россію, но спасъ ее,—спасъ, потому что просвѣтилъ!" (12)

Очертивъ значеніе Петра для Россіи, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ его, какъ дѣятеля всемірнаго. И здѣсь заслуги императора представляются ему не менѣе серьезными. Сближеніе Россіи съ западною Европой было благотворно не только для нашего отечества, но и для сосѣдей. „Оживотворивъ своимъ дыханіемъ" Россію, Петръ „возвратилъ ее человѣчеству. Свѣжія энергическія силы влились мгновенно въ ослабѣвшее тѣло Европы,—и міръ получилъ новаго двигателя образованности еще неутомленнаго и непресыщеннаго успѣхами, готоваго усвоить себѣ, возрастить и пронести въ концы его все великое и прекрасное, все человѣческое, кромѣ обольщеній ложной истины" (12—13). Мы съ избыткомъ отплатили Европѣ за ея услуги, вырвавъ ее „изъ кровавыхъ рукъ мужа судьбы (Наполеона), научивъ сражаться за свою независимость и благотворить побѣдою"; а въ эпоху дикаго разгула политическихъ страстей, поддерживая колеблющіеся „троны и союзы общественные" (13—14). „Россія торжественно

слагаетъ съ себя вину предъ человѣчествомъ, что она не принимала участія въ судьбѣ его; она разомъ заплатила ему всѣ свои долги— она принесла ему въ даръ Петра“ (14).

Вторая половина рѣчи Никитенка посвящена анализу собственно личности Петра Великаго. Хотя и здѣсь встрѣчаются увлеченія, нерѣдко переходящія въ гиперболизмъ, но есть и нѣсколько очень мѣткихъ указаній. Характеръ царя, конечно, отнесенъ ораторомъ къ числу столь же необычайныхъ, какъ необычайно величіе самыхъ дѣлъ его. „Идеи его были выше понятій его народа; но, подобно небу, котораго предѣлы кажутся отовсюду слитыми съ предѣлами земли, эти идеи всею внутреннею силою своею опирались на народныхъ нравахъ и судьбѣ. Куда бы вы ни пошли по путямъ народной нашей дѣятельности, вы вездѣ будете подъ этимъ небомъ; васъ вездѣ обхватитъ горизонтъ этого дивнаго ума, и между тѣмъ вы будете чувствовать, что надъ вами горитъ солнце и блестятъ звѣзды вашей святой отчизны. Онъ есть въ высочайшей степени представитель своего народа. Онъ впиталъ въ себя вдругъ съ исполинскою силою всю его жизнь и, переработавъ ее въ нѣдрахъ своей души, возвратилъ ее тому же народу въ лучезарныхъ потокахъ свѣта и славы“ (стр. 15). „Онъ (русскій народъ) принялъ отъ Петра свой умъ, свою нравственную силу и свои руки“ (стр. 16). „У другихъ, также мужей знаменитыхъ, вы находите умъ, какъ бы вылитый въ извѣстную форму человѣческаго образованія, умъ, такъ сказать, извѣстной эпохи; вы видите, что онъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ предразсудковъ. Такіе умы бываютъ представителями одной идеи и осуществляютъ ее одну въ своихъ подвигахъ. Въ умѣ Петра, напротивъ, нѣтъ никакой наклонности къ утвердившимся понятіямъ или установленному способу соображенія: это чистый, если можно такъ выразиться, стихійный умъ, какимъ бываетъ онъ въ нѣдрахъ самой природы, прежде чѣмъ мы испортимъ его ложнымъ ученіемъ, суемысліемъ и страстями нашими,—умъ человѣческій, безъ примѣси того, что происходитъ отъ вѣковыхъ навыковъ. Для его дѣятельности какъ будто нѣтъ условныхъ формъ времени или мѣста. Для него существуетъ одна форма— истина и ясность. Казалось, отъ его мысли отпадали весь обыкновенный снарядъ обсуживанія, всѣ эти топическія лѣстницы, по коимъ мы медленно и ощупью подвигаемся къ истинѣ, однимъ мѣткимъ ударомъ ума своего онъ разбивалъ въ дребезги кору, облекающую сущность вещей, и вещи послушно предавали ему глубочайшія свои тайны, коихъ тщетно домогались другіе. Въ одно и то же время

необъятный, какъ Россія, и удобовмѣстимый въ самой мелкой подробности, этотъ дивный умъ равно изумителенъ въ силѣ своего расширенія и въ силѣ сжатости своей" (стр. 17—18).

Таковъ нашъ великій царь. Но, что́ же сдѣлало его таковымъ? Примѣнимо ли къ нему обычное представленіе о томъ, что великіе люди „приготовляются предшествующими событіями" (стр. 19)? „Гдѣ его предтеча?... Было ли до него пробуждено хоть въ одномъ умѣ ясное сознаніе необходимости новаго порядка вещей?" Авторъ рѣшительно отвѣчаетъ на это: нѣтъ. „Не было ни одного стремленія въ его пользу, ни одного начатка.... Все надлежало создать самому: цѣли, средства, людей,—самого себя... Общество ничего ему не дало ни для его намѣреній, ни для генія.... Петръ все получилъ или отъ неба, или отъ себя самого... Его умъ и воля—дары провидѣнія; знаніе онъ исторгъ силою изъ рукъ непріязненной судьбы" (стр. 20). Рисуя Петра неземнымъ титаномъ, Никитенко совершенно послѣдовательно говоритъ дальше: „это уже не монархъ-повелитель: это Божій посланникъ, принесшій милліонамъ людей слово истины и себя, какъ образецъ для послѣдованія" (стр. 21).

Но, поднимаясь все выше и выше по лѣстницѣ восторга и удивленія, авторъ отыскиваетъ еще новую ступень. Онъ задается вопросомъ: если указанными свойствами дѣяній и характера Петра легко объяснить чувство благоговѣнія, то гдѣ источникъ нашей любви къ Петру? Одного удивленія еще мало, чтобъ обожать, а между тѣмъ Петръ, „не смотря на строгія черты своего лика", поработилъ не только умъ, но и сердца наши? Источникъ этотъ — безпредѣльная любовь царя къ отечеству, готовность жертвовать собою для блага родины (стр. 21—22). „Но здѣсь нѣтъ уже мѣста никакому разбирательству, никакому суду. Петръ является намъ въ полномъ свѣтѣ самой чистой, прекраснѣйшей славы. Мы радостно войдемъ въ пантеонъ великихъ мужей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, и съ гордостью падемъ предъ нетлѣннымъ образомъ Петра" (стр. 22)... „Здѣсь прекращаю мое слово.... Здѣсь можно только молиться" (стр. 23). Молитвеннымъ обращеніемъ авторъ дѣйствительно и заканчиваетъ свою рѣчь. Онъ взошелъ на самую верхнюю ступень своей лѣстницы.

Рѣчь Никитенка, разумѣется, встрѣчена была весьма сочувственно единомышленниками [1]) и очень враждебно въ противоположномъ ла-

[1]) Сравн., напримѣръ, *Бѣлинскій* (VII, 412): „образцовое произведеніе, полное здравыхъ мыслей".

герѣ. Всего сильнѣе напалъ на нее журналъ Маякъ въ лицѣ своего сотрудника В. Бѣлаго [1]). Излагать его возраженія мы не будемъ; въ нихъ повторялось то же, что́ и обыкновенно въ ту пору писалось по адресу западниковъ: доказывалось примѣрами, что и древняя Русь не безъ доблестей, знаній, съ пониманіемъ необходимости новаго порядка вещей; что Петръ не могъ быть великимъ представителемъ Россіи, если до него не было великаго представляемаго и т. п. (стр. 99—110). „Дерево русской образованности“ еще до Петра приносило добрые плоды, хотя и медленно готовившіеся. Петръ же „взрыхлилъ только почву, корни окопалъ гноемъ, отребилъ безплодное и сухое рождіе, подвязалъ вѣтви, угрожавшія отяжелѣть плодами—и вотъ мы радуемся дереву и плодамъ его! Но дерево было до Петра; при Петрѣ былъ собственно только цвѣтъ его, изумительный, роскошный“ (стр. 115) [2]).

Борьба западниковъ съ славянофилами принесла несомнѣнную пользу: она выяснила два основныхъ принципа, которые должны лечь въ основу всякаго историческаго мышленія,—а именно: развитіе общества, переходъ изъ одного состоянія въ другое долженъ совершаться путемъ заимствованія; чѣмъ тѣснѣе духовное единеніе одного народа съ другимъ, тѣмъ обезпеченнѣе и самый прогрессъ; не механическое сочетаніе слагаемыхъ—народностей составляетъ сумму—человѣчество, а каждая нація есть органическая часть великаго цѣлаго. Но все это не только не мѣшаетъ самостоятельному существованію каждой національности въ отдѣльности; но даже обязываетъ

---

[1]) *В. Бѣлый*, Древніе и новѣйшіе судьи дѣяній Петра Великаго. *Маякъ* 1844, т. XVIII, глава IV (критика), стр. 79—115.

[2]) Какъ противовѣсъ рѣчи Никитенка, Бѣлый ставитъ похвальное слово *Ломоносова*, которое и перепечатываетъ въ передачѣ на современный языкъ (26-го апрѣля 1755 г. въ Петербургѣ. *Маякъ* 1844 г., т. XVII, стр. 38 — 62). Въ *Маякъ* же появилось, въ переводѣ *А. Зражевской*, похвальное слово *Фонтенеля* (*Маякъ* 1840 г., часть IV, стр. 101 — 122). Сочувственно относясь къ основнымъ положеніямъ французскаго академика, редакція снабдила переводъ многочисленными примѣчаніями (А. В. Висковатова, Полеваго (изъ Очерковъ русской литературы) и своими), гдѣ опровергала взглядъ Фонтенеля на до-Петровскую Русь, какъ невѣжественную и лишенную добродѣтелей. Сравнительно съ переводомъ Воинова въ новомъ допущены два несущественныхъ пропуска (*Маякъ*, 120, срав. *Воиновъ*, 64). *С. П. Шевыревъ*, ничего по существу не возражая противъ Никитенка, находилъ только неудобнымъ помѣщать въ „Полной русской хрестоматіи“ Галахова, предназначенной для юношества, нѣкоторыя выраженія. Неужели, замѣчалъ онъ,—русскій народъ до Петра Великаго не имѣлъ чести существовать по человѣчески?“ (*Москвитянинъ* 1843 г., № 6, стр. 525—526).

ее каждое заимствованіе предварительно провести черезъ горнило своего національнаго духа и крѣпко держаться традицій, не формъ, а именно традицій старины.

Впрочемъ, въ сороковыхъ годахъ еще не время было дѣлать такіе выводы. Въ пылу полемики обѣ стороны старались только отмѣтить свои противоположности и тѣмъ болѣе не допускали и мысли о какихъ-нибудь точкахъ соприкосновенія. А между тѣмъ таковыя существовали, и ихъ было даже больше, чѣмъ это могло казаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что обѣ школы выходили изъ основаній отвлеченныхъ, теоретическихъ; фактическое изученіе Петровскаго царствованія въ размѣрахъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ все еще оставалось дѣломъ будущаго, и таинственную завѣсу не сдернулъ еще никто. Вотъ почему, когда настала пора непосредственнаго знакомства съ фактами, односторонность и общая обѣимъ школамъ безпочвенность воззрѣній неизбѣжно должна была раскрыться [1]).

---

[1]) Отмѣтимъ еще нѣкоторыя наиболѣе замѣчательныя статьи. Такъ *Н. А. Полевой* помѣстилъ въ *Русск. Вѣстникѣ* 1841, № 1, стр. 95 — 134 статью: „Европа, Россія и Петръ Великій“, основная мысль которой такова: Россія по географическому своему положенію есть посреднихъ между Европою и Азіею. Но чтобы стать живительнымъ началомъ для Запада, слѣдовало совершиться преобразованію. Еще въ 1689 г. мы не были готовы для такого подвига. Но провидѣніе послало Петра—и Россія исполнила свою высокую миссію.—Для годичнаго собранія Академіи Наукъ 29-го декабря 1842 г. *Устряловымъ* была приготовлена (но не прочитана) рѣчь: „О состояніи Россіи предъ восшествіемъ на престолъ Петра Великаго“ (*С.-Петерб. Вѣдомости* 1843, №№ 11, 12, 13). Авторъ оспариваетъ мысль Карамзина, признававшаго, что Россія и безъ внезапнаго, крутаго переворота, а сама собою достигла бы нынѣшняго своего благосостоянія. Правда, замѣчаетъ Устряловъ, въ Россіи и до XVIII столѣтія были хорошія стороны, прежде всего православіе и самодержавіе; но за то была и та косность, то невѣжество, то неуваженіе къ закону, та безпомощность по отношенію къ сосѣдямъ, парализовать которыя необходимо было возможно скорѣе (Рѣчь эта впослѣдствіи цѣликомъ вошла въ „Исторію царствованія Петра Великаго“, т. I, введеніе, глава: *Россія до Петра В.*, стр. XI—XXX.—*С. П. Шевыревъ* провелъ параллель между Петромъ и Ломоносовымъ (вошла въ составъ „Академическихъ бесѣдъ въ 135 верстахъ отъ Москвы“. *Москвитянинъ* 1844, № 10, стр. 346—358), указывая, вопервыхъ на то, что послѣдній есть необходимое слѣдствіе и дополненіе перваго, и вовторыхъ, на *двойственность*, съ какою представляется намъ царь въ своихъ поступкахъ: такъ, напримѣръ, *въ религіи* онъ допускаетъ осмѣяніе (всепьянѣйшій соборъ) и въ то же время ревностно защищаетъ православіе (Сорбонна), оставаясь и самъ глубоко религіознымъ; *въ народности* — преслѣдуетъ національную одежду, покровительствуетъ

Новый поворотъ въ изученіи первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка наступаетъ со времени вступленія на престолъ императора Александра II. Общее оживленіе сказалось и на литературѣ Петровскаго вопроса. Старыя воззрѣнія, конечно, еще не сошли со сцены; напротивъ, съ прежнею энергіею продолжаютъ они защищать свои положенія.... Устряловъ въ „Исторіи царствованія императора Петра Великаго“ выступитъ такимъ же колѣнопреклоненнымъ предъ образомъ Петра, какъ и Никитенко; и въ то же время, напримѣръ, И. Д. Бѣляевъ совершенно въ духѣ крайнихъ славянофиловъ нападетъ на царственнаго реформатора [1]); да и наиболѣе изъ видныхъ представителей славянофильскаго лагеря—К. Аксаковъ, Хомяковъ—покинутъ перо не тотчасъ послѣ 1855 года; тѣмъ не менѣе новая струя даетъ себя чувствовать все сильнѣе и замѣтнѣе.

Болѣе близкое знакомство съ XVII вѣкомъ начинаетъ понемногу раскрывать черты, роднившія его въ глазахъ людей XIX вѣка съ вѣкомъ Петра. Самъ Бѣлинскій уже замѣчалъ, что „потребность преобразованія сильно обнаружилась еще въ царствованіе Алексія Михаиловича, и уничтоженіе мѣстничества при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ было тоже слѣдствіемъ этой потребности“ [2]). Кавелинъ въ 1846 году говорилъ, что реформа подготовлена всѣмъ предыдущимъ бытомъ; она дѣйствовала круто, но иначе не могла. Петръ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ, онъ хорошо зналъ свою Россію [3]). Возражая противъ господствующаго убѣжденія, Горскій доказывалъ, что Россія не есть созданіе Петра, только довершившаго то, что̀ сознавали и начали дѣлать его предшественники [4]).

На прочныхъ основаніяхъ развилъ эту мысль С. М. Соловьевъ. Онъ показалъ, что XVII вѣкъ, хотя и медленно, хотя и незамѣтно для самого себя, но шелъ къ той же цѣли, которую разрѣшилъ

иноземцамъ, а между тѣмъ рѣчь его съ чисто русскими оборотами, онъ прекрасно знаетъ Св. Писаніе, прилагаетъ большія усилія насадить русскую науку, заводитъ сношенія съ славянскими народностями; въ самомъ характерѣ царя много народнаго юмора (Сопоставленіе Ломоносова съ Петромъ вышло довольно слабымъ и мѣстами натянутымъ).

[1]) *И. Бѣляевъ*, Русское общество при Петрѣ Великомъ. *День* 1864, №№ 2, 3.

[2]) *Бѣлинскій*, Сочиненія, IV, 398.

[3]) *Кавелинъ*, Сочиненія, I, 369—371.

[4]) *С. Горскій*, Объ историч. значеніи царствованія Алексѣя Михаиловича (Казань. 1857), стр. 1—7.

Петръ Великій; что переломъ былъ необходимъ, неизбѣженъ, вытекалъ изъ самаго порядка вещей, и что поэтому одинаково неосновательны были и ламентаціи славянофиловъ, и восторги западниковъ: Петръ совершалъ реформу не потому, что хотѣлъ разорвать связь съ прошлымъ и не потому, что хотѣлъ ввести въ жизнь какія-то общечеловѣческія начала: его реформа разрѣшала чисто національныя задачи,—и ничего больше [1]).

Взглядъ знаменитаго историка, можно сказать, и до сихъ поръ остается краеугольнымъ камнемъ нашихъ воззрѣній на Петра Великаго. Не послѣднее значеніе имѣетъ и то, что столь глубокій знатокъ до-Петровской старины, какъ И. Е. Забѣлинъ всецѣло принимаетъ освѣщеніе московскаго профессора. Нѣмецкій стиль переворота, говоритъ онъ,—не въ состояніи скрыть вполнѣ народной сущности реформъ: „Мы осуждены давно уже и за долго до Петра жить такъ, какъ живетъ Европа, а не такъ какъ жили наши предки“ [2]). Въ то же время мы видимъ, что основныя положенія Соловьева находятъ дальнѣйшее развитіе; такъ, напримѣръ, Е. Е. Замысловскій особенно подчеркнулъ тотъ фактъ, что сближеніе съ западною Европой началось у насъ еще до Петра [3]).

Но прежде чѣмъ взглядъ Соловьева завоевалъ себѣ право гражданства [4]), Петровская исторіографія пережила полосу, правда, непродолжительную, но довольно яркую.

Дѣло въ томъ, что когда, со второй половины пятидесятыхъ го-

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, томы 13—18. М. 1863—1868.

[2]) *И. Е. Забѣлинъ*, Опыты изученія русск. древностей, I, 86, 347. Сравн. 351.

[3]) *Е. Е. Замысловскій*, О значеніи XVII вѣка въ русской исторіи. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1871, № 52, стр. 178.

[4]) Сравн. *М. К.* (Н. Я. Аристовъ), Взглядъ г. Соловьева на реформу Петра (*Отеч. Записки* 1865, № 3 (февр. кн. 1), стр. 497—520: Соловьевъ наложилъ-де густыя краски на недостатки XVII вѣка (509). Еще сильнѣе расходится съ авторомъ „Исторіи Россіи“ тотъ же критикъ въ другой своей статьѣ (*Отечеств. Записки* 1867, № 2, т. 170, стр. 96—122). Журналъ *Учитель* (редакція *Паульсона* и *Весселя*) въ руководящей статьѣ (1861, № 1) отрицалъ почти всякое вліяніе реформы на жизнь народную; послѣдняя продолжала будто бы идти прежнею дорогою; фельетонистъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (1861, № 213: Литературная лѣтопись) разбирая эту статью, не только раздѣляетъ ея мысль, но и указываетъ, что готовыя формы запада занесены были на чужую почву, что реформа разъединила народъ съ образованнымъ обществомъ и т. п. *Н. Я. Аристовъ* говоритъ о тѣхъ же „готовыхъ иностранныхъ плодахъ“, внесенныхъ „безъ всякаго соображенія съ народными стремленіями“ (О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи. *Учен. Записки Казанск. Унив.* 1868, вып. I, стр. 11—12).

довъ, печати стали доступны историческіе факты XVIII вѣка, считавшіеся до той поры подъ запретомъ цензуры, то частью подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, охватившихъ тогдашнее общество, частью на основаніи этихъ новыхъ фактовъ, раскрывавшихъ многія неприглядныя стороны прошлаго столѣтія,—Петра Великаго стали осуждать во имя началъ гуманности, нравственности и свободы. Въ этомъ осужденіи ничего общаго не было съ критикою славянофиловъ, подобно тому какъ и раньше критики въ Екатерининское царствованіе и раскольники-бородачи выходили не изъ одинаковыхъ основаній. Теперь Петра винили въ томъ, что онъ купилъ осуществленіе реформы слишкомъ дорогою цѣною, „скассовывая“ сотнями и тысячами своихъ враговъ, что слишкомъ жестокія мѣры должны были озлобить и огрубить народъ, поколебать успѣхъ самаго дѣла. Формы государственнаго устройства стали казаться слишкомъ жесткими, требованія правительства—порабощавшими свободу гражданъ. Задавали вопросъ: не слишкомъ ли приподнятъ былъ пьедесталъ, на который поставили царя? Преобладающее направленіе, охватившее тогдашнее общество и такъ ярко отражавшееся въ современной печати, въ значительной степени объясняетъ успѣхъ этихъ воззрѣній, хотя и подкрѣпленныхъ фактами, но разработанныхъ односторонне и совершенно неправильно.

Типичнымъ представителемъ этого направленія былъ М. И. Семевскій [1]). Онъ далъ рядъ статей [2]), въ которыхъ Петръ рисуется преимущественно человѣкомъ жестокимъ, невоздержнымъ и безчеловѣчнымъ. За пьянствомъ и казнями авторъ проглядѣлъ истиннаго Петра. Какой впрочемъ уже и въ то время оцѣнки дождался г. Семевскій, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного его критика: „Историкъ сдѣлался лѣтописцемъ всѣхъ казней и пытокъ дѣйствительно грознаго времени преобразованія, онъ съ наслажденіемъ рисуетъ ихъ картины, кропотливо собираетъ изъ всѣхъ доступныхъ ему источниковъ все, что только можетъ служить къ обвиненію Петра и къ оправданію его жертвъ, или вовсе не подвергая этихъ извѣстій, писанныхъ часто подъ вліяніемъ ненависти и предразсудковъ, никакому критическому разбору, или комментируя ихъ самымъ

---

[1]) Сравн. также *Z* (*А. Циммерманъ*), Фрейлина Гамильтонъ. *Сѣверн. Пчела* 1860, №№ 73, 85. Запоздалымъ отголоскомъ подобныхъ же воззрѣній была статья *В. В. Андреева*: Знаніе, мысль и слово въ Россіи во времена имперіи. Петръ I. Нравственный уровень Петра (*Всемірн. Трудъ* 1871, № 1, стр. 1—24).

[2]) См. перечень ихъ въ его же книгѣ: Слово и Дѣло, изд. второе, стр. 343, 344, 349.

недобросовѣстнымъ (?) образомъ. Напротивъ, все, что только служитъ къ оправданію Петра, подвергается его сомнѣнію, перетолковывается въ дурную сторону, или вовсе даже оставляется безъ вниманія. Что ему за дѣло, что эпоха Петра была эпохой перелома въ жизни государственной и общественной, что подобныя эпохи никогда и нигдѣ не давались даромъ, особенно же при такихъ условіяхъ, при которыхъ происходила реформа Петра. Вмѣсто оцѣнки общей дѣятельности Петра, вмѣсто опредѣленія отношенія его времени къ предшествовавшему и послѣдовавшему быту Россіи, г. Семевскій занимается только жалкою игрою въ слова „великій“, „геніальный“, „премудрый“, употребляемымъ въ ироническомъ смыслѣ; мы говоримъ жалкою, потому что истинный историкъ позволитъ снять съ извѣстнаго лица маску величія, если потомство, по убѣжденію его, несправедливо кого-либо имъ наградило, но никогда не позволитъ себѣ издѣваться надъ титуломъ, утвержденнымъ приговоромъ потомства въ лицѣ цѣлаго міра, имѣя только въ пользу своего мнѣнія одни жалкіе факты, разсматриваемые съ односторонней точки зрѣнія“ [1]).

Эта выдержка, хотя и не лишенная полемическаго задора, показываетъ, что и въ пору своего возникновенія новая точка зрѣнія встрѣтила достойный отпоръ. Въ противоположность западникамъ и славянофиламъ, теперь не станутъ уже отрицать вредныхъ сторонъ преобразованія: признаютъ жестокость царя, незаконность пытокъ надъ царевичемъ Алексѣемъ послѣ его осужденія [2]); согласятся, что при Петрѣ пролито было не мало крови [3]); не всѣ его воззрѣнія примутъ [4]) и т. д.; но въ то же время объяснятъ эту грубость вліяніемъ среды [5]), ненормальными условіями воспитанія [6]); напомнятъ, что тѣ же нравы существовали и на западѣ [7]), что ба-

---

[1]) *Н. В. Покровскій*, Переписка Петра I съ Екатериной. *Русскій Міръ* 1861, № 82, стр. 1374.

[2]) *К. Задлеръ*, Опытъ историческаго оправданія Петра I противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. С.-Пб. 1861, стр. 24, 76—77. Сравн. 69.

[3]) *І. Шишкинъ*, Панегиристы и порицатели Петра В., *Русское Слово* 1861, № 7, стр. 2.

[4]) *Н. Покровскій*, Переписка Петра I съ Екатериной. *Русскій Міръ* 1861, № 72, стр. 1210.

[5]) *Шишкинъ — Русское Слово* 1861, № 7, стр. 10.

[6]) Ibidem, № 8, стр. 21 слѣд.

[7]) *Задлеръ*, 16—22; *Шишкинъ*, № 7, стр. 19—20.

тоги и лютая казнь для той поры были явленіями обыденными [1]). Поэтому — скажутъ — ошибочно измѣрять событія прошлаго времени гуманнымъ аршиномъ современной поры, иначе это будетъ не судъ исторіи, а Шемякинъ; можно не быть апологетомъ Петра и все-таки признавать, что историческихъ дѣятелей надо судить въ связи съ условіями ихъ времени [2]).

Вообще можно замѣтить, что шестидесятые годы, не удовлетворяясь старою постановкою вопроса, пытаются выработать новую. Противникъ славянофиловъ, Н. В. Покровскій видитъ крайности и у западниковъ, которые, по его мнѣнію, напрасно возводили Петровское государство на степень какого-то государственнаго идеала. Значеніе реформы, по его мнѣнію, болѣе отрицательное, чѣмъ положительное. Петръ хотѣлъ уничтожить старое Московское государство и достигнулъ этого, „положилъ основной камень Россіи, но не могъ придать ей формъ окончательной отдѣлки“ за недостаткомъ времени. Вернуться къ старому порядку мы уже не можемъ; „но въ самой поспѣшности, въ самой быстротѣ реформы, обусловившейся геніальностью одного человѣка, заключалась уже недолговѣчность созданнаго имъ новаго положенія, и для Петровской эпохи пробилъ нынѣ часъ, какъ нѣкогда пробилъ онъ для эпохи московской, и она, съ пробужденіемъ народнаго самосознанія, готова отойти въ вѣчность, не показавъ намъ идеала общества, но составивъ необходимое звено въ развитіи русскаго народа“ [3]).

Но всѣ попытки подобнаго рода объясненія реформы оставляютъ по прежнему желать лучшаго. Еще въ сороковыхъ годахъ Кавелинъ правильно объяснялъ отсутствіе послѣдняго слова о Петрѣ „тѣмъ, что мы еще почти современники великаго и едва только начинаемъ освобождаться изъ подъ непосредственнаго вліянія реформы, имъ произведенной. Для насъ эта реформа не есть еще вполнѣ прошедшее, на которое бы мы могли смотрѣть прямо и безпристрастно“ [4]). Но

---

[1]) *Шишкинъ*, № 8, стр. 9.

[2]) *А. Н. Аѳанасьевъ*, Переписка Петра В. съ Екатериной. *Русская Рѣчь* 1861, № 9, стр. 133—134. Сравн. *Покровскій*, Общій взглядъ на характеръ современной литературы исторіи Петровскаго періода. *Русскій Міръ* 1861, № 46, стр. 790. Сравн. взглядъ *Добролюбова* (Сочиненія, изд. 1871, т. II, стр. 91, 101 и друг.).

[3]) *Н. В. Покровскій*, Общій взглядъ на характеръ современной литературы исторіи Петровскаго періода. *Русскій Міръ* 1861, № 46, стр. 788.

[4]) *Кавелинъ*, Сочиненія, I, 217.

что было справедливо для сороковыхъ годовъ, то не потеряло значенія и для шестидесятыхъ и будетъ сознаваться и въ эту пору [1])

Примѣромъ этой неустойчивости понятій, невыработки опредѣленнаго взгляда можетъ служить М. П. Погодинъ. Въ 1831 году пишетъ онъ свою трагедію „Петръ I“, о которой такъ отзывается въ 1873 году: „Петръ вышелъ у меня слишкомъ идеализированный согласно съ моими тогдашними понятіями. Замѣчу, впрочемъ, что въ трагедіи выставлена только одна свѣтлая сторона его“ [2]). Въ 1838 году изъ-подъ пера историка выходитъ характеристика императора, доказывающая необходимость преобразованій и энергично защищающая его отъ нападокъ [3]), характеристика, гдѣ такъ образно показано, какъ весь строй нашей современной жизни носитъ отпечатокъ дѣятельности Петровой. Авторъ рисуетъ картину нашего дня. Мы просыпаемся—какой сегодня день? Положимъ 1-е января 1841 года. Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, новый годъ отъ января. Одѣваемся—наше платье сшито по фасону, данному Петромъ; шерсть для сукна собрана съ овецъ, разведенныхъ имъ же; беремъ утреннюю газету—газеты заведены Петромъ; любая книга—шрифтъ ея введенъ Петромъ; языкъ этой книги сталъ литературнымъ только съ Петра. Покупаемъ ли мы какую-нибудь вещь—однѣ онъ выписалъ, другія ввелъ въ употребленіе, третьи привезены на его кораблѣ, въ его гавань, его каналомъ. За обѣдомъ селедка, картофель, виноградное вино снова напоминаютъ намъ о Петрѣ: ихъ не было (?) у насъ до него. Ѣдемъ въ гости—это Петровская ассамблея; встрѣчаете тамъ дамъ—онѣ допущены въ мужскую компанію Петромъ. Служба даетъ чинъ—по табели о рангахъ Петра; чинъ даетъ дворянство—такъ установилъ Петръ Великій. Вздумаемъ путешествовать—по примѣру Петра; за границей насъ хорошо примутъ—ибо Петръ помѣстилъ Россію въ число европейскихъ государствъ (стр. 9—10).

Такимъ рисовался Петръ воображенію Погодина въ 1830-хъ годахъ. Но чрезъ 20 лѣтъ, подъ впечатлѣніемъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ, историкъ начинаетъ колебаться. Судебное дѣло съ его

---

[1]) *Н. Покровскій*, Переписка Петра I съ Екатериной. *Русскій Міръ* 1861 № 72, стр. 1209.

[2]) *М. Погодинъ*, Петръ I, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. 1831 М. 1873). См. стр. 160. Первоначально въ альманахѣ „Утро“ 1859 и 1868 годовъ.

[3]) *М. Погодинъ*, Петръ Великій. *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 3—29. Оцѣнку этой статьи см. у *Кавелина*, Сочиненія, II, 132—140.

пытками представляется ему царствомъ ужасовъ и безчеловѣчія. Рѣшительнаго осужденія Петру не высказано, но, кажется, только потому, что не хватаетъ на это рѣшимости: Погодинъ предлагаетъ молиться о прощеніи прегрѣшеній царя [1]). Впрочемъ, спѣшимъ заявить, что колебанія эти были лишь временными. Не говоря уже про то, что на склонѣ лѣтъ маститый ученый посвятилъ свой досугъ изученію царствованія Петра во всемъ его объемѣ [2]), еще много раньше онъ возвращается къ „старымъ богамъ“ и мысли, высказанныя въ Москвитянинѣ, развиваетъ въ новой статьѣ, гдѣ, становясь прежнимъ горячимъ поклонникомъ реформы, выставляетъ рядъ тезисовъ съ цѣлью защиты Петра отъ навѣтовъ противниковъ [3]). Считаемъ не лишнимъ привести эти тезисы: они дадутъ возможность установить точку зрѣнія Погодина:

1) Вся наша современная жизнь сложилась подъ вліяніемъ началъ европеизма. 2) Россіи не возможно было уклониться отъ европейскаго вліянія. 3) Самобытнаго развитія безъ привхода новыхъ идей было бы недостаточно для Россіи. 4) Несовершенства русскаго общественнаго строя требовали реформъ, обновленія во что бы то ни стало. 5) Реформа началась въ Россіи за долго до Петра. 6) Положеніе Россіи въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ было таково, что некогда было ждать органическаго развитія, а надо было спасать себя заимствованіемъ европейскаго знанія, хотя бы это заимствованіе и происходило торопливо, безъ системы, насильно. 7) Для спасенія Россіи необходимо было не что иное, какъ европейская реформа. 8) Многія нововведенія Петра новы только по формѣ, по имени; по существу же они глубоко коренятся въ русской жизни. 9) Употребляя насиліе, Петръ не вводилъ чего-либо новаго: насильственныя мѣры существовали за долго до него. 10) Въ личномъ характерѣ Петра надо строго отличать пороки времени и не приписывать лично Петру того, что было несовершенствомъ всей эпохи. 11) Петръ не долженъ отвѣчать за ошибки своихъ предшественниковъ, не мало исказившихъ основныя начала его преобразованій; а

---

[1]) *М. Погодинъ*, Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Эпизодъ изъ жизни Петра Великаго. *Русск. Бесѣда* 1860, I, стр. 85—86.

[2]) *М. Погодинъ*, Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. М. 1875.

[3]) *Погодинъ*, Петръ Первый и національное, органическое развитіе. *Русск. Вѣстникъ* 1863, № 7, стр. 373—400.

то направленіе государственное, которое обыкновенно зовется петербургскимъ, началось еще въ Москвѣ, царь же только увѣнчалъ и довершилъ эту систему.

Ознакомившись со взглядами людей XVIII и первой половины XIX вѣка на личность Петра и его реформы, мы можемъ видѣть, какимъ колебаніямъ они подвергались, какъ были неустойчивы и въ конечномъ своемъ выводѣ все еще далеки отъ твердыхъ основаній и удовлетворительнаго рѣшенія.

Юбилейная литература 1872 года не много подвинула насъ впередъ въ этомъ отношеніи. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Она отражала на себѣ современное ей состояніе науки, а, слѣдовательно, и ея незаконченность, ея пробѣлы въ оцѣнкѣ реформы. „Публичныя Чтенія о Петрѣ Великомъ“ С. М. Соловьева [1]), лучшій вкладъ въ литературу Петровскаго юбилея, были прекраснымъ обобщеніемъ уже ранѣе высказаннаго талантливымъ историкомъ въ его обширной „Исторіи Россіи“, и только популяризировали взгляды московскаго профессора, но не раскрывали чего-либо новаго. Вотъ почему и въ это время, какъ и раньше, мы встрѣтимъ неодинаковую оцѣнку дѣяній Петра и старыя точки зрѣнія. Будутъ и хвалить, и осуждать.

Если самый характеръ юбилея обусловливалъ розовую окраску изображенія; если, напримѣръ, рѣчь Я. К. Грота будетъ посвящена оправданію Петра отъ взводимыхъ обвиненій и указанію положительныхъ сторонъ его дѣятельности [2]); если въ другой рѣчи, М. Н. Петрова, Петръ будетъ высоко превознесенъ за заслуги, оказанныя имъ родинѣ [3]),—то въ то же время возможною окажется и такая оцѣнка [4]) въ лицѣ Н. Я. Данилевскаго: заимствованія культурныхъ сокровищъ запада, и притомъ быстрыя, были необходимы. Но, страстный и увлекающійся, Петръ влюбился въ западъ и хотѣлъ во что бы то ни стало сдѣлать Россію Европой. Родину свою онъ и любилъ, и ненавидѣлъ. Любилъ ея силу и мощь, ненавидѣлъ начала русской жизни. Потому-то дѣятельность государственная заслуживаетъ вѣчной признательности, „всѣмъ этимъ заслужилъ онъ себѣ

---

[1]) М. 1872, 4°. 134 стр.

[2]) *Я. К. Гротъ*, Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. С.-Пб. 1872. 56 стр.

[3]) *М. Н. Петровъ*, Петръ Великій. Юбилейная рѣчь. Изъ всемірной исторіи. Очерки, изд. 2-е. Харьковъ. 1882, стр. 429—437.

[4]) Хотя и высказанная не спеціально по поводу юбилея.

имя Великаго, имя основателя русскаго государственнаго величія"; но, измѣняя бытъ, нравы, обычаи и понятія русскаго народа, онъ искалѣчилъ свой народъ и принесъ тѣмъ величайшій вредъ [1]). Естественно и въ журналистикѣ найдти такую же разноголосицу. Напримѣръ, одинъ изъ ея органовъ, Вѣстникъ Европы, доказывалъ существованіе опредѣленной программы въ реформахъ Петра [2]); другой же, Отечественныя Записки, въ лицѣ своего критика, Н. К. Михайловскаго, опровергалъ это вообще, отрицая какую-либо систему и готовые принципы въ преобразованіяхъ русскаго императора [3]).

Семидесятые годы, разумѣется, отказались отъ густыхъ красокъ критики сороковыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе и теперь живо чувствовалась потребность найдти хоть какую-нибудь опору въ постоянныхъ противорѣчіяхъ и побуждала изучать не только самую реформу, но также и отношенія къ ней общества и литературы. В. И. Григоровичъ находилъ, что хвалить или порицать теперь излишне: если что̀ прежде было худо, то нынѣ уже пережито, а между тѣмъ прежнія невзгоды дали намъ возможность пользоваться теперешними благами [4]). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, изслѣдуя „причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ", находитъ, что дѣло Петра было искажено при его преемникахъ, иностранцы получили незаконное преобладаніе, и съ критикой реформы „выступила, разумѣется, идеализація стараго быта". Возраженія славянофиловъ справедливы только отчасти; „мало ли сколько постороннихъ элементовъ примѣшалось къ великому подвигу Петра" впослѣдствіи? [5]). Наконецъ, О. Ѳ. Миллеръ полагалъ, что правое дѣло Петра сильно исказилось послѣ его смерти, а это и вызвало столь не одинаковые отзывы о реформѣ въ литературѣ XVIII и XIX столѣтій [6]).

Этими указаніями мы можемъ считать задачу свою —представить

---

[1]) *Н. Я. Данилевскій*, Россія и Европа. С.-Пб. 1871, стр. 280—281.

[2]) Государственныя идеи Петра В. и ихъ судьба. *Вѣстн. Европы* 1872, № 6, стр. 770—796.

[3]) *Н. К. Михайловскій*, Сочиненія, томъ 2-й (С.-Пб. 1881), стр. 7, 20.

[4]) *В. И. Григоровичъ*, О нѣкоторыхъ явленіяхъ народной русской жизни въ эпоху преобразованій Петра Великаго съ точки зрѣнія науки славянской. Одесса. 1872, стр. 3—4, 13.

[5]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, № 6, стр. 149—156.

[6]) *О. Ѳ. Миллеръ*, Объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому. *Русск. Стар.* 1873, т. VII, № 3, стр. 406—411.

историческій очеркъ смѣны воззрѣній русскаго общества и литературы на эпоху Петра Великаго—законченною. Указывать на статьи послѣднихъ 17 лѣтъ значитъ подбирать варіаціи къ основнымъ темамъ, уже ранѣе намѣченнымъ. Въ этой позднѣйшей литературѣ встрѣтимъ мы [1]) точку зрѣнія и западниковъ [2]), и славянофиловъ [3]), одни писатели будутъ выдвигать заслуги Петра, въ то же время допуская и недостатки его [4]); другіе, отыскивая предшественниковъ царя въ XVII вѣкѣ, подчеркнутъ тѣ факты изъ жизни этого столѣтія, которыми подтверждаются измѣненія стараго быта еще до реформы [5]) и т. п. Встрѣтимся мы и съ такими писателями, гуманная мѣрка которыхъ напомнитъ до нѣкоторой степени критику конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ [6]). Наконецъ, за послѣдніе мѣсяцы мы могли слѣдить за возгорѣвшею и, по видимому, далеко еще не потух-

---

[1]) Нижеслѣдующіе примѣры приведены безъ соблюденія требованій строгаго подбора.

[2]) *А. Ѳ. Бычковъ*, Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности за 1877 годъ. *Сборн. 2-го Отдѣл. Акад. Н.*, т. XVIII: „Значеніе Петра Великаго было опредѣлено Никитенкою чрезвычайно вѣрно, и сказавъ, что „преобразователь Россіи столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго“, онъ выразилъ истину, которую едва ли кто будетъ теперь оспаривать“ (стр. XXXVIII—XXXIX). Страстнымъ сторонникомъ Петра является *В. И. Межовъ*; см. предисловіе къ его книгѣ: „Юбилей Петра Великаго. С.-Пб. 1881“.

[3]) Сравн., напримѣръ, *И. С. Аксаковъ*, Полное собраніе сочиненій, т. 2-й (М. 1886): Славянофильство и Западничество, стр. 419 и др.

[4]) *А. Н. Пыпинъ* въ цѣломъ рядѣ статей: напримѣръ, Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ (*Вѣстн. Европы* 1884 г., №№ 5, 6, 7), Новый вопросъ о Петрѣ Великомъ (ibid. 1886, № 5) и др.

[5]) *В. С. Иконниковъ*, Ближній бояринъ Ординъ-Нащокинъ. *Русск. Старина* 1883 г., ноябрь.

[6]) *В. Гольцевъ*, Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. М. 1886. Авторъ становится на сторону обвинителей Петра въ жестокости (17), бритьѣ бородъ и ношеніи нѣмецкаго платья (18—19); „вводя женщину въ общество пьяныхъ, разнузданныхъ людей, заставляя ее принимать участіе въ самыхъ грубыхъ увеселеніяхъ“, Петръ испортилъ благотворныя послѣдствія освобожденія женщинъ изъ терема (23). Сравн. стр. 25, 131 и др. Въ другомъ мѣстѣ (Къ вопросу о Петровской реформѣ. *Русск. Мысль* 1886 г., № 8) авторъ причисляетъ себя „къ той группѣ историковъ, которая полагаетъ, что въ Петровскихъ преобразованіяхъ.... было много грубой и вредной ломки, слишкомъ много жестокости, слишкомъ мало заботы о человѣкѣ и гражданинѣ.... Нельзя утверждать,... что Петръ Великій былъ во всемъ выше лучшихъ представителей предшествовавшаго ему столѣтія.... Вопреки С. М. Соловьеву, г. Гольцевъ не считаетъ возможнымъ восхищаться „революціонною“ дѣятельностью Петра (173, 175).

шею полемикой, вызванною статьей В. С. Соловьева [1]). Полемика эта какъ бы желаетъ лишній разъ подтвердить зависимость нашего времени отъ преобразовательной эпохи и доказать, что роковое наслѣдіе еще не пережито нынѣшнимъ поколѣніемъ. Вотъ почему хочется повторить вмѣстѣ съ Погодинымъ, прибѣгая къ его поэтическому и образному языку: Петръ и въ наши дни все еще „бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее и даже заститъ намъ древнюю исторію“ [2]); Петръ—употребляя на этотъ разъ сравненіе другаго почитателя русскаго царя—Петръ, это гигантская волна что̀ разлилась на пространствѣ двухъ столѣтій, и брызги которой достигаютъ и до нашихъ ногъ....

Да, мы еще не произнесли послѣдняго слова и трудно предвидѣть, когда произнесемъ. Но въ хаосѣ безконечныхъ противорѣчій да послужитъ намъ опорою и путеводною нитью народная русская пѣсня, въ теченіе полутораста лѣтъ не перестающая воспѣвать и прославлять подвиги Петра Великаго и въ художественныхъ образахъ запечатлѣвшая силу его творческаго генія. Обликъ русскаго царя проходитъ въ этой пѣснѣ на пространствѣ нѣсколькихъ поколѣній неизмѣнно величавымъ и благороднымъ [3]). А гласъ народа—гласъ Божій!

---

[1]) Статьи *В. С. Соловьева* и *Н. Н. Страхова* въ *Вѣстникѣ Европы* и *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1888 и 1889 годы.

[2]) *Погодинъ*, Петръ Великій. *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 3—4.

[3]) Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ*. Вып. 8-й (М. 1870), а также приложенія къ вып. 9-му (М. 1872), стр. III—XLI. *Е. В. Барсовъ*, Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ сѣвернаго края. *Бесѣда* 1872, № 5, стр. 295—310. Важныя указанія на 8-й выпускъ Пѣсенъ Кирѣевскаго сдѣланы *Н. А. Лавровскимъ* въ *Филологич. Запискахъ* 1872 (отд. оттискъ, 32 стр.).

II.

Историческое изученіе эпохи Петра Великаго началось еще при жизни преобразователя. Самъ царь далъ первый толчокъ этому дѣлу Чѣмъ ожесточеннѣе проявлялась оппозиція его реформамъ, тѣмъ настоятельнѣе чувствовалъ онъ необходимость найдти себѣ оправданіе въ глазахъ подданныхъ; чѣмъ сдержаннѣе и непріязненнѣе относились на западѣ къ попыткамъ его занять видное мѣсто въ ряду европейскихъ государей, тѣмъ необходимѣе было Петру привлечь на свою сторону общественное мнѣніе этого запада. Какъ ни увѣренъ былъ преобразователь въ правотѣ своего дѣла, какъ ни высоко держалъ знамя самодержавныхъ правъ своихъ, но въ общественномъ мнѣніи видѣлъ онъ силу, съ которою приходилось считаться и избѣгать столкновеній. Онъ первый въ Россіи призналъ громадное вліяніе за печатнымъ словомъ и поспѣшилъ имъ воспользоваться, какъ могучимъ воспитательнымъ средствомъ. Одна внѣшняя сила еще не создавала устойчивости нововведеніямъ; опираясь на нее одну, реформа не могла бы прочно привиться въ Русской землѣ. Приходилось воспитать умы, убѣдить въ небходимости преобразованій, и вотъ за это-то и берется Петръ Великій.

Еще въ 1702 году русское правительство вошло въ соглашеніе съ барономъ Гюйссеномъ, обязавъ его пропагандировать за границей путемъ печати идеи царя, знакомить Европу со всѣми его распоряженіями, сочинять книги и статьи, оправдывающія дѣятельность преобразователя, переводить правительственные указы, полемизировать съ враждебными мнѣніями, нанимать для той же цѣли журналистовъ въ иностранной печати, доставлять имъ матеріалъ, сырой и обработанный и т. п. Изданіе Рабенера Europäische Fama

въ теченіе многихъ лѣтъ помѣщало сочувственныя Россіи статьи, служа такимъ образомъ нѣкотораго рода офиціознымъ органомъ русскаго правительства за границей [1]).

Но это все была пропаганда русскихъ идей передъ иноземцами. Для своихъ подданныхъ Петръ поручаетъ Шафирову написать знаменитое „Разсужденіе о причинахъ войны“ [2]). Оно явилось какъ бы оправдательною запискою царя въ отвѣтъ на ропотъ народный, стремясь представить борьбу съ Шведскимъ королемъ необходимостью, вызванною насущными потребностями государства. Въ то же время сочиненіе это оправдывало правительство и передъ лицомъ Европы въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Извѣстно непосредственное участіе Петра въ составленіи „Разсужденія“ [3]): перу царя принадлежитъ такъ-названное „Заключеніе къ читателю“ [4]), гдѣ проводится мысль о необходимости довести дѣло до конца и не мириться прежде чѣмъ не обезпечено будетъ обладаніе Балтійскимъ побережьемъ [5]).

Впрочемъ Петръ начиналъ войну съ Карломъ XII безъ достаточно яснаго сознанія тѣхъ послѣдствій, какія она повлечетъ за со-

---

[1]) *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 90—95.

[2]) С.-Пб. Первое изданіе 1717 г., in folio; второе—1722 г., in 16°.

[3]) „Разсужденіе“ начинается разборомъ „древнихъ причинъ“, вызвавшихъ настоящую войну (стр. 1—23 перваго изданія), другими словами—обзоромъ отношеній Россіи къ Швеціи съ Грознаго вплоть до 1700 года. „Причины новыя“ (23—35) состоятъ преимущественно изъ жалобъ на Дальберга, рижскаго коменданта, на дурной пріемъ царя въ Ригѣ, во время проѣзда его за границу и на притѣсненія русскихъ. Доказательству мнѣнія, что истиннымъ виновникомъ продолжительности войны были не русскіе, а шведы, посвящена слѣдующая глава (35—57); на страницахъ же 57—72 доказывается, „кто умѣреннѣе въ сеи воінѣ поступілъ“.

[4]) Стр. 72—78. Объ участіи Петра въ составленіи „Разсужденія“ см. *Устрялова*, I, прилож. № IV.

[5]) Мириться на условіи уступки завоеваннаго края, лишь бы освободиться отъ дѣйствительно большихъ пожертвованій людьми и деньгами, — будетъ, по мнѣнію Петра, безразсудствомъ: шведы давнишніе наши враги; не объяви мы имъ войны, они сами навязали бы ее намъ; они хотятъ во что бы то ни стало стѣснить насъ, и, отдавъ имъ завоеванные города, намъ все равно придется рано или поздно снова пріобрѣтать ихъ. — Съ цѣлью распространенія взглядовъ царя второе изданіе „Разсужденія“ было выпущено въ количествѣ 20,000 экземпляровъ по цѣнѣ 10 алтынъ, но расходилось оно туго: при жизни Петра его было продано не болѣе 50 экземп., и въ 1756 г. оставалось еще 16,000 (*Пекарскій*, Наука и литер., II, 585).

бою; съ каждымъ годомъ борьба увеличивалась въ размѣрахъ, поглощая всѣ силы страны и становясь центральнымъ событіемъ для Россіи въ глазахъ современниковъ. Но потому-то Полтавская битва, помимо ея значенія военнаго и политическаго, разсѣивала возникавшія было сомнѣнія, пріободряла; значеніе предшествовавшихъ ей годовъ выяснялось теперь съ каждымъ новымъ успѣхомъ, и у Петра зарождается понятное желаніе сохранить на память эти трудные дни умственнаго и физическаго напряженія, а предъ потомствомъ найдти новое оправданіе своимъ поступкамъ. Однимъ словомъ, онъ задумываетъ Исторію Шведской войны.

Такъ, еще въ первые годы рѣшено было вести діаріушъ военнымъ событіямъ, съ каковою цѣлью въ мартѣ 1705 года велѣно всѣ извѣстія „о поведеніи нынѣшней свѣйской войны, что будетъ чиниться въ воинскихъ походахъ“, присылать въ посольскій приказъ [1]). Очевидно, мы присутствуемъ при зарожденіи „Гисторіи Свейской войны“, которой суждено было пережить столько перипетій. Въ 1711 году составленіе ея было возложено на Шиллинга, переводчика названнаго приказа; какое употребленіе сдѣлалъ онъ изъ предоставленныхъ въ его распоряженіе матеріаловъ, не извѣстно [2]); позволительно думать, что—никакого, ибо въ слѣдующемъ, 1712, году за сочиненіемъ Исторіи о шведской войнѣ мы видимъ уже другое лицо (по всей вѣроятности), Поликарпова [3]); „и то же самое велѣно дѣлать въ посольскомъ приказѣ секретарю Шафирову“ [4]).

Недолгое время спустя эта работа переходитъ снова въ иныя руки, къ барону Гюйссену, который и приготовилъ въ 1715 году [5])

---

[1]) Полн. Собр. Закон., IV, № 2040, стр. 298—299.

[2]) *Устряловъ*, т. I, стр. XXX, примѣчаніе и приложеніе № 1.

[3]) *С. Зеленый* въ рецензіи на книгу Ѳ. Ѳ. Веселаго: „Очеркъ русской морской исторіи“. Отчетъ о 19-мъ присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 137.

[4]) Ibidem.

[5]) Этотъ годъ устанавливается на основаніи слѣдующихъ соображеній: въ 1714 году государь приказалъ: „Журналы всѣ отдать Гизену“ (*Устр.*, I, стр. XXX—XXXI); на стр. 315 (*Туманск.*, ч. III) Гюйссенъ ссылается на Марсову книгу, вышедшую въ 1713 году; о царевичѣ Алексѣѣ упоминается въ очень сочувственномъ тонѣ (*Туманск.*, VIII, 7—8),—значитъ, писано до 1718 года. Наконецъ, Веберъ (Das veränd. Russland, I, 253—254) прямо указываетъ на 1715, какъ на годъ, когда работа была окончена и даже приготовлена къ печати. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (*Туманск.*, III, 230) авторъ сообщаетъ, что съ 1701 года начался новый вѣкъ и счастливая для Россіи эпоха завоеваній, „для

„Журналъ государя Петра I съ 1695 по 1710 годъ“ [1]). Этотъ трудъ имѣлъ въ виду нѣчто большее, чѣмъ одна исторія войны, а именно описаніе всего царствованія Петра Великаго. Матеріалами Гюйссену служили офиціальныя бумаги, переданныя ему въ 1714 году [2]), „короткія денныя росписи о е. и. в. походѣхъ“, разказы участниковъ событій и литературныя пособія, иностранныя и отечественныя [3]). Веберъ [4]), а особенно Устряловъ [5]), отозвались о Журналѣ Гюйссена неодобрительно, называя его трудомъ непереработаннымъ, неосвѣщающимъ эпохи, излагающимъ факты безъ всякой связи и т. п. Взглядъ этотъ сталъ, кажется, общепринятымъ. Если онъ по существу и справедливъ, то ошибоченъ именно по своей односторонности. Не забудемъ, что Соловьевъ, столь разборчивый на источники и пособія, пользовался Гюйссеномъ въ своей Исторіи [6]). Ниже, разбирая „Поденную записку“ Петра, мы будемъ имѣть случай ближе ознакомиться съ содержаніемъ труда нѣмецкаго барона и опредѣлить его историческое значеніе, если на значеніе научное онъ не можетъ претендовать.

Теперь же перейдемъ къ другому труду, составлявшемуся также по инпціативѣ и подъ наблюденіемъ Петра; это — „Исторія императора Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской баталіи“ [7]), приписываемая обыкновенно Ѳеофану Прокоповичу. Самый вопросъ объ авторѣ этого сочиненія нельзя еще впрочемъ считать

того, что отъ сего вѣка оное благополучіе послѣдовано и продолжено безъ престанія лѣта отъ лѣта, даже до 1715 году всегда бо находятся или баталіи выиграны, или взятіе городовъ, либо завоеваніе цѣлыхъ областей надъ Швеціею“. Можетъ быть, время составленія журнала и дало поводъ Устрялову ошибочно сказать (I, стр. XXXI), что Гюйссенъ довелъ изложеніе событій до 1715 года, тогда какъ онъ остановился на 1710-мъ.

[1]) Въ печати онъ появился, и то не весь, а только за годы 1695—1704, 1709 и 1710 у *Туманскаго*, ч. III, стр. 3—493; ч. VIII, стр. 5—336; въ этомъ же видѣ (въ рукописи) хранится въ Государственномъ Архивѣ (*Устрял.*, I, XXXI, прим. 13); сверхъ того, есть другой списокъ Имп. Публичн. Библіотеки, содержащій въ себѣ 1695—1699, и 1708—1710 гг. (Письма Петра Великаго, изд. *А. Ѳ. Бычковымъ* (С.-Пб. 1872, стр. 105).

[2]) *Устряловъ*, т. I, стр. XXX—XXXI.

[3]) Собственное свидѣтельство Гюйссена. *Пекарскій*, Наука и литер., I, 320.

[4]) Das verändt. Russland (L. 1744), I, 253—254.

[5]) Т. I, стр. XXXI.

[6]) Дѣлаетъ то же и Погодинъ въ статьѣ: „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ“.

[7]) Два изданія: С.-Пб. 1773 и М. 1788.

окончательно выясненнымъ. Князь М. М. Щербатовъ, издававшій книгу [1]), митрополитъ Евгеній [2]), Н. Г. Устряловъ [3]), С. М. Соловьевъ [4]) и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [5]) приписываютъ ее Θеофану; по мнѣнію Н. И. Костомарова, „Θеофанъ получилъ порученіе отъ государя пополнить исторію Петра, написанную неизвѣстно кѣмъ, быть можетъ, самимъ Петромъ; она въ значительной степени была исправлена и выглажена“ псковскимъ епископомъ [6]). И. А. Чистовичъ, разсматривавшій рукопись сочиненія, отвергаетъ авторство Θеофана, признавая за нимъ только частныя поправки и мелкія дополненія [7]). П. О. Морозовъ держится середины и, въ основѣ принимая мнѣніе г. Чистовича, думаетъ только, что участіе Θеофана было болѣе дѣятельнымъ и содержательнымъ [8]).

Послѣднее мнѣніе кажется и намъ ближе къ истинѣ. Однако и оно не разъясняетъ, кто же былъ первымъ сотоварищемъ, такъ-сказать, основнымъ авторомъ „Исторіи“? Не былъ ли таковымъ Θедоръ Поликарповъ? На послѣднемъ лежали обязанности управляющаго московскою синодальною типографіей; онъ занимался переводами и составленіемъ разнообразныхъ книгъ, будучи обязанъ „браться за все, что требовалось тогда въ Россіи для дѣла просвѣщенія“ [9]). Въ 1708—1715 гг. онъ составляетъ исторію Россіи со временъ великаго князя Василія III; въ концѣ 1715 года часть ея была представлена на разсмотрѣніе государя и не апробована имъ [10]). Нельзя ли предположить, что Поликарпова освободили отъ продолженія, замѣнивъ одну работу другою, описаніемъ Шведской войны, тѣмъ болѣе что, какъ было выше указано, вѣроятно, эта работа возложена была на него еще въ 1712 году? Сознаемся, что эти соображенія довольно шатки; убѣдительнѣе можетъ показаться слѣдующее сопоставленіе: въ маѣ 1722 года Поликарповъ по наговорамъ былъ уволенъ отъ званія

---

[1]) См. предисловіе къ „Исторіи имп. Петра Великаго“.

[2]) Словарь писател. духовн. чина, изд. 2-е, т. II, стр. 309.

[3]) Т. I, стр. XXXI.

[4]) XVIII, 190.

[5]) Исторія Россіи, I, 60 первой пагин.

[6]) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. 6-й, стр. 875.

[7]) Θеофанъ Прокоповичъ и его время, 122—124.

[8]) Θеофанъ Прокоповичъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 8, стр. 324.

[9]) *Пекарскій*, Наука и литер. при Петрѣ Великомъ, I, 174; II, 637. Сравн. *Русск. Архивъ* 1868, 1041—1058.

[10]) *Голиковъ*, 2-е изд., IV, 299; V, 323; VI, 369.

директора типографіи [1]), а въ августѣ того же года Ѳеофанъ Прокоповичъ пишетъ царю въ Астрахань: „что присланнымъ нынѣ в. в-ва указомъ въ достопамятной славныхъ в. в-ва дѣлъ исторіи пополнить и исправить мнѣ повелѣно, то дѣломъ исполнить тщуся“ [2]). Отставка Поликарпова не вызвала ли необходимости передать окончаніе начатой „Исторіи“ другому лицу?

Отмѣтимъ въ разбираемомъ сочиненіи мѣста, которыя, по нашему мнѣнію, не могли принадлежать Ѳеофану:

1) Говоря о военныхъ дѣйствіяхъ на Невѣ въ 1702—1703 годахъ авторъ даетъ краткую, но рѣзко очерченную характеристику чухонъ, въ то время тамъ жившихъ [3]). Характеристика эта походитъ на свидѣтельство очевидца, а Прокоповичъ въ описываемое время не былъ на берегахъ рѣки Невы.

2) Не былъ онъ тамъ и въ 1713 году [4]); а между тѣмъ страницы 66—72 даютъ обстоятельную топографію р. Невы и планъ Петербурга („за время десятолѣтнее“). Свидѣтельство Устрялова [5]), что „Исторія“ составлена по „Марсовой книгѣ или собранію реляцій о баталіяхъ до 1713 года“ [6]), скорѣе говоритъ не въ пользу авторства Ѳеофана: свѣжіе матеріалы изданной книги и послужили побужденіемъ не медля, въ томъ же 1713 году, сѣсть за работу.

3) Странно было бы услыхать отъ Ѳеофана похвалу „мудрости“ Стефану Яворскому (стр. 136), злѣйшему его врагу.

А вотъ мѣста въ пользу того, что Ѳеофанъ принималъ участіе въ составленіи книги:

1) Пребываніе Петра въ 1706 г. въ Кіевѣ, встрѣча царя духовенствомъ, значеніе Печерскаго монастыря и его топографія (стр. 134—136). Въ 1706 г. въ Кіевѣ, какъ извѣстно, Петръ впервые познакомился съ будущимъ составителемъ Духовнаго регламента.

2) Характеристика Мазепы (156 — 162), — мастерская и мѣткая. П. О. Морозовъ [7]) замѣчаетъ, что никто по языку не могъ бы такъ

---

[1]) *Пекарскій*, II, 637.

[2]) *Соловьевъ*, XVIII (М. 1870), 190.

[3]) Стр. 59 перваго изданія.

[4]) Въ первый разъ пріѣхалъ Ѳеофанъ въ Петербургъ только осенью 1716 г. *Чистовичъ*, Ѳ. Прокоповичъ, 25.

[5]) Том. I, стр. XXXI.

[6]) А „Марсова книга“ издана въ 1713 и частью въ 1714 г. *Пекарскій*, II, 290, 303.

[7]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 8, стр. 325.

написать въ то время. Можно прибавить: и по таланту, по наблюдательности. Наконецъ, только мѣстный житель могъ схватить всѣ мелочи впечатлѣній, а онѣ-то въ данномъ случаѣ и обусловили цѣльность картины.

3) Характеристика запорожцевъ (199 — 205). П. О. Морозовъ [1]) и ее причисляетъ къ безспорнымъ произведеніямъ Ѳеофановскаго пера, ничѣмъ, впрочемъ, не подтверждая своего мнѣнія. Между тѣмъ, если по языку этотъ отрывокъ и слабѣе предыдущаго, то опять въ немъ встрѣчаются такія данныя, такія мѣстныя черты, которыя доступны были только туземцу-малороссу. Кромѣ того, есть еще одно важное мѣсто: заканчивая характеристику запорожцевъ, авторъ замѣчаетъ: „стояло Запорожье подъ королевствомъ Полскимъ около 140 лѣтъ, а подъ монархіею Россійскою 56 лѣтъ“ (стр. 205). Складывая 56 съ 1667 годомъ, Андрусовскаго мира, получимъ 1723, то-есть, годъ, слѣдующій за тѣмъ, какъ Ѳеофану послана была „Исторія“ для дальнѣйшей обработки [2]).

4) Описаніе Полтавскаго боя (212—213) полно жизни и картинности; написано съ увлеченіемъ и тѣмъ мастерствомъ, которымъ въ такомъ совершенствѣ владѣлъ Ѳеофанъ.

Безразлично могли быть составлены и Ѳеофаномъ, и кѣмъ-либо инымъ, такія, напримѣръ, страницы:

1) Рѣчи Карла XII и Петра I, обращенныя къ войскамъ въ 1702 году, во время ожиданія Шведовъ въ Архангельскѣ (стр. 43—45).

2) Описаніе Жолквы и праздника въ немъ, 1707 года (147—148),— по видимому, очевидцемъ.

3) Событія отъ битвы при Лѣсной вплоть до Полтавскаго боя (178 слѣд.), изложенныя подробнѣе, чѣмъ въ „Поденной запискѣ Петра Великаго“ (можетъ быть, потому что дѣйствіе происходитъ въ Малороссіи и въ тѣ годы, когда тамъ жилъ Ѳеофанъ?) [3]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Начало Запорожья Ѳеофанъ такимъ образомъ относитъ къ началу XVI вѣка, около 1517 года. Это скорѣе время возникновенія украинскаго малорусскаго казачества (старосты Лянскоронскій и Дашкевичъ); Запорожье же въ собственномъ смыслѣ возникло, вѣроятно, нѣсколько позднѣе (*Костомаровъ*, Южная Русь и казачество до возстанія Богдана Хмельницкаго. *Отеч. Записки* 1870, № 1, стр. 38—44. Сравн. его же, Русск. истор. въ жизнеоп., вып. V, стр. 222—224), но авторъ, надо думать, не дѣлалъ между ними въ данномъ случаѣ разницы.

[3]) „Исторія имп. Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской баталіи“ не потеряла значенія и въ наши дни. Цѣнными могутъ быть, кромѣ упомяну-

Между тѣмъ мысль объ исторіи войны все сильнѣе овладѣвала Петромъ. Не ограничиваясь порученіемъ ея другимъ лицамъ, онъ приказалъ въ 1718 году кабинетъ-секретарю Макарову заняться ея составленіемъ, снабдивъ его съ этой цѣлью массою самыхъ разнообразныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ, шедшихъ изъ первыхъ рукъ. Распоряженія правительства, „подлинные журналы походовъ и путешествій, донесенія полководцевъ и министровъ, реляціи сраженій“ [1]) и т. п. были предоставлены въ распоряженіе составителя. Макаровъ добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ, но его книга [2]) вышла скорѣе лѣтописью, погоднымъ расположеніемъ сыраго матеріала, чѣмъ дѣйствительною исторіею. Впрочемъ отнюдь нельзя считать царскаго кабинетъ-секретаря единственнымъ авторомъ „Поденной записки“. Петръ Великій взялся быть ея редакторомъ и нѣсколько разъ передѣлывалъ работу на столько, что, можетъ быть, правильнѣе всего будетъ приписать этотъ трудъ, въ окончательномъ его видѣ, имени самого государя. Царь вставилъ множество подробностей, отбросивъ все льстивое, не преувеличивая побѣдъ, не скрывая промаховъ... [3]).

Трудъ Петра важенъ вопервыхъ, какъ личное свидѣтельство царя, какъ источникъ первой руки; вовторыхъ, какъ вѣрное средство поправить хронологію другихъ источниковъ и поэтому возстановить правильный ходъ событій. Если настоящая книга, какъ исторія, не можетъ считаться удовлетворительною, будучи въ цѣломъ сырымъ, едва тронутымъ матерьяломъ, — то именно какъ матеріалъ она пріобрѣтаетъ цѣну въ нашихъ глазахъ. Превосходя работы Гюйс-

---

ныхъ въ текстѣ рѣчей двухъ государей (43—45 перв. изд.), характеристики чухонъ (59), запорожцевъ (199—205), Мазепы (156—162) описанія Петербурга (66—72), Жолквы (147—148),—также и разказъ о пребываніи Петра въ Ригѣ въ 1697 г. (19—22), детали побѣды подъ Нарвой 1704 г. (92), отзывъ Петра о положеніи Августа Польскаго въ 1706 г. (137) и обѣдъ царя въ петербургскомъ домѣ Меншикова въ день имянинъ хозяина (23-го апр. 1707), хотя и въ отсутствіе его (150). Послѣдній фактъ не отмѣченъ въ „Поденной Запискѣ“ (сравн. I, 162).

[1]) *Устряловъ*, I, стр. XXXII.

[2]) Журналъ или Поденная Записка Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира. 2 части С.-Пб. 1770—1772. V (нен.) + 460 + 763 + 8 стр., in-4.

[3]) *Устряловъ*, I, стр. XXXI—XXXIX и приложеніе № II. Есть указаніе, что въ этой работѣ принималъ участіе и *Шафировъ*. См. *Устр.*, т. I, приложеніе № II, стр. 317. Сравн. *Зеленый* въ Отчетѣ о 19-мъ присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 138.

сена и Θеофана, „Журналъ Петра Великаго“ является ихъ завершеніемъ и органически связанъ съ ними. Эта связь особенно замѣтна въ сочиненіи нѣмецкаго барона. Щербатовъ, издавая „Поденную записку“, говоритъ (въ предисловіи), что рукопись, по которой онъ печаталъ, была „шестаго черненія“; другими словами, окончательной редакціи предшествовало пять передѣлокъ. Позволяемъ себѣ сдѣлать догадку, что трудъ Гюйссена, если не въ цѣломъ, то по крайней мѣрѣ частями, представляетъ одну изъ этихъ пяти первоначальныхъ редакцій. Отказавшись отъ надежды найдти въ Гюйссенѣ достойнаго выразителя своего времени, царь принимается за работу самъ, при содѣйствіи Макарова. А такъ какъ сочиненіе его предшественника основывалось на официальныхъ реляціяхъ, преслѣдовало (въ общемъ) ту же цѣль, то отчего было не воспользоваться готовымъ, въ той мѣрѣ, въ какой это соотвѣтствовало намѣреніямъ Петра? Царь воленъ былъ одно выбросить, другое сократить, третье расширить, четвертое замѣнить новымъ и т. д. Онъ такъ и поступаетъ, и если его „журналъ“ во многомъ отличенъ отъ „журнала“ Гюйссена, то въ то же время во многомъ и сходенъ.

Прежде всего въ системѣ: и тамъ, и здѣсь одинаково хронологическій лѣтописный характеръ изложенія; за тѣмъ — въ единствѣ матеріала: нѣкоторыя мѣста изложены почти дословно въ обоихъ источникахъ [1]). Далѣе можно было бы указать не мало мѣстъ, если не буквально сходныхъ, то весьма приближающихся къ полному тожеству [2]). Какъ матеріалъ историческій, интересны у Гюйссена страницы, излагающія событія подробнѣе Поденной записки [3]); почему

---

[1]) Напримѣръ, осада Нотебурга (*Тум.*, III, 301—308 и Под. Зап., I, 55—61), день 15-го іюня 1809 г. (*Тум.*, VIII, 90 и Под. Зап., I, 210).

[2]) Для примѣра слич. *Тум.*, III, 290 и П. Зап., I, 44—45 (захвачены трофеи), *Тум.*, III, 318 и П. Зап., I, 66 (набѣгъ попа И. Окулова на шведскія владѣнія), *Тум.*, III, 449 слѣд. и Под. Зап., I, 94 слѣд.; *Тум.*, VIII, 47 слѣд. и Под. Зап., I; 203 слѣд. (событія въ началѣ апрѣля 1709 г.), *Тум.*, VIII, 233—235 и П. Зап., I. 257—258 (роспись трофеевъ въ Эльбингѣ), *Тум.*, VIII, 259—261 и П. Зап., I, 267—268 (условія сдачи Выборга), *Тум.*, VIII, 287—293 и П. Зап., I, 302—309 (трофеи въ Ригѣ).

[3]) Напримѣръ, *Тум.*, III, 291—293 и П. Зап., I, 45 (дни непосредственно слѣдующіе за Гуммельсгофскимъ боемъ), *Тум.*, III, 316—318 и П. Зап., I, 64—65 (подробности въ именахъ и наградахъ за взятіе Шлиссельбурга), *Тум.*, III, 325—327 и П. Зап., I, 67 (событія въ январѣ 1703 г.), *Тум.*, III, 328—329 и П. Зап., I, 67 (событія въ мартѣ 1703 г.), *Тум.*, VIII, 144, 175 и П. Зап., I, 241, 250 (подробности путешествія Петра въ 1709 г. изъ Полтавы въ Кіевъ

послѣдняя сокращала ихъ, не соотвѣтствовала ли подробность истинѣ, считалъ ли царь ее просто излишнею, — это вопросъ критики; но, какъ матерьялъ, эти страницы, разъ послѣдняя ихъ не отвергла, нельзя считать не имѣющими цѣнности [1]). Но еще болѣе важными, конечно, будутъ тѣ мѣста Гюйссеновой книги, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ Журналѣ Петра. Дѣло въ томъ, что царь въ своемъ трудѣ, въ общемъ излагая событія совершенно въ томъ же порядкѣ, съ тѣмъ же характеромъ и часто тѣми же словами, какъ и Гюйссенъ, совершенно выбрасываетъ нѣкоторыя подробности [2]). Замѣтимъ, что Поденная записка составлялась послѣ смерти царевича Алексѣя, а потому все, что въ трудѣ Гюйссена такъ или иначе отзывалось о немъ сочувственно, не нашло себѣ здѣсь мѣста [3]). Въ числѣ доказательствъ тому, что Гюйссенъ служилъ одною изъ первыхъ редакцій для Поденной записки, можно отмѣтить и тотъ фактъ, что редакція Макарова о поведеніи Петра во время Полтавской битвы, какъ извѣстно, сильно измѣненная государемъ [4]), почти дословно схожа съ редакціею Гюйссена [5]).

Значеніе Гюйссена выростетъ еще болѣе, если мы вспомнимъ, что сочиненіе его богато свѣдѣніями, происхожденіе которыхъ несомнѣнно офиціальное или свидѣтельства личныя,—свѣдѣніями, къ тому же большею частью опущенными въ Поденной запискѣ. Таково, напримѣръ, описаніе Стрѣлецкаго бунта 1698 [6]), очеркъ шведско-

---

и тогда же изъ Маріенвердера въ Митаву), *Тум.*, VIII, 145—146 и П. Зап., I, 242 (манифестъ Августа II отъ 8-го августа 1709 г.), *Тум.*, VIII, 317—327 и П. Зап., I, 323—324 (перечень захваченнаго при взятіи Ревеля).

[1]) Такія же подробности можно отмѣтить и въ „Исторіи“ Ѳеофана Прокоповича; напримѣръ, въ перечнѣ военныхъ снарядовъ, захваченныхъ русскими въ Шлиссельбургѣ и Нарвѣ (Под. Зап., I, 62—63, 98—99 и Исторія, стр. 53 слѣд., 95 слѣд.).

[2]) Напримѣръ, данныя изъ Марсовой книги, *Тум.*, III, 312—315, сравн. П. Зап.. I, 63—64; взглядъ Петра на казенныя деньги и 27-е апрѣля 1703, *Тум.*, III, 331—332, сравн. П. Зап., I, 68; слова государя по поводу измѣны Мазепы, *Тум.*, VIII, 17 (П. Зап., I, 199); о 9—22 апрѣлѣ 1709, *Тум.*, VIII, 46 (П. Зап., I, 203); о 7—19 маѣ 1709, *Тум.*, VIII, 48 (П. Зап., I, 204); о 1-мъ іюнѣ 1709, *Тум.*, VIII, 85 (П. Зап., I, 209).

[3]) Объ участіи Алексѣя въ осадѣ Нотебурга, *Тум.*, III, 302 (П. Зап., I, 56); о пребываніи царевича въ 1709 г. за границей, *Тум.*, VIII, 177 (П. Зап.,I, 251).

[4]) *Устряловъ*, I, стр. XXXVIII, 319—322.

[5]) *Туманскій*, VIII, 105.

[6]) III, 103—112.

русскихъ отношеній, предшествовавшихъ войнѣ 1700 года [1]), перечень обидъ, послужившихъ къ начатію войны [2]), о казакахъ польскихъ [3]), въѣздъ царя въ Москву 11-го ноября 1703 и послѣдовавшія за тѣмъ торжества [4]), описаніе гроба, въ которомъ будто бы былъ похороненъ Овидій [5]), о лапонцѣ [6]), описаніе Воронежа 1709 года [7]), о Мазепѣ и его козняхъ [8]), просьба генералитета къ Петру передъ Полтавской битвой и отвѣтъ царя [9]), отношеніе къ Карлу XII и забота о немъ послѣ Полтавы [10]), отношеніе царя къ полтавскимъ плѣннымъ, празднованіе Полтавской побѣды въ Москвѣ, стихи въ честь побѣдителей и пр. [11]), празднованіе Полтавской побѣды за-границей [12]), наконецъ, оскорбленіе посла Матвѣева въ Лондонѣ, пріемъ Уитворта царемъ и возникшая по этому поводу переписка между дворами русскимъ и англійскимъ [13]).

Помимо всего въ „Журналѣ“ барона Гюйссена не мало документовъ чисто оффиціальнаго характера. Таковы разныя дипломатическія ноты первыхъ лѣтъ войны [14]), письма Паткуля къ царю [15]), письмо кн. Д. М. Голицына [16]), универсалъ къ казакамъ [17]), указъ 3-го февраля 1709 года [18]), рядъ оффиціальныхъ донесеній 1709 года [19]), указъ 26-го мая 1709 года [20]) собственноручное письмо царя къ сыну о побѣдѣ Полтавской [21]), донесеніе П. А. Толстаго изъ Константино-

---

[1]) *Туманскій*, III, 122—185.
[2]) III, 185—192.
[3]) III, 350—361.
[4]) III, 369—375.
[5]) VIII, 40—41.
[6]) VIII, 42—43.
[7]) VIII, 45—46.
[8]) VIII, 69—71.
[9]) VIII. 93—94.
[10]) VIII, 115—117.
[11]) VIII, 117—134.
[12]) VIII, 165—174.
[13]) VIII, 205—224.
[14]) III, 240—245, 253—262.
[15]) III, 470—475, 478—484.
[16]) III, 484—488.
[17]) VIII, 11—16.
[18]) VIII, 17—30.
[19]) VIII, 57—68.
[20]) VIII, 71—84.
[21]) VIII, 96—97.

поля отъ 7-го января 1710 года въ письмѣ къ графу Г. И. Головкину [1]) и реляція князя В. Л. Долгорукаго изъ Данін отъ 17-го января того же года [2]), офиціальное объявленіе Б. П. Шереметева 15-го мая 1710 года подъ Ригою [3]), переписка Шереметева съ комендантомъ Риги [4]), рѣчь рижскаго дворянства къ Шереметеву [5]) и грамота царя къ султану отъ 17-го іюля 1710 г. [6]).

Нельзя не отмѣтить, какъ Журналъ Гюйссена отражаетъ на себѣ вполнѣ состояніе исторіографіи своего времени. Цѣнность содерж ан пе исключаетъ самыхъ неумѣлыхъ пріемовъ построенія. Какъ механ и чески сшивалъ авторъ бывшіе въ рукахъ его документы, какъ далекъ былъ онъ отъ какой-либо системы и порядка, можно судить хотя бы по тому, что, разказавъ осаду Нарвы [7]), онъ тотчасъ же возвращается къ изложенной темѣ и на той же страницѣ повторяетъ азказъ объ этой осадѣ, въ нѣсколько только переиначенной редакціи [8]).

Дальнѣйшее сравненіе обоихъ трудовъ—Журнала Гюйссена и Поденной записки Петра—показываетъ, что послѣдняя имѣла въ виду дать свѣдѣнія только о дѣйствіяхъ царя или, самое большее, о дѣйствіяхъ его арміи и ближайшихъ сотрудниковъ; сочиненіе же болѣе раннее задалось болѣе широкою программою, пытаясь создать исторію времени (хотя бы чисто внѣшнюю);—вотъ почему Гюйссенъ говоритъ не объ однихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но и о многомъ другомъ, что такъ или иначе имѣло отношеніе къ войнѣ. Поэтому и источникомъ для него служатъ не однѣ офиціальныя вѣдомости, а и такія монографіи, какъ сочиненія Пуффендорфа [9]), Локценія [10]), или же: Шведскій Штатъ [11]), Шведское Зерцало [12]) книга Маккавеевъ [13]) и друг. Закончимъ свои замѣчанія указаніемъ на фактъ, наглядно подтверж

---

[1]) *Туманскій*, VIII, 224—227.
[2]) VIII, 227—229.
[3]) VIII, 250—252.
[4]) VIII, 276—280.
[5]) VIII, 282—285.
[6]) VIII, 303—309.
[7]) III, 434—449.
[8]) III, 449 слѣд.
[9]) III, 146, 150, 154, 270.
[10]) III, 128, 132, 134, 137, 147.
[11]) III, 147.
[12]) III, 147.
[13]) III, 373.

дающій, что въ общемъ такіе труды, какъ Гюйссена, Ѳеофана Прокоповича, Шафирова преслѣдовали сходную цѣль и питались одинаковыми источниками. Обиды, послужившія для Россіи поводомъ начать войну, перечислены у Гюйссена очень обстоятельно [1]). Тѣ же обиды, въ томъ же порядкѣ, въ тѣхъ же выраженіяхъ, только короче и съ пропускомъ несущественныхъ деталей, указаны въ „Исторіи Петра Великаго до Полтавской битвы“ [2]). Въ „Разсужденіи“ Шафирова [3]) разказъ объ этихъ обидахъ, правда, переданъ иначе, въ иномъ, пожалуй, духѣ; но сходныхъ чертъ сохранилось все-таки очень много.

Всѣ разсмотрѣнныя до сихъ поръ сочиненія одолжены своимъ происхожденіемъ иниціативѣ Петра; но эпоха преобразованій оставила потомству еще одинъ трудъ, явившійся помимо участія Русскаго государя. Хотя это сочиненіе и имѣло въ виду исторію собственно Россіи съ древнѣйшихъ временъ, но заключительныя страницы посвятило обзору царствованія Петра Великаго, доведя разказъ до 1712 г. Мы говоримъ о „Ядрѣ исторіи россійской ко угожденію проискательныхъ“, написанномъ Манкіевымъ и долгое врема приписывавшемся князю Хилкову [4]). Авторъ, находясь въ шведскомъ плѣну, по личному желанію принялся за свою книгу. Событія современнаго ему царствованія, какъ и слѣдовало ожидать, изложены очень кратко [5]). Плѣнъ, отсутствіе подъ рукою необходимыхъ матеріаловъ неблагопріятно отозвались на достоинствѣ работы, чего не отрицалъ и самъ составитель. „Во истинѣ“,—такъ заканчиваетъ Манкіевъ свою книгу—„по преславнымъ и всему свѣту удивительнымъ дѣламъ его величества, какъ въ гражданскомъ управленіи, такъ и въ многотрудныхъ войнахъ, и надъ непріятелями побѣдахъ, похвальныхъ въ старинѣ Навуходоносоровъ вавилонскихъ, Кировъ перскихъ, Александровъ Великихъ македонскихъ, Улиссовъ греческихъ и славныхъ ихъ дѣлъ превосходитъ, почему бы и исторію о семъ государѣ подробно изслѣдовать и по достоинству описать надлежало; но меня отъ того по сіе время удержало, что, будучи въ Швеціи въ плѣну подъ жесто-

---

[1]) *Туманскій*, III, 185—192.

[2]) Стр. 19—21 по изд. 1773 г.

[3]) Стр. 23—35 по изд. 1717 г.

[4]) Ядро россійской исторіи. М. 1770. (Были еще изданія 1784, 1791 и 1792 гг.). Подробный заголовокъ, приведенный въ текстѣ, взятъ у *Востокова*, Описаніе Румянцовскаго Музея, 391.

[5]) Ядро, 369—384, о 1682—1712 годахъ.

кимъ арестомъ, едва вышеписанное къ объявленію сыскать могъ, а больше извѣстій и записокъ не имѣя, нахожуся перо покинуть и прочее для описанія преславнаго нашего монарха безсмертныхъ дѣлъ другимъ оставить“ [1]).

Мы видѣли, что Екатерина I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, поручила Шафирову написать исторію царствованія Петра Великаго. Шафировъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, ничего не сдѣлалъ [2]). За то весьма возможно, по замѣчанію Соловьева, „что возбужденіе вопросовъ о событіяхъ во время малолѣтства Петра заставило старика Матвѣева написать извѣстныя записки объ этомъ времени“ [3]). Тогда же думали напечатать и первую часть Поденной записки, приготовили ее къ печати, но почему-то намѣреніе не было выполнено [4]). Единственное, что̀ было предложено въ ту пору читающей публикѣ, это „Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго императора Всероссійскаго“, сочиненная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ [5]),— очень простое, наглядное описаніе послѣднихъ дней и минутъ Петра, а также церемоніи погребенія императора и дочери его Наталіи Петровны, однако не болѣе. Въ этомъ свидѣтельствѣ очевидца найдутся, впрочемъ, нѣкоторыя черты, которыя историкъ не упуститъ изъ вида.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что завершившагося царствованія, Нартовъ, главный токарь и механикъ Петра, въ продолженіе многихъ лѣтъ видавшій покойнаго царя въ повседневной обстановкѣ, спѣшитъ составить и оканчиваетъ къ 1727 году „Досто-

---

[1]) Ядро, 384.

[2]) *Устряловъ*, I, стр. XXXVIII—XXXIX. Запросы Шафирова тамъ же, въ приложеніи № III; у *Соловьева* же, XVIII, 314—316, они приведены не съ такою полнотой.

[3]) *Соловьевъ*, XVIII, 316.

[4]) *Щербатовъ*, въ предисловіи къ Поденной запискѣ.

[5]) С.-Пб. 1725; М. 1736. С.-Пб. 1819 (по этому изданію мы цитуемъ), перепечатано „изъ *Журнала древней и новой словесности*“, и С.-Пб. 1831. Кромѣ того, по указанію митр. Евгенія (Словарь писателей духовн. чина, изд. 1827, II, 308), повѣсть переведена была самимъ авторомъ на латинскій языкъ и вмѣстѣ съ надгробными словами издана въ 1726 г. въ Ревелѣ, подъ названіемъ: Lacrimae Roxolanae; въ томъ же году вышло въ Гамбургѣ два изданія на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, а въ 1743 г. архимандритъ Давидъ Нащинскій снова напечаталъ ее въ ряду другихъ сочиненій Ѳеофана на латинскомъ языкѣ.

памятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго“ [1]), какъ благоговѣйную дань великому человѣку. Съ большимъ тщаніемъ записываетъ Нартовъ все, что̀ только слышалъ лично или черезъ другихъ о царѣ, не пропуская ни крупнаго, ни мелочей; и нужно отдать ему справедливость: его записки, хотя и въ формѣ анекдотической, очень живо рисуютъ намъ личность преобразователя.

Подлѣ Нартова по времени можно поставить другаго современника великой эпохи, новгородскаго дворянина Крекшина. Въ теченіе многихъ лѣтъ съ восторженнымъ чувствомъ собираетъ онъ разныя свѣдѣнія, письменныя и устныя; допущенный въ архивы императрицею Елизаветой, усиленно роется въ нихъ, но изъ всей его работы [2]) выходитъ трудъ, гдѣ истинное перемѣшано со сказочнымъ [3]). Хотя сочиненіе его и было задумано иначе, чѣмъ „Повѣствованія“ Нартова, имѣло въ виду дать не отрывочныя свѣдѣнія, а полную и связную исторію царствованія, но какъ мало былъ подготовленъ Крекшинъ къ выполненію этой задачи, видно изъ его признанія, что онъ не исторію пишетъ, а прославляетъ богоподобныя дѣла своего героя. Человѣкъ, считавшій себя недостойнымъ „отрѣшить“ ремень отъ сапога Петра, конечно, не могъ иначе и отнестись къ нему. Критики исторической здѣсь не могло быть и мѣста. Если Устряловъ, можетъ быть, не совсѣмъ правъ, утверждая, что Крекшинъ намѣренно выдумывалъ факты и положенія, только бы рельефнѣе представить своего героя,—очевидно, не понимая молитвеннаго настроенія автора, равно какъ и состоянія тогдашней критики и вообще исторической науки въ XVIII вѣкѣ,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что факты достовѣрные повсюду смѣшаны у Крекшина съ легендами, и послѣднія передаются, какъ истинныя событія. Понятно поэтому, что трудъ его изъ разряда историческихъ матеріаловъ въ значительной степени приближается къ тому отдѣлу, мѣсто которому въ исторіографіи.

Отсутствіе критики и выработанныхъ пріемовъ, трудность для читателя опредѣлить происхожденіе того или другаго свѣдѣнія привело къ тому, что и до сихъ поръ представленіе о работахъ Крекшина во всемъ ихъ объемѣ остается далеко не яснымъ. Если исключить

---

[1]) *Сынъ Отечества* 1819, №№ 54—58, и *Москвитянинъ* 1842, №№ 4, 6, 7, 8, 11.

[2]) *Сахаровъ*, Записки русск. людей, предисловіе къ запискамъ Крекшина. *Устряловъ*, I, стр. XL—XLIII.

[3]) Крекшинъ собралъ до 45 томовъ разныхъ записокъ, изъ которыхъ 27 составляли „Журналъ Петра Великаго, который онъ велъ даже до мелочей, еще при жизни государя сего“ (Митр. *Евгеній*, Словарь русск. писател., I, 317).

„Историческое извѣстіе о рожденіи Петра Великаго и описаніе жизни и дѣлъ сего великаго монарха, отъ рожденія до погребенія“, оставшееся, по заявленію Сахарова [1]), не напечатаннымъ, то изъ всего собранія Крекшина появилось въ свѣтъ собственно два сочиненія. Первое изъ нихъ, „Краткое описаніе дѣлъ Петра Великаго, представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ“ [2]), слѣдуетъ довольно распространенной манерѣ XVIII вѣка рисовать событія путемъ разговора людей, уже сошедшихъ съ историческаго поприща. Содержаніе же этой книги есть, дѣйствительно, краткій обзоръ царствованія Петра; точка зрѣнія не противорѣчитъ только что сдѣланной характеристикѣ Крекшина, какъ историка.

Болѣе извѣстенъ другой его трудъ, который обыкновенно и связываютъ съ его именемъ, это—„Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ великаго государя императора Петра Великаго, самодержца Всероссійскаго, собранное чрезъ недостойный трудъ послѣднѣйшаго раба, Крекшина, дворянина великаго Новгорода“ [3]). Окружая личность Преобразователя свѣтлымъ ореоломъ, возводя сложившіяся о немъ легенды на степень историческаго факта, пріобрѣтя вслѣдствіе того чрезвычайную популярность и будучи распространено во множествѣ списковъ, „Описаніе“ однако не дошло до насъ въ полномъ видѣ [4]). Начало его вплоть до событій 1696 года напечаталъ Сахаровъ, затѣмъ Библіотека для Чтенія издала одинъ отрывокъ о 1709 годѣ [5]), и только. Правда, еще въ прошломъ столѣтіи Крекшина начали печатать, но только начальныя страницы его обширнаго труда, да и то не зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло [6]). Такъ и до сихъ поръ неуто-

---

[1]) *Сахаровъ*, предисловіе, стр. (не нум.) 3. Срав. также митр. *Евгеній*, Словарь свѣтск. писателей, I, 316—317.

[2]) Краткое описаніе славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ императора Петра Великаго, его знаменитыхъ побѣдъ и путешествій въ разныя европейскія государства, со многими важными и любопытства достойными происшествіями, представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ, ген.-фельдмаршала и кавалера россійск. и мальтійскаго орденовъ гр. Б. П. Шереметева, боярина Ѳ. А. Головина, боярина Шеина и самого сего великаго императора съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, съ Шведскимъ королемъ Карломъ XII, Израильскимъ царемъ Соломономъ и Греческимъ царемъ Александромъ. С.-Пб. 1788. 8°. 104 стр. Изданіе третье: М. 1794. 8°. 169 стр. Изданіе четвертое: М. 1808. 8°. 169 стр.

[3]) *Устряловъ*, I, стр. XLII. *Сахаровъ*, стр. 1.

[4]) *Устряловъ*, I, стр. XLII, примѣч. 25.

[5]) Годъ изъ царствованія Петра Великаго. 1709. (Изъ записокъ Крекшина). *Библ. для Чтенія* 1849, т. 97-й, стр. 35—102.

[6]) См. ниже.

мимый поклонникъ великаго императора ждетъ еще надлежащей оцѣнки и болѣе внимательнаго изданія.

Начиналась вторая половина XVIII вѣка, а русская исторіографія о Петрѣ Великомъ не занесла, можно сказать, еще ничего на свои страницы. Да и могло ли быть иначе? Время восторженныхъ похвалъ, какъ и время страстныхъ филиппикъ, одинаково неудобно для объективной исторіи. Прошлое думали увѣковѣчить пышными дифирамбами и въ то же время спокойно смотрѣли, какъ гнили драгоцѣнные документы, непосредственно относившіеся къ предмету этихъ дифирамбовъ. Кабинетный архивъ государя, куда были собраны разныя исторіи, писанныя о Петрѣ еще при его жизни, а также разныя бумаги, былъ опечатанъ по смерти императора, „но безъ всякаго призрѣнія, въ безпорядкѣ“. Такъ онъ и оставался надолго заброшеннымъ; ко времени же Екатерины II много бумагъ оказались совершенно испорченными отъ сырости [1]). Сохранилось любопытное показаніе Крекшина о томъ по истинѣ ужасномъ состояніи, въ какомъ находились бумаги Петровскаго царствованія черезъ какія-нибудь 25 лѣтъ послѣ смерти государя [2]). Знакомство съ архивомъ было таково, что даже Академія Наукъ, собиравшаяся тоже писать исторію Петра Великаго, должна была очень цѣнить случай, доставившій ей возможность узнать въ 1740 году о существованіи журнала „о баталіяхъ и всѣхъ воинскихъ дѣйствіяхъ“ императора и спѣшно хлопотала о полученіи таковаго [3]). Однимъ словомъ, нечего было и думать о сколько-нибудь серьезной попыткѣ нарисовать исторію еще недавняго царствованія. Собственныхъ силъ не хватало, такъ что рѣшились было прибѣгнуть къ содѣйствію Вольтера. Но сочиненіе знаменитаго писателя вышло на иностранномъ языкѣ [4]); такимъ образомъ литературѣ отечественной приходилось дожидаться новой поры, наступившей съ воцаренія Екатерины II. Ждать впрочемъ оставалось не долго.

Подобно тому какъ оцѣнка личности царственнаго реформатора въ Екатерининскій вѣкъ становится, сравнительно съ предшествующими десятилѣтіями, болѣе разностороннею, глубокою и содержа-

---

[1]) Предисловіе къ Исторіи Петра Великаго, *Θеофана Прокоповича*.

[2]) *Русск. Архивъ* 1873, № 5, 776—779.

[3]) Матеріалы для исторіи Акад. Наукъ, IV, 390—391.

[4]) Histoire de Russie sous Pierre le Grand. 2 vls. Первое изданіе (sine loco въ 1759—1763.

тельною, такъ и исторіографія о Петрѣ значительно двигается впередъ, оставляя позади себя все появившееся въ 1725—1762 годахъ. Публикуются документы: свидѣтельства современниковъ, воспоминанія, письма, офиціальные бумаги; составляются полныя исторіи царствованія; описываются отдѣльные эпохи и эпизоды въ жизни государя; наконецъ, появляются историческія сочиненія разнообразнаго содержанія, имѣющія предметомъ изученіе отдѣльныхъ событій и лицъ эпохи преобразованія. На всей этой литературѣ лежитъ однородный отпечатокъ глубокаго уваженія къ Петру Великому и желанія произвести надлежащую оцѣнку царя, желанія, ясно вытекающаго изъ пробудившагося сознанія, что дѣятельность великаго Русскаго государя успѣла отойдти въ область прошлаго и дала результаты въ формѣ вполнѣ осязательной.

Въ ряду изданій, посвященныхъ обнародованію матеріаловъ, первое, конечно, мѣсто долженъ занять десятитомный сборникъ Туманскаго [1]). Издатель, видимо, не держался какой-либо системы, помѣщая все, что только удавалось собрать; тѣмъ не менѣе сборникъ его вышелъ очень богатъ содержаніемъ. За исключеніемъ весьма немногаго [2]), онъ весь посвященъ эпохѣ Петра Великаго. Здѣсь помѣщены записки Матвѣева (чч. I, IV), Медвѣдева (V, VI), Желябужскаго (VII), Крекшина (I), Журналъ Гюйссена (вся III и VIII чч.), письма Петра Апраксину (V), рескрипты Крюйсу и другимъ лицамъ морскаго вѣдомства (вся IX-я часть), разныя мелкія грамоты и указы и проч. (II, V), грамоты иностранныхъ державъ къ русскому двору (IV, X), текстъ договора 1686 года съ Польшею (X), Правда воли монаршей (X), рядъ статей (преимущественно академика Миллера) о молодости Петра Великаго (V, VII) [3]), статья Сумарокова о майскомъ бунтѣ стрѣльцовъ (IV) и переводъ двухъ сочиненій Крелля (I).

Какъ мало подготовленъ былъ Туманскій къ обязанностямъ издателя историческихъ документовъ, можно судить хотя бы по слѣдую-

---

[1]) Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго. Изданное трудами и иждивеніемъ *Ѳеодора Туманскаго*. 10 частей. С.-Пб. 1787—1788. Нѣкоторыя указанія о ходѣ изданія см. у *Державина*, Сочиненія, изд. Акад Н., V, 574, 602, 660.

[2]) „Избраніе Михаила Ѳеодоровича“ въ V-мъ томѣ.

[3]) Статьи эти (см. ихъ перечень ниже) перепечатаны изъ *Опыта трудовъ вол. росс. собранія*, кромѣ небольшой замѣтки Миллера: „Поправленіе къ исторіи о воспитаніи Петра Великаго“ (*Тум.*, V, 143—150), которая появилась здѣсь впервые.

щему примѣру: напечатавъ въ первомъ томѣ (стр. 111—229) полныя записки Матвѣева (безъ имени автора), онъ, очевидно, по другому списку, печатаетъ два отрывка этихъ же записокъ, но уже съ именемъ автора въ шестомъ томѣ (стр. 8—54. 86—97). Или, напримѣръ, записки Медвѣдева раздроблены на множество мелкихъ кусочковъ и въ такомъ видѣ разбросаны на всемъ пространствѣ пятаго и шестаго томовъ, гдѣ съ указаніемъ на автора, гдѣ безъ этого указанія, при чемъ многое такъ введено въ текстъ, что не знаешь: слова ли это издателя или автора [1]).

Раньше еще „Собранія“ Туманскаго сталъ выходить Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія [2]), помѣстившій нѣсколько изслѣдованій Г. Ф. Миллера, одно время остановившагося было на изученіи первыхъ лѣтъ жизни Петра Великаго. Это были: „Рожденіе Петра“ (V,119—105), „Воспитаніе Петра“ (V, 106—118), „Первое воцареніе Петра“ (V, 11—157), „О вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ“ (обоихъ братьевъ) (IV, 1—106) и „Извѣстіе о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ“ (IV, 107—144), съ прибавленіемъ къ послѣдней статьѣ „о журналѣ генерала Гордона“ [3]). Кромѣ того, въ Опытъ же И. А. Навроцкій сообщилъ „Дворцовую записку по случаю рожденія Петра“ (V, 158—184) [4]), а преосвященный Антоній прислалъ „Лѣтописецъ Двинской“, доведенный до 1705 года (I, 113—195).

Еще болѣе матеріала встрѣчаемъ мы въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ [5]). Трудно было бы перечислить всѣ ея статьи, имѣющія право быть занесенными въ отдѣлъ Петровской исторіографіи, тѣмъ болѣе, что если изданіе и говоритъ о XVIII вѣкѣ, то мимоходомъ [6]), сосредоточивая все свое вниманіе, въ обзорѣ Петровскаго

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ статьѣ нашей: „О запискахъ Сильвестра Медвѣдева“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 4.

[2]) При Московскомъ университетѣ. Москва 1774—1783. 6 частей.

[3]) Кромѣ первой („Рожденіе“) и прибавленія о Гордонѣ, статьи эти были по свидѣтельству Пекарскаго (Ист. Ак. Наукъ, I, 416—417), тогда же переведены въ *St. Petersburgische Journal.*

[4]) Всѣ эти статьи Миллера (кромѣ замѣтки о Гордонѣ) и Навроцкаго перепечатаны были Туманскимъ въ V и VII чч. его „Собранія“.

[5]) М. 1788—1791. 20 томовъ (2-е изданіе).

[6]) Письмо Петра Зотову, 1710 г. о пожалованіи его въ графы и жалованная грамота на это званіе (IX, 476—484); указъ о неперекрещиваніи лютеранъ и кальвинистовъ, 1719 г. (XI, 199—202); „объявленіе“ о состязаніи еп. Питирима съ раскольниками, 1719 г. (XV, 405—438); уставъ благовѣста къ церковному

времени—главнымъ образомъ на концѣ XVII столѣтія, то-есть, на томъ періодѣ, гдѣ часто такъ трудно и даже не возможно отдѣлить, что̀ должно быть отнесено къ царствованію Петра и что̀ къ предшествующимъ годамъ. Оставляя поэтому въ сторонѣ статьи подобнаго рода, укажемъ на такія, которыя безусловно имѣютъ соприкосновеніе съ 1682—1725 гг.

Изъ статей, связанныхъ непосредственно съ личностью Петра Великаго, можно назвать перепечатку двухъ работъ Миллера изъ Опыта трудовъ вольнаго собранія [1]), краткое описаніе свадьбы царя Алексѣя и Натальи Кириловны [2]), данныя по избранію Петра на царство [3]), церемоніи „походовъ“ государевыхъ 1679—1687 гг. [4]), переписку царя съ патріархомъ Адріаномъ [5]) и обряды, совершенные при рожденіи, крещеніи, бракѣ и погребеніи лицъ царской семьи въ 1668—1692 гг. [6]). Кромѣ того Вивліоѳика помѣстила журналы путешествій Избрандеса въ Китай [7]) и Б. П. Шереметева въ западную Европу въ 1697 году [8]). Внутренняя жизнь Русскаго государства рисуется въ Вивліоѳикѣ такими статьями, какъ Двинской лѣтописецъ [9]), послужной списокъ чиновъ администраціи въ 1682 г. [10]), челобитная Извольскаго [11]), жалованныя грамоты Лефорту и Шеину за Азовскій походъ [12]), указъ по дѣлу Соковнина и Цыклера [13]), гра-

---

пѣнію, 1722 года (XI, 197—199); описаніе брака Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ, 1725 г. (XIII, 235—247).

[1]) „Первое воцареніе Петра Великаго“ (VII, 372—402) и „О вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ“, 25-го іюня 1682 г. (VII, 403—484).

[2]) XIII, 233—234.

[3]) XI, 180—181; XV, 283—306. Послѣдній документъ въ болѣе обширной редакціи напечатанъ у *Соловьева*, XIII (изд. 3-е), стр. 395—409.

[4]) XI, 176—179.

[5]) Два письма Адріана 13-го августа и 15-го октября 1697 г. и два письма царя 10-го и 31-го сентября того же года (XV, 368—373). Еще раньше Новиковъ опубликовалъ ихъ въ *Повѣствователѣ древностей россійскихъ*, стр. 61—66; но ко времени выхода XV-го тома *Вивліоѳики* эти письма, въ составѣ другихъ, успѣли войдти еще въ третье изданіе: Письма Петра Великаго брату Іоанну и патр. Адріану. С.-Пб. 1788 (см. ниже).

[6]) XI, 182—189, 192—197, 202—218; XIV, 65—122.

[7]) VIII, 360—475; IX, 287—462.

[8]) V, 252—432.

[9]) XVIII, 50—71. Перепечатка изъ *Опыта трудовъ вол. росс. собранія.*

[10]) XX, 421—442.

[11]) XVI, 394—396.

[12]) XV, 341—354.

[13]) XV, 354—367.

мота и наказъ (1696) кн. Ѳ. Л. Волконскому [1]) и переписныя книги 1700 и 1703 годовъ [2]). Нагробныя надписи помогаютъ опредѣленію родословныхъ и служебныхъ отношеній [3]). Такое же значеніе имѣетъ и синодикъ 1684 года [4]). Записи же о круговомъ оборотѣ праздничныхъ богослуженій, совершавшихся въ Успенскомъ соборѣ съ 1668 года, позволяютъ иногда прослѣдить факты изъ жизни лицъ царской семьи, обыкновенно не отмѣченные въ другихъ памятникахъ [5]).

Для исторіи церкви Вивліоѳика предлагаетъ читателю нѣкоторыя грамоты [6]), свѣдѣнія объ обрядахъ и „чинахъ", совершаемыхъ въ разное время патріархами [7]), челобитную Палладія Роговскаго 1699 года [8]) и т. п. [9]). Культурная жизнь русскаго общества конца XVII вѣка намѣчалась всего двумя, тремя статейками [10]); такъ же скудны были свѣдѣнія и о внѣшней политикѣ [11]); за то болѣе дано для исторіи Крымскихъ походовъ [12]).

Къ числу отдѣльно изданныхъ матеріаловъ за вторую половину XVIII столѣтія можно назвать Книгу Марсову [13]), Поденную За-

---

[1]) XI, 422—448.

[2]) XVI, 368—372. Ранѣе были напечатаны въ *Повѣствователѣ древностей россійскихъ*, стр. 47—50.

[3]) XI, 248—241; XVI, 311—326; XVIII, 200—201; XIX, 293—358, 367—407.

[4]) VI, 420—506.

[5]) Весь X томъ; XI, 1—160.

[6]) Грамота патр. Іоакима (XVIII, 121—127), Адріана (XVIII, 128—142) и его же инструкція (XV, 373—405).

[7]) VI, VIII, passim; XVI, 308—311.

[8]) XVIII, 148—198.

[9]) Освященіе церквей (XI, 269—273); чинъ погребенія Іоакима и избранія Адріана (XI, 367—368); слово благодарственное Іоакима по поводу событій 5-го іюля 1682 года (XV, 241—282).

[10]) Исторія Заиконоспасской школы, составл. *Ѳ. Поликарповымъ* (XVI, 295—306); уставъ школы и стихи *Сильвестра Медвѣдева*, обращенныя къ цар. Софіи (VI, 390—420); текстъ комедій, полностію или въ конспектѣ (VI, 363—390; VIII, 34—60, 158—169, 187—329; IX, 462—476).

[11]) Польскія дѣла въ указѣ 29-го іюля 1686 г. думному дьяку В. Г. Семенову (XV, 336—340); шведскія—въ запискѣ о формахъ пріема пословъ въ 1683 г. (VIII, 169—187); о царѣ Арчилѣ (XV, 306—326; XVIII, 93).

[12]) Нѣсколько указовъ 1686—1687 гг. (XVI, 372—410); церемоніи и т. п., имѣвшія мѣсто въ Москвѣ (XI, 163—176).

[13]) Книга Марсова или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества россійскихъ во взятіи преславныхъ фортецій и на разныхъ мѣстахъ храбрыхъ

писку Петра Великаго [1]), Походъ Шеина къ Азову [2]), Тетрати записныя 1704 — 1706 годовъ [3]), Исторію о невинномъ заточеніи Матвѣева [4]), Записную книжку 1697 — 1698 годовъ неиз-

---

баталій учиненныхъ надъ войски его королевскаго величества свѣйскаго. Съ перваго Санктпетербургскаго 1713 года изданія вторымъ тисненіемъ напечатанная. С.-Пб. 1766. 4°. 193 стр. + 23 листа плановъ.

[1]) Журналъ или Поденная Записка, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго съ 1698 года, даже до заключенія Нейштатскаго мира. Напечатанъ съ обрѣтающихся въ кабинетной архивѣ списковъ, правленныхъ собственною рукою его императорскаго величества. Часть первая. С.-Пб. 1770 г. V (нен.) + 460 стр. Часть вторая. С.-Пб. 1772 г. 763 стр. in 4°. Изданъ кн. М. М. Щербатовымъ. Страницы 193 — 763 второй части состоятъ изъ приложеній, документовъ, относящихся преимущественно къ внѣшней политикѣ. Тогда же поденная записка переведена была Бакмейстеромъ на нѣмецкій языкъ въ Beyträge zur Geschichte Peters des Grossen, Bände I, II u. III. Riga. 1774—1784 (подробнѣе см. у *Мищлова*, Pierre le Grand, 202—204). Давая отчетъ о первомъ томѣ, Бакмейстеръ (*Russische Bibliothek*, III, 272 — 283) сопоставляетъ русскій текстъ записки съ различными ея переводами на французскій и нѣмецкій языки. Въ числѣ этихъ переводовъ (о нихъ у *Мищлова*, ibidem, 201—202) любопытно стокгольмское изданіе съ дополненіями переводчика (шведскаго офицера), который основывался на шведскихъ источникахъ и могъ исправить нѣкоторыя ошибки подлинника въ правописаніи шведскихъ именъ (*Мищловъ*, Библіографич. отрывки. *Отеч. Записки* 1858 г., т. 118-й (№ 6), стр. 534).

[2]) Походъ боярина и большаго полку воеводы Алексѣя Семеновича Шеина къ Азову, взятіе сего и Лютика города и торжественное оттуды съ побѣдоносным воинствомъ возвращеніе въ Москву, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ военныхъ и торжественныхъ произшествій и съ именнымъ спискомъ бывшихъ при томъ: сухопутныхъ и морскихъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ, вышнихъ и нижнихъ военачальниковъ, числѣ всѣхъ войскъ и учиненнымъ онымъ наградъ. Издалъ въ свѣтъ *Василій Рубанъ*. С.-Пб. 1773. 12°. 226 стр. Оглавленіе довольно полно передаетъ содержаніе книги. Это описаніе похода 1696 г., скорѣе даже сырой, почти не тронутый матеріалъ, извлеченный изъ канцелярій въ видѣ отчетовъ, донесеній, списковъ и т. п.

[3]) Тетрати записныя всякимъ писмамъ и дѣламъ, кому что приказано и въ которомъ числѣ отъ его императорскаго величества Петра Великаго 1704, 1705 и 1706 годовъ съ приложеніемъ примѣчаній о службахъ тѣхъ людей, къ которымъ сей государь писывалъ. С.-Пб. 1774, 4°, XXVIII (нен.) + 271 стр. Изданъ кн. Щербатовымъ. Для указаннаго времени это одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ.

[4]) Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ царю и патріарху, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его за-

вѣстнаго автора [1]), одновременный съ нимъ дневникъ путешествія Б. П. Шереметева [2]), рѣчи Ѳеофана Прокоповича [3]) и впервые изданныя два небольшія сочиненія Посошкова [4]); а также

точенія и о возвращеніи изъ онаго, изданная *Н. Новиковымъ*. М. 1776. 8°. XX (нен.) + 400 стр. Изд. 2-е. М. 1785. 8°. XVI + 440 стр. П. М. Строевъ предпочиталъ первое изданіе второму (*Барсуковъ*, Жизнь и труды Строева, 436 и Протоколы археогр. ком. II, 180).

[1]) Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 1698 году. На изд. П. Б. С.-Пб. 1788. 12°. 50 стр. Авторъ этого любопытнаго дневника и до сихъ поръ не опредѣленъ. Погодинъ, печатая эти записки въ *Моск. Вѣстникѣ* (1830 г., ч. VI), обозначаетъ ихъ, какъ „журналъ веденный однимъ изъ чиновниковъ посольства"; князь Вл. К—въ считаетъ возможнымъ приписать Петру Великому только начало (Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Отеч. Записки* 1846 г., № 8, стр. 126—156); Свиньинъ же, печатая дневникъ въ своемъ журналѣ (*Отеч. Записки* 1830 г., ч. 43, №№ 123, 124), прямо назвалъ его „путевыми записками, веденными самимъ государемъ Петромъ Великимъ". Существуетъ еще одна малоизвѣстная редакція дневника въ *Отеч. Запискахъ* 1848 г., т. LVII, и тоже подъ именемъ „журнала Петра I". Наконецъ, недавно И. Ѳ. Горбуновъ помѣстилъ новый списокъ этого путешествія въ *Русск. Старинѣ* 1879, май, 101—131.

[2]) Записка путешествія ген.-фельдм. всероссійск. войскъ, тайн. сов. и кавалера мальтійскаго, св. апостола Андрея, Бѣлаго орла и прусск. ордена графа *Б. П. Шереметева*, въ тогдашнія времена бывшаго ближняго боярина и намѣстника Вятскаго, въ Европейскія государства въ Краковъ, въ Вѣну, въ Венецію, въ Римъ и на Мальтійскій островъ, изданная по подлинному описанію, находящемуся въ библіотекѣ сына его..... гр. П. Б. Шереметева. М. 1773 г., folio. II + 90 стр. + 6 рисунк. Перепечатано подъ именемъ „Статейнаго списка" въ *Древн. Росс. Вивл.* (2-е изд.), V, 252—432. Кромѣ того, въ *Памятн. дипломат. сношеній*, X, 1581—1698 напечатано „Похожденіе въ Мальтійскій островъ бояр. Б. П. Шеремева", по списку довольно неисправному и лишенному текста грамотъ, находящихся въ предыдущихъ изданіяхъ.

[3]) *Ѳеофана Прокоповича*, архіепископа великаго Новагорода и великихъ Лукъ, святѣйш. правит. синода вице-президента, а потомъ первенствующаго члена Слова и Рѣчи, поучительныя, похвальныя и поздравительныя, собранныя и нѣкоторыя вторымъ тисненіемъ, а другія вновь напечатанныя. 4 части. С.-Пб. 1760—1761 г. 24 слова, произнесенныя Ѳеофаномъ въ царствованіе Петра Великаго, включая сюда и двѣ рѣчи „на погребеніе" и „въ похвалу" преобразователя, занимаютъ весь первый и страницы 1—169 втораго тома настоящаго изданія.

[4]) Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе *Ивана Посошкова*, поданное боярину Ѳ. А. Головину 1701 года; съ присовокупленіемъ отеческаго завѣщательнаго поученія, посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писанное въ 1708 году. Иждивеніемъ *Ѳ. Розанова*. М. 1793. 12°. 123 стр.

сборники „анекдотовъ“ Штелина [1]), Бѣляева [2]) и Голикова [3]).

---

[1]) Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit entrissen von *J. V. Stählin*. Leipzig. 1785. 8°. 22 + 422. На русскій языкъ переведены и перизданы были нѣсколько разъ. — Любопытныя и достопамятныя сказанія объ императорѣ Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1786. XVI + 386 стр. 2-е изданіе въ С.-Пб. 1787. XX + 468 стр. Въ обоихъ изданіяхъ текстъ тожественъ, содержитъ 110 анекдотовъ. — Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные изъ устъ знатныхъ особъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, переведенные *К. Рембовскимъ*. М. 1787. XXII + 592 стр. 2-е изд. М. 1787. XXVI + 592 стр. 3-е изд. М. 1789. XX + 592 стр. Всѣ три изданія тожественны по тексту; послѣднія два даже сходны строка въ строку. Въ каждомъ по 113 анекдотовъ. — Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, слышанные изъ устъ знаменитыхъ особъ...; Нынѣ же вновь переведенные .... съ прибавленіемъ многихъ другихъ на россійскомъ языкѣ неизданныхъ анекдотовъ. Съ присовокупленіемъ гравированныхъ фигуръ. Часть первая. М. 1800 XIX + 304 стр. Часть вторая. М. 1793 (sic), 259 + IV стр. Всего 143 анекдота. „Новый“ переводъ этотъ едва ли не правильнѣе назвать очень близкимъ воспроизведеніемъ перевода Рембовскаго; по крайней мѣрѣ можно указать на страницы почти дословно схожія (ср., напримѣръ, анекдотъ № 26). — Полное собраніе анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, открывающихъ духъ и свойства и изображающихъ отличнѣйшія дѣянія сего неустрашимаго героя .... съ послѣдняго изданія вновь переведенные, съ пріобщеніемъ многихъ новѣйшихъ анекдотовъ, выбранныхъ изъ разныхъ иностранныхъ и россійскихъ писателей. 2 части. М. 1801. XVIII+213+VIII + 248 стр. Всего 176 анекдотовъ. — Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, собранные *Я. Штелинымъ*. 4 части. Второе изданіе, вновь исправленное. М. 1820. XVI + 231 + VI + 191 + VIII + 208 + VII + 214 стр. Въ первыхъ двухъ частяхъ 138 анекдотовъ по тексту они сходны съ изданіемъ 1793 — 1800 гг., содержа въ себѣ только пятью анекдотами меньше. Остальныя двѣ части содержатъ въ себѣ 120 анекдотовъ и носятъ особый заголовокъ: „Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, собранные *Г. Голиковымъ*“.—То же, третье изданіе, вновь исправленное. М. 1830. XVI + 260 + IV + 179 + X + 210 + IV + 214 стр. Анекдотовъ 142 (въ 1-й и 2-й ч.ч.) + 214 (въ 3-й и 4-й ч.ч.). На этотъ разъ всѣ четыре части обозначены, какъ „собранныя“ Я. Штелинымъ (Всѣ изданія анекдотовъ Штелина въ октаву).

[2]) Духъ Петра Великаго, императора Всероссійскаго, и соперника его Карла XII, короля Шведскаго. Издано трудами и иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ унтеръ-библіотекаря *Осипа Бѣляева*. С.-Пб. 1798. 8°. 250 + 57 стр. На первыхъ 250 страницахъ 224 анекдота о Петрѣ, на послѣднихъ — 40 анекдотовъ о Карлѣ.

[3]) Анекдоты, касающіеся до государя императора Петра Великаго, собранные *И. Голиковымъ*. Изданіе 2-е, исправленное, дополненное и умноженное. М. 1798. 8°. XV+535 стр. Какъ заявлено въ предисловіи, это повтореніе изданныхъ въ XVII томѣ „Дополненій къ дѣяніямъ Петра Великаго“, съ прибавкою „не

Анекдоты записанные Ригельманомъ [1]), изданы были позднѣе [2]).

Императрица Екатерина не разъ высказывала желаніе имѣть обстоятельную исторію Петра и принимала живое участіе въ обнародованіи матеріаловъ, касающихся его царствованія. Въ отвѣтъ на присылку Вольтеромъ второй части „Histoire de Russie sous Pierre le Grand“ государыня высказала ему сожалѣніе, что авторъ началъ работать не въ пору ея теперешняго положенія (1763 г.),—иначе она могла бы сообщить ему несравненно лучшіе документы [3]). Тогда же она приказала собрать отовсюду письма государя и собиралась даже печатать ихъ [4]), какъ бы предвосхищая мысль, положенную въ основу указа 1872 года, учреждавшаго коммиссію для изданія „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Впрочемъ это были одни только pia desideria. Изданіе Петровой переписки пока осуществлялось путемъ частной иниціативы. Такъ, въ 1774 году графъ П. Шереметевъ выпускаетъ въ свѣтъ роскошное изданіе писемъ Петра Великаго къ отцу его, Б. П. Шереметеву [5]), вслѣдъ за ними появляются письма самого фельдмаршала къ государю [6]), далѣе выходятъ письма государя къ

малаго числа новыхъ“ (въ Дополненіяхъ 120 анекдотовъ; въ изд. 1798 г.—132) и „многихъ историческихъ соравненій, подобій и разныхъ примѣчаній“.—То же, изданіе 3-е. М. 1807. 8°. XVI + 535 стр. Точное воспроизведеніе изданія 1798 года.

[1]) Андрей Ивановичъ Ригельманъ—авторъ „Малороссійской исторіи“, жилъ въ царствованіе Екатерины II.

[2]) *Москвитянинъ* 1842 г., № 1, стр. 84—89. Всего четыре анекдота.

[3]) Oeuvres complètes de Voltaire. Nouv. édition, t. XLIII (P. 1881), pag. 16.

[4]) Ibidem.

[5]) Письма Петра Великаго, писанныя къ генералъ-фельдмаршалу, тайному совѣтнику . . . . графу Б. П. Шереметеву, по большей части собственною государевою рукою, а иныя съ подлинниковъ, хранящихся въ Импер. Кабинетской архивѣ списанныя, сколько оныхъ нашлось у . . . . гр. П. Б. Шереметева, котораго желаніемъ и стараніемъ оныя нынѣ на свѣтъ изданы, и съ предисловіемъ о происхожденіи и о службахъ предковъ Шереметевыхъ, особливо же о славныхъ дѣлахъ фельдмаршала гр. Б. П. и о потомкахъ его. М. 1774, folio. LXXVIII + 172 стр.+портретъ Б. П. Шереметева Предисловіе составлено *Г. Ф. Миллеромъ*. Въ текстѣ 238 писемъ съ 5-го декабря 1770 по 9-е октября 1718, въ томъ числѣ донесенія Шереметева съ отвѣтными на нихъ резолюціями государя; нѣкоторыя реляціи о битвахъ; „пункты предложенные магистрату города Гданска“ (№ 200) и „Расположеніе въ Украинѣ въ будущую кампанію“ (№ 150), оба за подписью царя; копія съ письма гр. Головкина къ Ильгену (при письмѣ № 203) и т. п.

[6]) Письма къ государю императору Петру Великому отъ генералъ-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева. 4 ч. М. 1778—1779.

С. А. Колычеву [1]), къ Н. А. Синявину [2]), къ брату Іоанну и къ патріарху Адріану [3]). Еще раньше часть послѣднихъ перепечатываетъ Новиковъ въ Повѣствователѣ древностей россійскихъ и Древней Россійской Вивліоѳикѣ [4].

Къ тому же отдѣлу матеріаловъ можно отнести и изданіе медалей, выбитыхъ въ память дѣяній Петра I, напримѣръ, Слава Россіи [5]). Еще въ послѣдніе годы Елизаветы Петровны Штелинъ занятъ былъ составленіемъ медалей на событія изъ эпохи реформы [6]). Въ семидесятыхъ годахъ былъ составленъ даже особый комитетъ или, вѣрнѣе, цѣлыхъ два, для сочиненія медалей. Первый, состоявшій изъ Щербатова, Хераскова и Нартова, выбиралъ темы и составлялъ описанія, какъ къ новымъ, такъ и къ ранѣе выбитымъ медалямъ; второй — изъ Штелина, Девилье и Козлова—проектировалъ самыя медали и наблюдалъ за ихъ рѣзьбою. Событія Петровскаго царствованія были изображены болѣе чѣмъ 120-ю рисунками [7]).

---

[1]) Письма государя императора Петра Великаго къ С. А. Колычеву и отвѣты его на оныя. М. 1785. 12°. II+110 стр. Всего 63 №№; отвѣтовъ Колычева (идутъ съ № 48-го) меньше, чѣмъ царскихъ писемъ. Въ число этихъ №№ входятъ и письма Макарова Колычеву, указы Петра на всю Россію; стр. 10—36 заняты „обстоятельною реляціею“ о Полтавской побѣдѣ и подробнымъ перечнемъ захваченныхъ плѣнныхъ. Переписка обнимаетъ 1708—1719 гг. Краткое предисловіе говоритъ „о службѣ и происхожденіи въ оной С. А. Колычева“.

[2]) Письма и указы его императорскаго величества государя императора Петра Великаго, писанныя къ Н. А. Синявину, продолжавшему службу въ россійскомъ корабельномъ флотѣ, съ начала онаго отъ званія матрозскаго до вицъ-адмиральскаго чина, хранящіеся у сына его флота адмирала и кавалера А. Н. Синявина, коего желаніемъ по высочайшему ея императорскаго величества всемилостивѣйшему благоволенію издаются съ краткимъ описаніемъ службы поко йнаго родителя его. С.-Пб. 1786. 4°. XVIII + 75 + X стр. Содержаніе: послужной списокъ Синявина; 48 писемъ и указовъ Петра съ 27-го іюля 1711 по 22-е декабря 1722; три жалованныхъ грамоты предкамъ Синявиныхъ.

[3]) Письма императора Петра Великаго къ брату своему царю Іоанну А—чу и патріарху Адріану съ отвѣтомъ на оныя и на отзывы боярина и воеводы А. С. Шеина, кн. Б. А. Голицына и боярина и воеводы Б. П. Шереметева. На изд. П. Б. С.-Пб. 1788. 12°. 82 стр. 17 писемъ за 1695—1697 г., сосредоточиваются на Азовскихъ событіяхъ.

[4]) См. выше.

[5]) Слава Россіи или собраніе медалей дѣлъ Петра Великаго и еще нѣкоторые 1770 г. іюня 4-го дня. 8°. 21 листъ рисунковъ и гравированный портретъ Петра.

[6]) *Пекарскій*, Истор. Акад. Наукъ, I, 565—566.

[7]) Нѣчто о комитетахъ, составленныхъ въ 1772 г. для сочиненія медалей. *Отеч. Записки* 1821, ч. VII, № 16, августъ, 180—191. Сравн. *Лонгиновъ*, Рус-

Параллельно публикуемымъ матеріаламъ ростетъ и литература, на нихъ основанная. Сочиняются и переводятся полныя исторіи Петрова царствованія. Въ ряду иностранныхъ произведеній, появившихся на русскомъ языкѣ, довольно удовлетворительною для своего времени была книга Алеца, переведенная Вас. Вроблевскимъ [1]). Ее слѣдуетъ отнести къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя въ наше время имѣли бы значеніе краткаго популярнаго разказа для юношества или народнаго чтенія. Но въ ту пору подобный трудъ имѣлъ право претендовать на нѣчто большее. Содержаніе, разумѣется, сосредоточивается преимущественно на внѣшней исторіи Петра (дѣтство, Азовъ, заграничныя поѣздки 1697—1698 и 1716—1717 годовъ, Шведская война, Полтава, Прутъ); „реформы“ только перечислены и притомъ такъ, что распоряженіе объ уличныхъ фонаряхъ передано на ряду съ таковымъ же объ учрежденіи синода и т. п. Но положительная сторона книжечки Алеца — толковое и ясное изложеніе, умѣнье разсортировать матеріалъ, остановиться на дѣйствительно крупныхъ чертахъ, простой, хорошій слогъ. Отсутствіе прагматизма, немыслимаго въ ту пору да и излишняго въ виду того, что книга предназначалась для „большой публики“, не мѣшаетъ признать существованіе въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка не только интереса ко времени Петра, но и умѣнья до извѣстной степени разобраться въ этой эпохѣ и нарисовать ея картину. Сочиненіе Алеца, видимо, нашло себѣ читателей. По крайней мѣрѣ, 17 лѣтъ спустя неизвѣстный издатель нашелъ выгоду переиздать его вновь, хотя и подъ другимъ заглавіемъ, съ ничтожными измѣненіями и подъ видомъ оригинальнаго русскаго сочиненія [2]). Нѣсколько ниже мы увидимъ, что тотъ же

ские писатели въ XVIII ст. *Русск. Старина* 1873, VIII, 582, *Пекарскій*, loco citato, 553.

[1]) Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго, императора всея Россіи. Переведено съ французскаго. С.-Пб. 1771. 8°. 51 стр. Посвященіе гр. П. Б. Шереметеву подписано „Вараблевскимъ“. Изъ „предъувѣдомленія“ видно, что предлагаемая книга есть переводъ изъ четырехтомнаго сочиненія *Алеца*: Les princes célebres. Paris. 1769.

[2]) Краткое описаніе жизни и славныхъ дѣлъ Петра Великаго, перваго императора всероссійскаго. С.-Пб. 1788. 12°. 89 стр. Содержаніе совершенно сходно съ предыдущимъ „Описаніемъ“. Тѣ же ошибки (напримѣръ, Петръ ѣдетъ въ 1697 г. между прочимъ въ *Данію*; Лефортъ—уроженецъ Піэмонта); тѣ же рубрики и заголовки; только слогъ болѣе новый и гладкій, да сдѣланы нѣкоторыя сокращенія. Такъ, напримѣръ, нѣтъ первыхъ вступительныхъ строкъ изданія 1771 г. выпущено троекратное прогнаніе шведскаго флота изъ подъ Петербурга (изд. 1771, стр. 24;

трудъ французскаго писателя появился на русскомъ языкѣ въ третій разъ, въ видѣ приложенія къ другому сочиненію [1]).

Оставаясь въ предѣлахъ краткаго разказа, историки Петра оказывались еще удовлетворительными [2]); но писать большую исторію, въ широкомъ масштабѣ имъ, очевидно, было не по силамъ. Въ 1772 году Димитрій Ѳеодози выпустилъ изъ венеціанской греческой типографіи двухтомное „Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго“ [3]). Съ первыхъ же страницъ натыкаемся мы на очевидныя ошибки. Такъ, казнь Хованскаго отнесена къ 1685 году; участія Софьи въ этомъ дѣлѣ точно и не бывало (I, 170—171); сама Софья начинаетъ управлять государствомъ не то послѣ бунта 15-го мая, не то со времени перваго похода Голицына (I, 160 слѣд., 173). Авторъ все мѣряетъ аршиномъ своего вѣка, не будучи въ состояніи схватить ни духовной, ни внѣшней физіономіи разбираемой эпохи. Боярская дума у него сенатъ; Софья называется принцессой, а село Преображенское—увеселительнымъ замкомъ (I, 172, 162, 177)! Говорить нечего, что Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ отмѣченъ, какъ будущій геній. Еще питаясь молокомъ матери, онъ подавалъ надежду, что возведетъ Россію на высочайшую степень славы

изд. 1788 г., стр. 42) или фраза: „онъ (Петръ) имѣлъ съ нею (Екатериною) трехъ дочерей“ (изд. 1771 г., стр. 32; изд. 1788, стр. 57). Сравн. также стр. 21 изд. 1771 г. о „старикахъ и робяткахъ“ со стр. 36 изд. 1788 г. Обиліе сходныхъ выраженій въ обоихъ изданіяхъ позволяетъ думать, что издатель 1788 г. не столько переводилъ, сколько перелагалъ текстъ своего предшественника.

[1]) См. изданное *Вроблевскимъ* сочиненіе *Крекшина*: „Сказаніе о рожденіи“ и пр., изданіе второе. М. 1795.

[2]) Впрочемъ едва ли это можно сказать про „Краткую исторію жизни и дѣяній Петра Великаго“ (12°. 36 стр. На послѣдней страницѣ: „Москва. 1796. У В. Окорокова“): слишкомъ ужь коротка она, будучи скорѣе похожа на простой перечень фактовъ, хотя съ сохраненіемъ повѣствовательной формы.

[3]) Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго, самодержца Всероссійскаго, съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ царствѣ, нынѣ первѣе на славянскомъ языкѣ списана и издана. Венеція. 1772. 4°. 2 части. XVII (нен)+400+362 стр.—Житіе и славныя дѣла Петра Великаго самодержца Всероссійскаго съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ государствѣ, первѣе на славенскомъ языкѣ изданное въ Венеціи, а нынѣ вновь съ пополненіемъ и поправленіемъ какъ самой исторіи, такъ и съ преложеніемъ нѣкоторыхъ славяно-сербскихъ словъ на россійской, съ гравированными планами баталій и взятыхъ крѣпостей, и на всѣ великія дѣйствія медалями напечатано. Печатано иждивеніемъ купцовъ: Санктпетербургскаго Сергея Копнина и Иркуцкаго Ивана Байбородина. 2 части С.-Пб. 1774. 4°. XXV (нен.) + 367 + 333 + III (нен.) стр.

(I, 155 — 156); такъ, послѣ 15-го мая, получивъ полную свободу, онъ избираетъ себѣ пребываніе въ увеселительномъ замкѣ и начинаетъ упражняться въ воинскихъ дѣлахъ. Онъ хотѣлъ своимъ примѣромъ показать (это въ 11 лѣтъ!), что одна порода еще недостаточна для полученія чиновъ, а нужны и личныя заслуги,—поэтому и въ полкахъ служитъ солдатомъ, а не командиромъ (I, 184 — 185). Сочиненіе Ѳеодози отталкиваетъ читателя XIX вѣка не столько ошибками фактическими, сколько всею манерой и точкой зрѣнія на предметъ. Авторъ и его читатели, очевидно, вполнѣ удовлетворялись тѣмъ, что̀ можно бы назвать внѣшнею исторіей: вамъ излагаютъ фактъ, смѣну дѣйствій, но самого человѣка, это таинственное существо, смѣсь воли, желаній и разума, тѣ тайныя пружины, которыя создаютъ столько индивидуальности и оттѣнковъ, ничего этого не найдется въ подобныхъ исторіяхъ. Тамъ всѣ люди скроены по одному образцу. Софья — типъ холодной, безстрастной ученицы Макіавелли, съ которою едва ли могла бы поспорить и сама Екатерина Медичи; Петръ — типъ сказочнаго богатыря, съ первыхъ дней сознающій ту историческую задачу, какая увѣнчаетъ его впослѣдствіи неувядаемою славой; Милославскій — типъ хитраго царедворца, и такъ далѣе до безконечности. Словомъ, это манекены, а не живые люди, въ которыхъ борятся разнообразныя чувства, долго не пересиливая одно другое, и гдѣ перевѣсъ одного еще не есть погибель другихъ. Развитія духовнаго, исторической преемственности, вліянія среды не ищите въ сочиненіяхъ, подобныхъ только что указанному.

Къ тому же разряду надо отнести и трудъ Катифоро, который появился въ свѣтъ одновременно съ книгой Ѳеодози [1]). Книга, переведенная Березайскимъ [2]), довольно поверхностна и не безъ сильной примѣси

---

[1]) Житіе Петра Великаго, Императора и самодержца Всероссійскаго, отца отечества, собранное изъ разныхъ книгъ, во Франціи и Голландіи изданныхъ, и напечатанное въ Венеціи, Медіоланѣ и Неаполѣ на діалектѣ італіанскомъ, а потомъ и на греческомъ; съ коего на Россійской языкъ перевелъ статскій совѣтникъ *Стефанъ Писаревъ*. С.-Пб. 1772 г. 4º. XII (нен.) + 511 стр. — Изданіе второе („Житіе Петра Великаго, императора и самодержца Всероссійскаго, отца отечества. Переводъ съ греческаго“) вышло въ М. 1788. 8º. IV (нен.)+556 стр. Сравнительно съ первымъ въ немъ недостаетъ портрета Петра, посвященія Павлу Петровичу и „дополненія къ историческому въ сей книгѣ, о Китайскомъ государствѣ, описанію“.

[2]) Храмъ безсмертныя славы императора Петра Перваго. Съ французскаго языка перевелъ, исправилъ и умножилъ *Василій Березайскій*. С.-Пб. 1789. 8º. 208 стр.

реторики. Авторъ оцѣниваетъ Петра, какъ преобразователя, создателя и завоевателя; поэтому его книга не есть систематическое (хотя по содержанію, и полное) изложеніе царствованія Петра Великаго.

Что касается отечественной исторіографіи, то конечно, въ этотъ счетъ не можетъ идти простой хронологическій перечень фактовъ, вошедшій въ составъ Краткой россійской исторіи, приложенной русскимъ переводчикомъ къ „Универсальной исторіи“ Гильмара Кураса [1]), и со стороны русскихъ современниковъ Вольтера было большою самонадѣянностью рекомендовать этотъ перечень „въ дополненіе и въ поправленіе“ сочиненія французскаго писателя [2]). Точно также приходится ограничиться однимъ упоминаніемъ о томъ, что въ посмертныхъ рукописяхъ Сумарокова отыскано было „Приступленіе къ исторіи Петра Великаго“, доведенное только до смерти Грознаго [3]). Вѣроятно, какъ на отрывки большой начатой работы, должно смотрѣть и на два его разказа о волненіяхъ стрѣлецкихъ въ 1682 г. [4]). Точно также и Карамзинъ составляетъ только планъ Похвальнаго слова Петру Великому [5]); академику Миллеру поручено было написать исторію малолѣтства Петра [6]), но дѣло остановилось въ самомъ началѣ [7]).

За то надъ всѣми современниками царитъ знаменитый Голиковъ [8]). Его Дѣянія Петра Великаго явились поистинѣ грандіознымъ трудомъ, составившимъ эпоху въ изученіи великаго государя. Старательно собравъ цѣнный матеріалъ, Голиковъ внимательно распредѣлилъ его въ хронологическомъ порядкѣ и годъ за годомъ

---

[1]) *Гилмара Кураса* Сокращенная универсальная исторія, содержащая всѣ достопамятные въ свѣтѣ случаи отъ сотворенія міра по нынѣшнее время, со многимъ пополненіемъ вновь переведенная и съ пріобщеніемъ краткой Россійской исторіи вопросами и отвѣтами въ пользу учащагося юношества. С.-Пб. 1762. 8°. 323 стр.—Тоже, второе изданіе. С.-Пб. 1762. 8°. 390 стр.

[2]) *Ежемѣсячныя сочиненія* 1763, май стр. 461.

[3]) Полное собраніе сочиненій *Сумарокова*, изд. 2-е, ч. VI, стр. 215—224.

[4]) Первый и главный стрѣлецкій бунтъ, бывшій въ Москвѣ, 1682 году въ мѣсяцѣ маіи. Ibidem, VI, 167 — 202. Вторый стрѣлецкій бунтъ. Ibidem, VI, 205—212.

[5]) *Погодинъ*, Н. М. Карамзинъ, т. I, стр. 277, 294.

[6]) *Соловьевъ*, Г.-Ф. Мюллеръ, *Современникъ* 1854, № 10, стр. 141.

[7]) См. вышеупомянутыя статьи его въ *Опытѣ трудовъ в. р. собранія.*

[8]) Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразителя Россіи; собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. 12 гг. М. 1788—1789.— Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго 18 гг. М. 1790—1797.

разказалъ славную жизнь своего „ироя“. Сочиненіе было снабжено не менѣе важными приложеніями: цѣлый томъ такъ-называемыхъ „Анекдотовъ“, до полутора тысячи писемъ, обстоятельный разказъ (на два тома) про измѣну Мазепы и Полтавскій бой. Что̀ не умѣстилось въ 12-ти томахъ „Дѣяній“, было прибавлено въ 18-ти томахъ. „Дополненій“. Но и выпущенные тридцать томовъ нельзя считать законченнымъ трудомъ. Обѣщаннаго продолженія писемъ, доведенныхъ въ, изданіи Голикова только до 1711 года [1]), не появилось вслѣдствіе неожиданно обильнаго скопленія ихъ въ рукахъ коллектора [2]) и можетъ быть, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ [3]). Также однимъ предположеніемъ осталось и „описаніе жизни многихъ особъ изъ служившихъ при его величествѣ, начиная отъ господина Лефорта“ [4]). Значеніе труда Голикова съ извѣстной стороны весьма правильно оцѣнено еще самимъ авторомъ. Въ предисловіи къ своему изданію онъ говоритъ: человѣкъ я неученый, незнакомый съ критикой, совсѣмъ не историкъ; не ждите поэтому отъ меня глубокомысленныхъ разысканій; благоговѣю передъ памятью Петра и признаюсь, часто рѣчь моя сбивалась на панегирикъ; въ работѣ находилъ я личное удовлетвореніе, и если вамъ она пригодится, то буду вполнѣ радъ [5]). Воспоминанія о смерти Петра, заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„извлекли и изъ моихъ очей струи слезныя, которыя упадая на пишемую мною въ семъ мѣстѣ бумагу, прервали теченіе мыслей моихъ, исторгли перо изъ рукъ моихъ и принудили закрыть сію жалостнѣйшую картину скорбною завѣсою молчанія“ [6]).

Книга Голикова, составленная безъ провѣрки фактовъ, съ частыми ошибками въ чтеніи рукописнаго матеріала, теперь не имѣетъ уже такой цѣны, какъ сто лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ отнюдь еще не лишена большаго значенія; для своего же времени она оказала услугу, какъ первый старательный сводъ фактовъ и какъ попытка систематизировать ихъ. Она впервые дала возможность представить фигуру царя, какъ нѣчто цѣльное [7]), и наглядно охватить

[1]) Дѣянія, т. X—XII.

[2]) Дополненія, XVI, 462.

[3]) Дополненія, IV, предисловіе.

[4]) Дополненія, I, предисловіе.

[5]) Дѣянія, I, предисловіе.

[6]) Дополненія, XIV, 404.

[7]) Вспомнимъ, какъ съ ея появленіемъ возможнымъ стало указывать на ошибки, допущенныя въ другихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, у *Феодози* (Дополн., IV, предисл.).

всю его многогранную, гигантскую дѣятельность. Этою стороной сочиненіе Голикова пріобрѣтаетъ значеніе одинаково какъ историческое, такъ и воспитательное. Его читали и въ глухой помѣщичьей деревнѣ, не было оно забыто и представителями высшихъ классовъ. Лучшіе люди того времени въ каждомъ изъ многочисленныхъ своихъ имѣній держали по экземпляру Голиковскихъ „Дѣяній“ [1]). Послѣдующіе историки собрали обильную жатву съ этого труда, въ особенности Галемъ и Бергманнъ, которыхъ сочиненія суть преимущественно переработка Голикова [2]).

Менѣе важенъ и въ научномъ, и въ историографическомъ отношеніи другой писатель—Ѳедоръ Туманскій. Мы познакомились съ нимъ, какъ съ собирателемъ матеріаловъ; но основною его задачею было жизнеописаніе Петра, и десять томовъ изданнаго имъ „Собранія разныхъ записокъ“ должны были „служить изъясненіемъ самаго сочиненія и основаніемъ“, по которому читатели могли бы оцѣнивать самую его работу [3]). Таковая и не замедлила появиться, по крайней мѣрѣ ея начало [4]). Работа безъ какихъ-либо достоинствъ, хотя авторъ, помимо матеріала, бывшаго у него подъ рукой, старательно воспользовался всѣми русскими монографіями, посвященными Петру. Любопытно, что неудовлетворительный, какъ издатель документовъ, Туманскій предъявлялъ къ историку очень правильныя требованія: исторія, говоритъ онъ,—должна основываться на доказательствахъ, провѣренныхъ критикою, быть безпристрастною и давать не одни только факты, а и „обратить вниманіе читателя на связь содѣяннаго, представить всѣ обстоятельства, которыя были причиною такого или другаго дѣйствія“ [5]).

Объ „Исторіи“, обыкновенно приписываемой Ѳеофану Прокоповичу, мы уже говорили [6]); небольшая книжечка Рубана: „Начер-

---

[1]) *Д. Рябининъ*, Графъ С. Р. Воронцовъ. *Русск. Архивъ* 1879, I, 488, примѣч.

[2]) О Галемѣ и Бергманнѣ см. ниже.

[3]) Собраніе разныхъ записокъ, т. I, предисловіе.

[4]) Полное описаніе дѣяній его величества государя императора Петра Великаго. Сочиненное *Ѳеодоромъ Туманскимъ*, часть первая. С.-Пб. 1788. 8°. LVI+282+VIII (нен.) стр. Роскошное изданіе съ 12-ю гравированными портретами и многими рисунками-виньетками въ текстѣ. Обширное введеніе посвящено обзору до-Петровской Руси; вся же книга доведена только до окончанія стрѣлецкаго бунта въ маѣ 1682 года.

[5]) Полное описаніе дѣяній, предисловіе, стр. XVIII—XXI.

[6]) Исторія императора Петра Великаго, отъ рожденія его до Полтавской баталіи и взятія въ плѣнъ остальныхъ шведскихъ войскъ при Переволочнѣ,

таніе о достославномъ царствованіи Петра“ [1]) — сжатый и плохо скомпанованный разказъ о наиболѣе крупныхъ событіяхъ эпохи преобразованій, начиная съ Азовскихъ походовъ [2]), не безъ ошибокъ и не безъ вліянія иностранныхъ пособій. Сравнительно съ Рубановымъ начертаніемъ книжка Алеца гораздо выше по стройности изложенія; но не дурно у Рубана то, что, при всей краткости разказа, событія внѣшней политики въ его сочиненіи не перевѣшиваютъ объемомъ событій внутреннихъ. Не безынтересно также личное свидѣтельство одного изъ участниковъ Крымскаго похода 1689 года [3]).

Наконецъ, Иванъ Нехачинъ написалъ „Ядро исторіи Петра Великаго“, добросовѣстную компиляцію, на которой очень замѣтно отразилось существованіе Голиковскихъ „Дѣяній“ [4]). Погребеніе Петра разказано по Ѳеофану Прокоповичу. Дѣло же царевича Алексѣя изложено непропорціонально подробно [5]), съ сообщеніемъ почти цѣликомъ всѣхъ документовъ, въ свое время обнародованныхъ по этому поводу [6]). Въ „Новомъ ядрѣ Россійской имперіи“, излагая царствованіе Петра, Нехачинъ только сокращенно изложилъ содержаніе своей первой работы [7]). Время Петра было еще разъ затронуто

включительно; сочиненная *Ѳеофаномъ Прокоповичемъ*, послѣ бывшимъ архіепископомъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, изданная съ обрѣтающагося въ Кабинетской архивѣ дѣлъ е. и. в. списка, правленнаго рукою самого сочинителя. С.-Пб. 1773. 8°. V (не нум.)+217 стр.—То же, изданіе второе. М. 1788. 8°, 256 стр.

[1]) Начертаніе, подающее понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго, съ приобщеніемъ хронологической росписи главнѣйшихъ дѣлъ и приключеній жизни сего великаго государя. С.-Пб. 1778. 8°. 32 стр. Подъ посвященіемъ графу З. Г. Чернышеву подписался *В. Рубанъ*.

[2]) События до 1695 г. изложены на столько, на сколько это необходимо для пониманія послѣдующаго.

[3]) *Рубанъ*, стр. 3—4.

[4]) *Иванъ Н.х.ч.нъ*, Ядро исторіи государя Петра Великаго, перваго императора Всероссійскаго, съ присовокупленіемъ описанія монумента, воздвигнутаго въ память сему отцу отечества Екатериною II Великою, и съ краткою исторіею сына его, царевича Алексѣя Петровича. Иждивеніемъ *Ивана Водопьянова*. М. 1795. 8°. 447 стр.

[5]) Стр. 170—270.

[6]) Переписка Петра съ сыномъ, текстъ отреченія царевича, мнѣнія духовенства, отвѣтъ Алексѣя на предъявленные ему вопросные пункты и пр.

[7]) *Иванъ Нехачинъ*, Новое ядро россійской исторіи, отъ самой древности россіянъ и до нынѣшнихъ дней благополучнаго царствованія Екатерины II Великія, на пять періодовъ раздѣленное. 2 ч. М. 1795. 8°. События 1682—1725 гг.

Львовымъ въ „Подробной лѣтописи отъ начала Россіи до Полтавской баталіи“ [1]); но большая часть его работы есть сплошное воспроизведеніе Крекшина [2]).

Прошло очень немного лѣтъ со смерти Крекшина [3]), а новгородскій дворянинъ уже былъ забытъ и потеряна нить, связывавшая его имя съ его трудами. Записки Крекшина въ многочисленныхъ спискахъ расходились по рукамъ читающей публики, но уже возникалъ вопросъ, кто былъ ихъ составителемъ. Болтинъ предполагалъ Ѳеофана Прокоповича, Львовъ опровергалъ это, не пополняя пробѣла [4]); Вороблевскій печаталъ трудъ Крекшина, даже и не задаваясь вопросомъ о ихъ авторѣ [5]); также поступилъ и Туманскій [6]). Даже въ

во 2-й ч. на стр. 344—400—То же, второе изданіе. 3 чч. М. 1809 — 1810. 8°. Событія 1682 — 1725 гг.—во 2-й ч. (М. 1809) на стр. 356 — 414, совершенно тожественно съ первымъ изданіемъ.

[1]) 4 чч. С.-Пб. 1798—1799. 8°. Событія 1672—1709 гг. въ IV-й ч. на стр. 18—199 (до конца).

[2]) Именно страницы 17—36, 67—145 въ IV-й части суть нѣсколько сокращенный Крекшинъ (предсказанія Холоцкаго, Кирилла Новоезерскаго и др., рѣчи умирающаго царя Алексѣя и окружавшихъ его лицъ; воспитаніе Петра событія въ апрѣлѣ — октябрѣ 1682, Крымскіе походы и паденіе Софьи). Стр. 146—199 (до конца) повѣствуютъ о поѣздкѣ за границу и битвахъ при Лѣсной и Полтавѣ. Можетъ быть, и это составлено по Крекшину, на основаніи утерянныхъ для нашего времени частей его сочиненія. (Событія 1709 г., напечатанныя въ *Библіотекѣ для Чтенія*, не доведены до Полтавской битвы).

[3]) Онъ умеръ въ 1763 г. (*Сахаровъ*, Записки русскихъ людей, предисловіе)

[4]) Подробная лѣтопись, IV, 34, прим. Ср. митр. *Евгеній*, Словарь писат. духов. чина, изд. 2-е, II, 310.

[5]) Сказаніе о рожденіи, о воспитаніи и нареченіи на всероссійскій престолъ его царскаго пресвѣтлаго величества государя Петра Перваго, находящееся въ библіотекѣ его сіятельства гр. П. Б. Шереметева, изданное библіотекаремъ *В. Вороблевскимъ*. М. 1787. 12. IV+58 стр. Событія доведены до 15-го мая 1682 г.—Сказаніе о рожденіи, воспитаніи и нареченіи на всероссійскій царскій престолъ государя Петра Перваго, съ присовокупленіемъ сокращеннаго описанія жизни и дѣлъ сего великаго императора, и съ приложеніемъ гравированнаго его портрета. Изданное *В. Вороблевскимъ*. Вторымъ тисненіемъ. Пождивеніемъ книгопродавца С. Н. Москва. 1795. 12°. VI+140 стр. Первыя 58 стр. суть перепечатка строка въ строку изданія 1787 г., съ тѣми же заставками и виньетками. Со страницы 59-й идетъ „Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго“, дословная перепечатка изданнаго Вороблевскимъ въ 1771 г. перевода *Алеца*; здѣсь только нѣтъ предисловія и указанія на то, что это есть именно переводъ.

[6]) О зачатіи и о рожденіи великаго государя императора Петра Перьваго самодержца Всероссійскаго и о прочемъ. Собраніе разныхъ записокъ, I, 233—309.

тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія В. Н. Олинъ, печатая „О рожденіи Петра. Преданіе“ [1]), не знаетъ, что онъ пересказываетъ не кого иного, какъ все того же Крекшина [2]). Болѣе того, всего какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ, князь Козловъ (?) издаетъ рукопись новгородскаго дворянина и остается въ томъ же невѣдѣніи [3]).

Пора отчетливаго изученія матеріаловъ еще не наступила; приходилось довольствоваться простымъ разказомъ или механическимъ собраніемъ фактовъ. Оцѣнка преобразовательной эпохи, въ родѣ той, какую предложилъ Болтинъ въ критикѣ на сочиненіе Леклерка, анализируя ошибки и ложныя толкованія послѣдняго [4]), являлась скорѣе исключеніемъ; легче было издавать такія книги, какъ „О высочайшихъ пришествіяхъ Петра на Двину“ [5]), „Кабинетъ Петра Великаго“ Бѣляева [6]), или „Списокъ кораблямъ россійскаго флота“ Шишкова [7]).

Отличія отъ текста, изданнаго Вороблевскимъ, самыя ничтожныя, если не считать несходства въ нѣкоторыхъ датахъ. За то Туманскій излагаетъ событія далѣе 15-го мая 1682 г. (до конца 1682 г. съ краткою хронологіей до 1722 г.), и со стр. 264 не имѣетъ болѣе въ Вороблевскомъ совмѣстника.

[1]) С.-Пб. 1835. 12°, 47 стр.

[2]) „Неизвѣстный сочинитель“, какъ онъ его называетъ. Ср. то же и въ примѣчаніяхъ *Олина* къ Исторіи Вилліамса (Записки о Петрѣ Великомъ, Сочиненіе *Вилліамса*, стр. 4 второй пагин.).

[3]) Кн. *Вл. К—въ*, Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Отечеств. Записки* 1848, LIX, 152—210.

[4]) Примѣчанія на исторію древней и нынѣшней Россіи г. Леклерка. С.-Пб. 1788. На стр. 481—615 первой части разобраны и опровергнуты 50 положеній Леклерка.

[5]) О высочайшихъ пришествіяхъ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея в. и м. и б. Россіи самодержца, изъ царствующаго града Москвы на Двину, къ Архангельскому городу, троекратно бывшихъ; о нахожденіи шведскихъ непріятельскихъ кораблей на ту же Двину, къ Архангельскому городу; о зачатіи Новодвинской крѣпости и о освященіи новаго храма въ сей крѣпости. Иждивеніемъ Н. Новикова и К°. М. 1783. 8°. 111 стр.

[6]) Кабинетъ Летра Великаго или подробное и обстоятельное описаніе восковаго его величества изображенія, военной и гражданской одежды, собственноручныхъ его издѣлій и прочихъ достопамятныхъ вещей, лично великому сему монарху принадлежавшихъ. С.-Пб. 1793. 8°. 2 чч. 170+154+IV стр.—То же, второе изданіе. С.-Пб. 1800. 4°; въ трехъ отдѣленіяхъ. 215+287+278 стр.+четыре гравюры.

[7]) Списокъ кораблямъ и прочимъ судамъ всего россійскаго флота отъ начала заведенія онаго до нынѣшнихъ временъ, съ историческими вообще о дѣйствіяхъ флотовъ и о каждомъ суднѣ примѣчаніями. Часть I, содержащая въ себѣ царствованіе государя Петра Великаго. Собралъ изъ достовѣрныхъ записокъ и журналовъ контръ-адмиралъ *А. Шишковъ*. С.-Пб. 1799. 4°. 323 стр.

Но и подобныя книги дѣлали свое дѣло, обогащая свѣдѣніями, расширяя историческій горизонтъ. Первое изъ трехъ только что названныхъ изданій очень цѣнно по многимъ указаніямъ, приведеннымъ дословно, и вообще по источникамъ первой руки [1]); книга Бѣляева, такъ-сказать, вводила читателя въ повседневную обстановку, въ обиходъ жизни царственнаго реформатора, а „Списокъ“ Шишкова давалъ гораздо болѣе, чѣмъ можно ожидать, судя по одному заглавію. Ведя перечень построенныхъ судовъ и начиная его отъ „дѣдушки русскаго флота“ до смерти Петра включительно, авторъ особенно много сообщаетъ „историческихъ примѣчаній“, приводя для этого выдержки, а иногда и цѣликомъ правительственные указы, письма и инструкціи; особенно обстоятельны свѣдѣнія за 1713—1721 гг. [2]), такъ что на трудъ Шишкова можно смотрѣть какъ на первую серьезную исторію молодаго русскаго флота. Если „Списокъ“ уже и потерялъ нынѣ свое научное и практическое значеніе, будучи оттѣсненъ другими, болѣе совершенными, то историографическое значеніе его несомнѣнно.

Чтобы закончить обзоръ Екатерининской литературы о Петрѣ Великомъ, намъ остается назвать еще нѣкоторыя книги и статьи. Таково уже упомянутое раньше „Ядро исторіи Россійской“ Манкіева [3]), біографіи Лефорта и Гордона, составленныя Ильинскимъ [4]) и Голиковымъ [5]), исторія завоеванія Азова, академика Байера [6]), лапныя

---

[1]) Издатели предваряли, что описаніе „собрано изъ старинныхъ записокъ, въ Двинскихъ церквахъ найденныхъ, и внесено сюда для вѣрности тѣми же словами, какія и въ запискахъ находились; перемѣны же онымъ словамъ никакой чинено не было“. Разказъ о пришествіи шведскихъ судовъ подъ Архангельскъ въ 1701 г. составленъ преосв. Аѳанасіемъ, а издателями „оное здѣсь предлагается слово въ слово“ (стр. 68). Кромѣ упомянутаго прихода шведовъ, книга содержитъ въ себѣ разказъ о трехъ пріѣздахъ царя въ 1693, 1694 и 1702 годахъ.

[2]) Стр. 46—289, то-есть, почти вся книга.

[3]) Ядро исторіи россійской ко угожденію пронскательныхъ, изд. 1770, 1784, 1791 и 1799 гг.

[4]) Житіе Франца Яковлевича Лефорта, россійскаго генерала и описаніе жизни нижегородскаго купца Козьмы Минина. С.-Пб. 1799. 12°. 144+78 стр. Біографія изложена старательно, не безъ (относительныхъ, конечно) достоинствъ.

[5]) Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женевца Франца Яковлевича Лефорта, перваго любимца Петра Великаго.... и сослужебника его, подобно же посвятившаго себя службѣ отечества нашего, знаменитаго шотландца.... Патрика Гордона.... М. 1800. 8°. XVI+307 стр.

[6]) Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу. Переведено съ нѣмецкаго языка чрезъ *І. К. Тауберта*, Академіи Наукъ адъюнкта. Изданіе второе. С.-Пб. 1768. 8°. 292 стр. (первое—въ 1738). Было еще третье—въ 1782 г.

по сооруженію памятника Петру Великому Бакмейстера [1]) описаніе Петербурга, Богданова [2]), очень цѣнный сводъ данныхъ для первоначальной топографіи сѣверной столицы, и книга ротмистра Могутова о сношеніяхъ Россіи съ средне-азіатскими странами [3]). Ежемѣсячныя Сочиненія помѣстили описаніе путешествія китайскаго посольства въ 1714 году черезъ Россію къ калмыкамъ [4]), о мѣрахъ Петра Великаго для развитія торговыхъ сношеній съ Бухарою [5]) и трудъ Соймонова о Каспійскомъ морѣ [6]). Послѣдній одновременно появился и въ отдѣльномъ изданіи [7]).

---

[1]) *И. Бакмейстеръ*, Историческое извѣстіе о изваянномъ конномъ изображеніи Петра Великаго. Переведено *Н. Карандашевымъ*. С.-Пб. 1786. 8°. 100 стр. Обстоятельное описаніе перевозки камня, выбраннаго подъ пьедесталъ, работъ надъ сооруженіемъ самаго памятника, характеристика изображеннаго Фальконетомъ момента, открытіе монумента и т. п.

[2]) Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное *Г. Богдановымъ*; со многими изображеніями первыхъ зданій, а нынѣ дополненное и изданное.... *В. Рубаномъ*. Изданіе первое. С.-Пб. 1779. 8°. VI (нен.)+528+XXIX (нен.) стр.

[3]) Рѣдкое и достопамятное извѣстіе о бывшей изъ Россіи въ Великую Татарію экспедиціи, подъ именемъ посольства, принадлежащее къ пользѣ, въ службѣ находящимся и въ коммерціи упражняющимся, всеавгустѣйшей монархини посвященное. С.-Пб. 1777. 8°. 63 стр. По даннымъ, сообщеннымъ генераломъ Тевкелевымъ. Содержаніе: обзоръ сношеній Россіи въ XVIII в. съ народами Средней Азіи; разказъ объ экспедиціи Бековича (стр. 9—27), описаніе морей Каспійскаго и Аральскаго, „о сухомъ пути въ полуденную Азію“ и „о восточной Индіи“. Сравн. поправку въ рецензіи *С.-Петербургскаго Вѣстника* 1778, ч. I, № 1, стр. 61—65.

[4]) Описаніе путешествія, коимъ ѣздили китайскіе посланники въ Россію, бывшіе въ 1714 году у калмыцкаго хана Аюки на Волгѣ. *Ежемѣс. Сочин.* 1764, ч. II, іюль—ноябрь. Свѣдѣнія очень интересныя.

[5]) О способахъ къ произведенію россійской коммерціи изъ Оренбурга съ Бухарскою, а изъ оной и съ индѣйскими областьми. *Ежемѣс. Сочин.* 1763, № 11, стр. 401—408.

[6]) *Ежемѣс. Сочиненія* 1763, №№ 1—11. Также въ Sammlung Russischer Gesch., т. VII.

[7]) Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на оном россійскихъ завоеваній, яко часть исторіи государя императора Петра Великаго, трудами тайнаго совѣтника, губернатора Сибири и орд. св. Александра кавалера, *Ѳедора Ивановича Соймонова*, выбранное изъ журнала его пр—ва, въ бытность его службы морскимъ офицеромъ и съ внесенными, гдѣ потребно было, дополненіями Академіи Наукъ конф.-секретаря, проф. исторіи и исторіографа *Г. Ф. Миллера*. С.-Пб. 1763. 8°. 24 листа. Сравн. въ *Ежемѣс. Сочин.* 1763, № 12, стр. 558—559 указаніе Миллера на ошибку, имъ допущенную.—Наконецъ, можно отмѣтить немногія статейки, помѣщавшіяся въ тогдашнихъ мѣсяцесловахъ. Въ мѣсяцесловѣ на

Въ XIX столѣтіи Петровская литература значительно выростаетъ въ объемѣ, и слѣдить за нею становится гораздо труднѣе. Кромѣ отдѣльныхъ изданій, масса матеріала разбросана по журналамъ. Вотъ почему мы должны ограничиться указаніемъ на однѣ только крупныя вещи или напомнить болѣе забытыя. Да и этотъ планъ возможенъ только въ предѣлахъ первой половины столѣтія. Начиная же съ царствованія императора Александра II, исторіографія о Петрѣ Великомъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что перечислить даже только крупное значитъ совершенно выйдти изъ рамокъ предположенной статьи. Къ тому же для этого послѣдняго періода существуютъ библіографическія пособія, дающія намъ новое право ограничиться самымъ бѣглымъ осмотромъ этой литературы за послѣднія 30—35 лѣтъ.

Начинаемъ съ обзора матеріаловъ. Прежде всего упомянемъ о письмахъ, указахъ и другихъ правительственныхъ распоряженіяхъ. Такова переписка Паткуля, содержащая въ себѣ нѣсколько писемъ Петра,—нѣкоторыя изъ нихъ впрочемъ довольно апокрифическаго характера [1]); далѣе письма и указы царя В. Я. Левашову [2]). Ѳ. М. Апраксину [3]), маіору Салтыкову [4]), П. А. Толстому [5]), генералу

1778 г. Богдановъ помѣстилъ выдержку изъ готовившагося тогда описанія Петербурга (Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные годы, II, 306—348); на 1782 г.—явилось біографія Гордона (ibidem, V, 34—87); на 1783 и 1784 гг.—Извѣстія объ осадѣ Азова въ 1695 и 1696 (ibidem, V, 165—207 319—369), составленныя по Гордону, Байеру, выпискамъ Миллера и изданной Рубаномъ книгѣ: „Походъ боярина Шеина“.

[1]) Письма нещастнаго графа Ивана Рейнольда Паткуля, полководца и посланника росс. императора Петра Великаго Переводъ съ франц. 2 чч. М. 1806. 12º. 191+111 стр. съ портр. Паткуля. Преимущественно переписка съ Софіей Эйсіендель. Всего 77 писемъ съ 12-го ноября 1705 по 3-е окт. 1707 г. Сравн. замѣтку *Н. А. Полевого*: Паткуль и Шайкуль, въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. IV, № 10, стр. 188—190.

[2]) Письма и указы государей имп. Петра Великаго (и другихъ)..... къ В. Я. Левашову. Изданные съ подлинниковъ. Съ приложеніемъ одного изъ писемъ государя императора Петра Великаго въ точности скопированнаго и вырѣзаннаго на мѣди, портрета В. Я. Левашева и краткаго описанія его жизни. М. 1808. 8º. XVI+112 стр. Изданіе *П. Бекетова*. Писемъ и указовъ Петра числомъ 14, съ 25-го марта 1716 по 10-е ноября 1724 г.

[3]) Собраніе собственнор. писемъ государя императора Петра Великаго къ Апраксинымъ, 2 ч.ч. М. 1811. 8º. XI+231+155 стр. 1 табл. 1 портр. Петра. Писемъ—одному Ѳ. М. Апраксину, включая и резолюціи на докладныхъ его, 201 съ 26-го марта 1698 по 25-е сентября 1724 г. Подъ посвященіемъ С. С. Апраксину подписался *П. Я.*

[4]) *Русск. Архивъ* 1882, ч. 4, № 20, стр. 115 (29-го окт. 1715 г.).

[5]) Инструкція 1702 г. передъ отправленіемъ въ Турцію—въ *Отеч. Записк.*

Матюшкину во время войны съ Персіей [1]), нѣжинскому наказному полковнику Журавскому [2]), митрополиту Іову [3]), бригадиру Балку, 23 письма (1710—1712) [4]), разнымъ лицамъ—въ Сѣверномъ Архивѣ [5]) и цѣлое собраніе писемъ Петра тоже къ разнымъ лицамъ, съ отвѣтами государю, изданное Берхомъ [6]). Сюда же можно отнести письма Я. Ѳ. Долгорукаго [7]), Лейбница [8]), царевича Алексѣя [9]) къ царю; письма разныхъ лицъ къ гетману Скоропад-

---

1822, X, 258—272, 410—420; XI, 370—378; XII, 33—42; два письма—въ *Сѣвер. Архивѣ* 1827, XXVI, 335—336 (за 1706—1708).

[1]) *Отеч. Записки*, 1827. XXX, 387—413; XXXII, 242—264, 398—414. *Московскій Телеграфъ* 1831, I, 154—158.

[2]) *Отеч. Записки* 1830, ч. XLIII, № 124, стр. 355, 356.

[3]) *Сынъ Отечества* 1834, ч. 163, стр. 114—118 (5 пис. 1713—1714 г.); *Отеч. Зап.* 1840, VIII, смѣсь, стр. 1 (пис. 29-го окт. 1715 г.).

[4]) *Москвитянинъ* 1852, XVI, 3—14; XVIII, 48—50.

[5]) *Сѣверн. Архивъ* 1823, V, 34—36, по одному письму къ маіору Долгорукому (30-го окт. 1708 г.) и Кикину (14-го іюня 1714 г.) и ibidem, V, 423—426; VI, 24—28, 104—183; VII, 358—361—24 письма къ И. И. Бутурлину съ 28-го февр. 1711 по 29-е апрѣля 1724 года.

[6]) Собраніе писемъ императора Петра I къ разнымъ лицамъ съ отвѣтами на оныя. 4 чч. С.-Пб. 1829—1830. 8°. X+343+393+I+378+334 стр. Обширная переписка съ 9-го мая 1692 по 5-е ноября 1724 года съ алфавитнымъ указателемъ и краткими біографіями корреспондентовъ Петра. Часть помѣщенныхъ здѣсь писемъ, по заявленію Берха, напечатана у Голикова, Туманскаго и Щербатова, но „безъ всякаго порядка и преисполнены грубыми ошибками, имена же лицъ и мѣстъ совершенно искажены". Берхъ извлекъ свой матеріалъ изъ дѣлъ адмиралтействъ-коллегіи и адмиралтействъ-департамента. „Большая часть писемъ къ императору Петру I, а особенно отъ лицъ, за границею находившихся, преисполнены повтореніями однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, или, лучше сказать, суть настоящіе дубликаты и трибликаты, чему служатъ доказательствомъ письма Ѳедора Салтыкова". Такія повторенія издатель выпускалъ. Пособіемъ Берху служило не доконченное собраніе писемъ, составленное адмираломъ А. И. Нечаевымъ. Всѣ письма Берхъ списывалъ собственноручно (I, стр. II—V).

[7]) Одно письмо въ *Другѣ Просв.* 1804, ч. IV, октябрь, 37—40: просьба помиловать кн. Вас. Влад. Долгорукова.

[8]) *Сѣверн. Архивъ* 1823, V, 129—146, 224—239, письма и проекты, поданные царю и Шафирову (1713—1716 гг.); въ оригиналѣ (на нѣм. яз.) въ *Русск. Вѣстн.* 1842, т. V, стр. 244—254 (Лолевой еще указываетъ на *Библ. для Чтен.* и *Сынъ Отечества*).

[9]) Письма царев. Алексѣя Петровича къ его родителю государю Петру Великому, государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и каб.-секр. Макарову, съ приложеніемъ писемъ царевича Петра, царевны Наталіи и князя Вяземскаго къ его высочеству. Изданы съ подлинниковъ, хранящихся въ библіотекѣ кн. М. С. Воронцова. Одесса. 1849. 4°. VIII+89+IX+3 листа факсимиле: 134 письма

скому [1]), Кирхена—канцлеру Г. И. Головкину [2]), переписку Ѳ. А. Головина съ Б. П. Шереметевымъ [3]); письмо русскихъ плѣнныхъ генераловъ изъ Стокгольма [4]) и нѣкоторыя второстепенныя распоряженія государя [5]).

Нѣсколькими изданіями появились анекдоты о Петрѣ Великомъ,

Петру Великому, съ 25-го августа 1703 по 27-е августа 1716 г.; 2 п. Екатеринѣ въ 1714 г.; 9 п. Макарову съ 5-го авг. 1707 г. по 5-е янв. 1712 г.; по одному письму отъ сына и дочери, 8-го нояб. 1716 г.; 1 п. отъ кн. Долгорукаго, 7-го апр. 1712 г.; 1 п. отъ капитана Петрова-Соловаго 1712 г. и 3 письма отъ князя Н. Вяземскаго 1716 года. Предисловіе и примѣчанія составлены Мурзакевичемъ.

[1]) Матеріалы для отечественной исторіи. Издалъ *М. Судіенко*. Томъ второй. Кіевъ. 1855. 511 стр.: 66 пис. кн. Д. М. Голицына, съ 7-го янв. 1709 по 26-е авг. 1718; 121 пис. канцлера графа Г. И. Головкина, съ 10-го авг. 1708 по 14-е февр. 1722; 18 пис. А. Д. Меншикова, съ 24-го янв. 1709 по 20-е апр. 1722; 11 пис. П. П. Шафирова, съ 31-го іюля 1709 по 4-е февр. 1716; 49 пис. Б. П. Шереметева, съ 23-го дек. 1708 по 27-е нояб. 1718; 57 пис. разныхъ лицъ съ 8-го нояб. 1709 по 22-е авг. 1721. — Кромѣ того, въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1848, I, 1—8 Судіенко помѣстилъ 10 писемъ Головкина къ Скоропадскому 1709—1718 г., не вошедшихъ въ „Матеріалы“. Полнѣе (221 письмо) письма Головкина съ 10-го авг. 1708 по 22-е апр. 1722 въ „Матеріалахъ военно-ученаго архива главнаго штаба“, томъ I (С.-Пб. 1871). (Любопытно, что и Судіенко, кажется, только по ошибкѣ не началъ переписку съ 10-го авг. 1708 г. (сравн. оглавленіе въ его Матеріалахъ, и подобное же тамъ же для Меншикова). Тутъ же и письма Меншикова, числомъ 87, съ 3-го апр. 1706 по 20-е апр. 1722.

[2]) Письма маіора М. Б. фонъ-Кирхена къ канцлеру Г. И. Головкину (*Временникъ Общ. Ист. и Др.*, т. I, стр. 17—34); 20 писемъ съ 2-го апр. по 18-е іюня 1706 года.

[3]) Переписка фельдмаршаловъ Ѳ. А. Головина и Б. П. Шереметева въ 1705 и 1706 годахъ. М. 1851. 8°. 68 стр. (33 письма).

[4]) Коллективное письмо Я. Ѳ. Долгорукова, Грузинскаго царевича Александра, И. Ю. Трубецкаго, А. А. Вейде, А. М. Головина и И. И. Бутурлина на имя Ѳ. А. Головина отъ 24-го января 1702 (съ прилож. факсимиле). *Русск. Вѣстн.* 1841, т. I, № 1, стр. 283—284.

[5]) О посольствѣ Карабагскихъ меликовъ (*Съв. Арх.* 1823, VI, 233 — 252). Указъ о липецкихъ минеральныхъ водахъ (ibid., VII, 22—27); архангел. вицегуберн. Ладыженскому и Кольскому коменданту (*Москвит.* 1842, XII, 394—397), объ обученіи италіанскому языку, 15-го мая 1697 (ibid., 1852, V, 1—3), въ Новгородскій митрополичій разрядъ (ibid. 1853, XVIII, 11—12), о разбояхъ Смоленской губ. (ibid. XXI, 1—5); указъ 1720 г. Ѳ. Румянцову (Ibid. 1844, IX. 138—139). Кромѣ того, см. Матеріалы для исторіи вѣка Петра Великаго. *Отеч. Записки* 1842, XX, 37—46 (поднесеніе сенатомъ царю императорскаго титула; записка о преставленіи и погребеніи царевича Алексѣя; привѣтствіе царевичу Алексѣю; наказъ 1687 г. Я. Ѳ. Долгорукому при посылкѣ его во Францію; наказъ Ѳ. А. Головину 1685 при посылкѣ его къ гетману малороссійскому; выписка 1716 года изъ дѣла о князьяхъ Голицыныхъ).

основанные на Голиковѣ и Штелинѣ: князя Енгалычева, изданные на французскомъ языкѣ [1]), и нѣкоторые безымянные [2]). Особое мѣсто въ этомъ разрядѣ Петровскихъ матеріаловъ занимаютъ анекдоты о Балакиревѣ, который далъ за послѣдніе 50—60 лѣтъ матеріала на безконечное число изданій, преимущественно народныхъ, Если не ошибаемся, первая по времени книга, посвященная этому придворному шуту, появилась въ 1831 году [3]).

Гораздо важнѣе по своему содержанію мемуары Петровскаго времени. Молодые годы Петра, собственно конецъ XVII вѣка, очерчены въ цѣнныхъ запискахъ Медвѣдева, Желябужскаго, Крекшина, Матвѣева, Авриля, Невилля и Гордона [4]); пораженіе

---

[1]) Prince *P. Engalitschef*, Anecdotes de Pierre le Grand, empereur de toutes les Russies. Moscou. 1805. 12°. 121+V pages. Содержитъ въ себѣ 41 анекдотъ.

[2]) Анекдоты Россійск. императора Петра Великаго и великихъ мужей, прославившихся въ его царствованіе. М. 1838. 8°. 82 стр. Портретъ Петра. Послѣ предисловія: „Часть первая, содержащая анекдоты, случившіеся въ царствованіе перваго Россійскаго императора Петра Великаго до царствованія Екатерины Алексѣевны“.—То же: Анекдоты..... царствованіе. Съ портретомъ. М. 1843. 16°. 111 стр.+портр. „Печатано съ изданія 1838 года“; указанія на то, что это часть *первая*,—нѣтъ.—То же: Анекдоты..... царствованіе. Съ портретомъ Петра I-го и картинами. Изданіе третье съ небольшими перемѣнами. М. 1850. 16°. 89 стр. „Печатано съ изданія 1843 года“. Картинъ двѣ.—Другая серія: Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Выбранные изъ дѣяній сего монарха, описанныхъ гг. Голиковымъ и Штелинымъ. М. 1846. 16°, 4 чч. 44+45+50+51 стр. Вмѣсто эпиграфа на заглавномъ листѣ четверостишіе изъ Пушкина: „То академикъ, то герой“ и пр. То же: Анекдоты о Петрѣ Великомъ (съ его потретомъ). Выбранные..... Штелинымъ. Изданіе второе. М. 1848. 16°. 4 ч. 44+45+45+44 стр. Первыя двѣ части схожи съ первымъ изданіемъ строка въ строку (сравн. впрочемъ послѣднюю строчку на стр. 35-й); остальныя же двѣ печатаны разнымъ шрифтомъ.—То же: Анекдоты о Петрѣ Великомъ, выбранные..... Штелинымъ. Изданіе третье съ 1848 г. М. 1853. 16°. 2 ч.ч. 76+92 стр. (безъ портрета). Сравнительно съ предшествующими изданіями, пропущенъ разказъ о томъ, какъ „Государь награждаетъ слугу достоинствомъ морскаго офицера, а господина его опредѣляетъ въ матросы“ (сравн. стр. 42 слѣд. второй части первыхъ двухъ изданій: о помѣщикѣ Спафаріевѣ и слугѣ его калмыкѣ). Есть еще три анекдота о Петрѣ (перев. съ нѣм.) въ *Русск. Зритель* 1828, ч. 4, № XIII и XIV, 127—132 и одинъ въ *Московск. Телегр.* 1830, ч. 33, № 12, стр. 522—525. Сравн. письмо *В. Берха* къ издателю *Моск. Телеграфа* (1826, ч. 12 № 24; стр. 237 — 242): разборъ нѣкоторыхъ недостовѣрностей въ анекдотахъ Штелина и Голикова.

[3]) Анекдоты о Балакиревѣ, бывшемъ при дворѣ Петра Великаго шутомъ, съ его портретомъ. Соч. *А. Д.* М. 1831. 16°. 57 стр.

[4]) *Медвѣдевъ* въ изданіи *Сахарова*: Записки русскихъ людей. С.-Пб. 1841 сравн. *Туманскій*, Собраніе, V и VI); *Желябужскій*—тамъ же и отдѣльно: За-

подъ Нарвой—въ донесеніи генерала Алларта [1]). Россія въ началѣ XVIII вѣка описана Перри [2]), Корнеліемъ-де-Бруинномъ [3]); Прутскій походъ—А. А. Яковлевымъ [4]). Вторая половина царствованія Петра I рисуется въ памятныхъ запискахъ Нащокина [5]), В. В. Головина [6]), Беркгольца [7]), Лоренца Ланга [8]), Нартова [9]), Ми-

---

писки Желябужскаго съ 1682 по 2-е іюня 1769. С.-Пб. 1840. 8°. IV+314+XXXI (нен.) стр. (Сравн. *Туманск.*, VII); оцѣнка въ *Библ. для Чтен.* 1840, XLI, 47—68. *Отеч. Зап.* X, 62—70; *Крекшинъ*—у *Сахарова* (сравн. выше объ отдѣльныхъ изданіяхъ въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго вѣка), у *Туманск.*, I, и въ *Библ. для Чтен.* 1849, т. 97-й; *Матвѣевъ*—у *Сахарова* (ср. *Туманск.*, I, VI) и въ *Маякѣ* 1841, чч. XIV, XV; *Аврилъ* (въ сокращ.) въ *Русск. Вѣстн.* 1842, т. VI, 69—104; *Невиллъ* (въ сокращ.) въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. III, № 9, стр. 596—614; т. IV, № 10, стр. 95—157; *Гордонъ*—Tagebuch des Gen. P. Gordon. 3 Bnde. Moskau u. Ptbg. 1849—1852, отрывками—въ *Сынѣ Отеч.* 1840, т. VI, 386—405 („Смятеніе въ Москвѣ 1689 года)“ и у *Сахарова*. О Гордонѣ см. статью *А. Г. Брикнера*, Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. *Журн. М. Н. Пр.* 1878 и отдѣльно. С.-Пб. 1878. 182 стр. О самомъ изданіи „Записокъ русскихъ людей“ отмѣтимъ критику въ *Отеч. Зап.* 1842, XX, 53—70.

[1]) *Сѣверн. Архивъ* 1822, ч. I, №№ 1, 2, стр. 3—25, 117—143.

[2]) Записки капитана Перри о бытности его въ Россіи съ 1698 по 1713 г. *Русск. Вѣстн.* 1842, VI, 227—312. Полный переводъ: Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ. М. 1871.

[3]) *Отеч. Записки* 1829, XXXIX, 345—365; XL, 46—66, 395—410; 1830—XLIV, 1—42; *Чтенія Общ. Ист. Др. и Росс.* 1872, I—IV и 1873, I, и отдѣльно, М. 1872.

[4]) *Отеч. Записки* 1824, XIX, 15—25. Сравн. его же о 1714—1727, ibid. ч. XX, 74—91, и 1825, ч. XXIII, 85—102.

[5]) Отрывокъ о 1716—1723 г. г. въ *Отеч. Зап.*; 1830, XLI, 76—104; въ *Русск. Вѣстникѣ* 1841, т. II, № 5, стр. 497—501 (о фельдм. Кейтѣ); полностью: Записки В. А. Нащокина. С.-Пб. 1842. 8° VII+384+I стр., перепечатаны въ *Русск. Архивѣ* 1883, № 4, стр. 243—351. Оцѣнка въ *Отеч. Зап.* 1842, XXV, 19—22 и *Библ. для Чтен.* 1842, LIV, 19—40.

[6]) Записки бѣдной и суетной жизни человѣческой въ книгѣ *П. Казанскаго*: Родословная Головиныхъ, владѣльцевъ села Новоспасскаго. М. 1847. стр. 44—57.

[7]) Отрывками: за апрѣль—іюнь 1721 въ *Отеч. Зап.* 1853, LVII, 47—70, 103—128; за сентябрь и октябрь того же года—ibidem, 1843, XXVI, 1—30. Полный переводъ *Аммона* въ 4 т. т. М. 1858—1862.

[8]) Поденная записка пребыванія г. *Лоренца Ланга*, агента е. в. и. р. при Китайскомъ дворѣ 1721 г.—въ *Сѣверн. Архивѣ* 1822, ч. III, IV, №№ 17—23, стр. 329—356, 413—448, 28—46, 85—114, 191—199, 265—282, 344—364. Еще раньше помѣщенъ былъ Journal von *Lorentz Langens* Reise nach China *Вебером*ъ въ его Das veränderte Russland, I, 72—89. Кромѣ того, Дневникъ Ланга былъ напечатанъ въ изданіи: Белевы путешествія чрезъ Россію въ разныя Асіятскія земли. Перевелъ съ французскаго *М. Поповъ*. С.-Пб. 1776, часть III, стр. 1—150.

[9]) Достопамятныя повѣствованія и рѣчи императора Петра Великаго. Перво-

ниха [1]) и славнаго Неплюева [2]). Есть свидѣтельства о существованіи обширныхъ повседневныхъ записокъ князя А. Д. Меншикова [3]).

Переходя къ пособіямъ, отмѣтимъ прежде всего сочиненія, задавшіяся цѣлью представить по возможности полный обзоръ царствованія Русскаго императора и его многосторонней дѣятельности. Слѣдя за ними въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, развѣ только для полноты библіографической придется упомянуть о небольшой книжечкѣ Геракова, въ сущности простомъ погодномъ перечнѣ важнѣйшихъ событій въ Россіи отъ рожденія Петра до его смерти, не больше [4]). Въ 1812—1813 гг. переведена была съ нѣмецкаго [5]) книга Галема, основанная главнымъ образомъ на Голиковѣ и ему подобныхъ [6]). Отсюда нѣкоторая мозаичность изложенія; весь трудъ—собраніе отдѣльныхъ разказовъ и эпизодовъ, соединенныхъ одною хронологическою нитью. Разказъ незамысловатъ, иногда даже инте-

---

начально въ *Сынѣ Отеч.* 1819, чч. 54—58, всего 74 анекдота; позже по тому же списку, но полнѣе въ *Москвитянинѣ* 1842, №№ 4, 6, 7, 8, 11. Напечатано 162 анекдота, съ пропускомъ нѣкоторыхъ (№№ 3, 5, 19, 24, 87, 137, 139, 145, 146, 154, 157 и окончанія 10-го. Рукопись, по которой печаталъ Погодинъ, хранится въ Румянц. музеѣ (Отчетъ этого музея за 1879 — 1882 г. стр. 81). Анекдотъ, помѣщенный въ *Сынѣ Отеч.* за № 70, отсутствуетъ въ *Москвитянинѣ*.

[1]) Переводъ „Ebauche“ *Минниха* въ *Русск. Вѣстникѣ* 1842, 76—134.

[2]) Жизнь *И. И. Неплюева*, имъ самимъ описанная. *Отеч. Записки* 1823 (ч. XVI, №№ 43, 44), 1824 (ч. XIX, №№ 51, 52; ч. XX, № 54), 1825 (ч. XXI, № 59; ч. XXII, №№ 64, 65; ч. XXIV, № 67), 1826 (XXV, № 71). Еще ранѣе у *Голикова* въ Дополненіяхъ, XVII, 416—441 (по 2-му изданію XV, 248—262), сокращенно; Голиковъ же записалъ со словъ Неплюева нѣсколько анекдотическихъ воспоминаній (XVII, 74—79, 204 — 208, 293 — 294, 311 — 312, 352—353, 375—382, 397—399). Полнѣе изданіе записокъ въ *Русск. Архивѣ* 1871, 577—694.

[3]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о журналѣ *Меншикова* съ приложеніемъ небольшихъ выдержекъ находимъ въ *Отеч. Запискахъ* 1821, ч. VI, 364—366; и у *Ковалевскаго*, Блудовъ и его время (С.-Пб. 1866), стр. 210—221.

[4]) *Гавріилъ Гераковъ*, Достопамятныя произшествія въ россійской исторіи съ рожденія Петра Великаго до кончины его. Петроградъ. 1807. 16°. 34 стр.— То же, Петроградъ. 1808. 16°. I+34 стр. Отличіе этого изданія (не указаннаго, что оно второе), по видимому, только въ иной датѣ на заглавномъ листѣ, да въ лишнемъ не нумерованномъ листѣ посвященія ея высокопревосходительству М. А. Нарышкиной, урожденной Сенявиной.

[5]) Leben Peters des Grossen von *G. A. Halem*. 3 Bnde. Münster und Leipzig. 1803—1804.

[6]) Жизнь Петра Великаго, описанная *Г. Галемомъ*. Переводъ съ нѣмецкаго, Печатано по высочайшему повелѣнію. 3 ч. С.-Пб. 1812 — 1813. 8°. IV+294+ IX+445+III+332+I стр.+родословная таблица. Подъ посвященіемъ императору Александру подписался „трудившійся надъ переводомъ *Евгеній Ушаковъ*“.

ресенъ, но слишкомъ уже отзывается популярнымъ изложеніемъ „для юношества". Переводчикъ не исключилъ и многочисленныхъ примѣчаній оригинала, почерпнутыхъ изъ разныхъ источниковъ:—писемъ, статей, мемуаровъ, Бюшингова магазина, Штелина и др., — но значительно сократилъ ихъ.

С. Н. Глинка въ своей „Русской Исторіи" отводитъ достаточно мѣста эпохѣ преобразованія [1]). Наивное перо автора чуждо критики, но любовное отношеніе къ герою, непритязательное простосердечіе придаютъ своеобразный отпечатокъ его страницамъ. Въ обрисовкѣ этого писателя сглаживаются темныя краски эпохи, мягче звучатъ сурово-безпощадныя требованія царственнаго реформатора, и чѣмъ-то свѣтлымъ, благодушнымъ вѣетъ отъ Петра и его сотрудниковъ. Исторія царя, написанная Бергманномъ [2]) и переведенная на русскій языкъ Аладьинымъ [3]), одного типа съ книгой Галема: и для нея Голиковъ служитъ главнымъ источникомъ, хотя построена она и не столь мозаично, почему и имѣетъ видъ болѣе цѣлостнаго труда. За то нѣтъ въ ней тѣхъ приложеній, коими Галемъ снабдилъ свою работу: за послѣдними же нельзя не признать нѣкотораго значенія, хотя бы по одному тому, что въ нихъ собрано много мелочныхъ данныхъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Не похоже ни на Галема, ни на Бергманна сочиненіе Вилліамса [4]). Переводчикъ, Олинъ, остановилъ свой выборъ на немъ по-

---

[1]) Руская исторія, сочиненная *С. Глинкою*. Изданіе третье и вновь дополненное. М. 1823. 8°. Событія 1676—1725 гг. изложены въ ч. VI, 151—203 (1676—1689 гг.) и чч. VII и VIII полностью. Болѣе раннія изданія 1817—1819 гг. подъ заголовкомъ: Русская исторія въ пользу воспитанія.

[2]) Peter der Grosse als Mensch und Regent. 6 Bände. 1823—1830.

[3]) Исторія Петра Великаго. Сочиненіе *Веніамина Бермана*. Перевелъ съ нѣмецкаго *Егоръ Аладьинъ*. 6 тт. С.-Пб. 1833. 8°. То же, второе, сжатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное. 6 тт. С.-Пб. 1840—1841. 8°. Сравн рѣзкій отзывъ *Н. А. Полеваго*. (*Русск. Вѣстн.* 1841, т. II, № 4, стр. 231). сверхъ того, см. *Отеч. Зап.* 1841, XVIII, стр. 53.

[4]) Записки о Петрѣ Великомъ, сочиненіе *Вилліамса* (Sir Charles Hanbury Williams), бывшаго въ Россіи полномочнымъ посланникомъ отъ великобританскаго двора при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и въ первые годы царств. Екатерины II, съ замѣчаніями автора: 1) о земледѣльческомъ, мануфактурномъ и торговомъ состояніи Россіи и 2) о доходахъ и финансовыхъ средствахъ оной; о ея сухопутныхъ и морскихъ силахъ. Перевелъ съ англійскаго *В. Н. Олинъ*. Съ примѣчаніями переводчика. Часть первая. С.-Пб. 1835. 8°. VII+281+34+I стр. Сочиненіе Вилліамса переведено все, и выраженіе „часть первая" означало, что во второй части, не вышедшей, предполагалось помѣстить примѣчанія,

тому, что, по его мнѣнію, „Вилліамсъ не есть просто повѣствователь обнаженный; онъ почти вездѣ разсуждаетъ; вездѣ, рисуя характеръ въ очеркѣ общемъ, онъ естественно развиваетъ его въ мысляхъ читателя, представляетъ событія въ чертахъ рѣзкихъ, располагая умъ къ размышленію... Разказъ его простъ и пріятенъ. Сверхъ сего, онъ рѣшительно безпристрастенъ“. Для современнаго читателя въ книгѣ Вилліамса бросаются въ глаза скорѣе другія стороны: ошибки фактическія, невѣрное освѣщеніе событій, непониманіе описываемыхъ явленій, хотя можно принять мнѣніе Олина, что читается она легко и свободно. Авторъ умѣло распоряжается готовымъ матеріаломъ и удачно его конструируетъ.

Въ 1843 году появилась Исторія Петра Великаго, составленная Ламбинымъ [1]). Это не столько исторія, сколько патріотическая дань, вѣнокъ на могилу героя, свѣточъ, зажженный въ сердцахъ благодарныхъ россіянъ [2]).

Слѣдя за послѣдовательнымъ накопленіемъ литературы и развитіемъ взглядовъ на Петра, нельзя опустить безъ вниманія „Исторіи“ Карамзина; если она и ничего не говоритъ о самомъ преобразователѣ, то, внося строго обдуманный, цѣльный взглядъ на до-петровскую эпоху, впервые обстоятельно знакомя съ фактическимъ матеріаломъ этого времени, она помогла правильнѣе подойдти и къ самому Петру, уяснить его, какъ явленіе историческое, поставить его въ ряду

обѣщанныя переводчикомъ въ предисловіи. Издатель разчитывалъ дополнить извѣстія Вилліамса свѣдѣніями, почерпнутыми изъ документовъ по дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ, описанія бунтовъ стрѣлецкаго и раскольничьяго, извѣстій о стрѣльцахъ, о государственныхъ доходахъ, о политическомъ состояніи Россіи въ началѣ XVIII вѣка и т. п. Вышедшій томъ впрочемъ содержитъ въ себѣ нѣсколько „примѣчаній“, хотя, страннымъ образомъ, они помѣщены только частью и притомъ въ разбивку. Не приведенныя промежуточныя—должны были явиться во второй части.

[1]) *Н. П. Ламбинъ*, Исторія Петра Великаго. Съ 600 оригинальными рисунками, портретами и украшеніями *Д. Яицева*. Посвященное всѣмъ русскимъ издателемъ *Ф. И. Эльснеромъ*. С.-Пб. 1843. 8°. II (нен.)+VIII+740 стр. Подробный и неодобрительный отзывъ *Н. А. Полевого* въ *Русск. Вѣсти.* 1841, т. IV, № 10, стр. 158—180. То же въ *Отеч. Зап.* 1842, XIX, 57; XX, 33—36; XXI, 28, 60—61; 1843, XXXI, 22.

[2]) См., кромѣ того, Краткую исторію Петра Великаго для дѣтей, украшенную 18-ю литографированными рисунками, работы *Н. Кюи*. С.-Пб. 1845. 16°. 146+VIII (нен.) стр.—2-е изд. 1849. 16°. Разборъ появившейся въ 1829 году Histoire de Russie et de Pierre le Grand, *Сегюра*, помѣщенъ въ *Московск. Телегр.* 1829, ч. 30, № 21, стр. 62—84, № 22, стр. 205—226.

другихъ событій, а не такъ произвольно, какъ это допускалось раньше. Сознаніе, что Петръ есть сынъ своего времени, что дѣло его есть слѣдствіе всей предшествовавшей эпохи, стало возможнымъ только съ появленіемъ „Исторіи“ Карамзина. Впрочемъ, эта возможность долгое еще время не получала реальной оболочки. Для этого, очевидно, требовался бо̀льшій запасъ матеріала, чѣмъ тотъ, какой былъ въ ту пору въ распоряженіи исторической науки.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ историками Петра Великаго являются Пушкинъ, Полевой и Устряловъ. Хотя послѣдній выпустилъ свой трудъ много позже, но началъ работать почти одновременно, да и по взглядамъ своимъ, по манерѣ примыкаетъ къ исторической школѣ скорѣе Николаевскаго, чѣмъ Александровскаго царствованія. Вслѣдствіе того мы разсмотримъ его рядомъ съ двумя только что названными писателями. Пушкину, съ дозволенія государя, были открыты всѣ архивы и стали доступны самые щекотливые матеріалы, заключающіеся въ нихъ: дѣло царевича Алексѣя, первой жены Петра и секретныя бумаги бывшей тайной канцеляріи. Но дѣло ограничилось одними подготовительными работами. Пушкинъ конспективно изложилъ событія первыхъ семнадцати лѣтъ жизни Петра, намѣтивъ только порядокъ изложенія и предполагая въ будущемъ выяснить еще многія детали; но смерть прекратила его начинанія. Изъ того, что̀ осталось, трудно сказать, какимъ бы вышелъ его трудъ, тѣмъ болѣе, что критической работы надъ источниками въ конспектѣ нельзя прослѣдить [1]).

Одновременно съ Пушкинымъ остановился на мысли писать исторію перваго Русскаго императора и Н. А. Полевой [2]). Чрезъ

---

[1]) *Пушкинъ*, Сочиненія, изд. 1882, т. VI, стр. 422—452, 480—481. *Анненковъ*, А. С. Пушкинъ. Матеріалы для біографіи. С.-Пб. 1873, стр. 396—398. Въ Румянцовскомъ музеѣ хранятся за № 2388, въ числѣ бумагъ поэта, „Матеріалы для исторіи Петра Великаго. 1) Abrégé chronologique des évenements.... du régne de Pierre I, 1672—1725 г. 2) Снимки и списки съ автографовъ (указовъ и писемъ) Петра Великаго. 3) Пребываніе Петра въ Астрахани. 4) Каталогъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, относящихся къ исторіи Петра Великаго“. Послѣдніе два нумера списаны не рукою Пушкина (Отчетъ Москов. Публич. и Румянц. музеевъ за 1879—1882 гг., стр. 40—41).

[2]) Еще ранѣе (Живописное обозрѣніе достопамятныхъ предметовъ, издан. *А. Семеномъ*, ч. I, М. 1835, стр. 105—111) написалъ Полевой статейку: „Памятникъ Петра Великаго“, ничѣмъ особенно не замѣчательную. Отмѣчаемъ ее потому, что она остановила на себѣ вниманіе императора Николая Павловича и вызвала его похвалы (Записки *К. А. Полеваго*, 360).

шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, онъ обратился съ просьбою открыть ему доступъ въ архивы и дать возможность съѣздить за-границу для собранія матеріаловъ; однако послѣдовалъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что за границей слишкомъ сгладились и даже исказились воспоминанія о Петрѣ,—русскіе же архивы ранѣе открыты Пушкину. Сообщая Полевому такой отвѣтъ, Бенкендорфъ, присоединяясь къ нему, прибавлялъ отъ себя: „Посѣщеніе архивовъ не можетъ заключать въ себѣ особенной для васъ важности, ибо ближайшее разсмотрѣніе многихъ вашихъ твореній убѣждаетъ меня въ томъ, что, обладая въ такой степени умомъ просвѣщеннымъ и познаніями глубокими, вы не можете имѣть необходимой надобности прибѣгать къ подобнымъ вспомогательнымъ средствамъ“ [1]). Если Бенкендорфъ хотѣлъ позолотить пилюлю, то, надо сознаться, онъ это сдѣлалъ, не пощадивъ себя. Неудача однако не остановила Полеваго. Въ 1838 году онъ печатаетъ „Опытъ историческаго разказа о Петрѣ Великомъ“, заявляя, что давнишнею мечтой его было посвятить себя исторіи Петра [2]); въ слѣдующемъ году печатаетъ статью „О бумагахъ и замѣткахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго въ его собственномъ кабинетѣ“ [3]), пользуясь для этого „Дѣяніями“ Голикова (Допол. XVI, 241—462); а въ 1841 году мы видимъ его за первымъ томомъ исторіи Петра [4]). Въ это время ему улыбнулась было надежда получить разрѣшеніе заниматься въ архивахъ, онъ горячо лелѣялъ эту мысль; но и на этотъ разъ расчеты не оправдались [5]). Начатую работу Полевой впрочемъ не бросилъ, и въ 1843 году появились четыре маленькихъ томика его „Исторіи Петра Великаго“ [6]). Научнаго значенія трудъ этотъ, конечно, не имѣетъ, будучи написанъ безъ критики и предварительнаго серьезнаго анализа фактовъ. Легенда не отдѣлена въ немъ отъ достовѣрнаго (предсказанія Симеона Полоцкаго). Факты не изучены, а переданы въ той обрисовкѣ и ком-

---

[1]) Письмо Бенкендорфа Полевому 25-го янв. 1836 г. *Русск. Архивъ* 1874, ч. I (№ 4), стр. 1052.

[2]) *Сынъ Отеч.* 1838, I, 27—69(о событіяхъ 1672—1682 гг.). Свои взгляды на Исторію Полевой высказалъ во введеніи къ начатому было разбору Дѣяній Голикова (*Сынъ Отеч.* 1838, III, 67—92).

[3]) Сто русскихъ литераторовъ, т. I (С.-Пб. 1839), 529—552.

[4]) Записки *К. А. Полеваго*, 515, 521 слѣд.

[5]) Ibidem, 516—517.

[6]) Исторія Петра Великаго. 4 чч. С.-Пб. 1843. 8°. 352+V+305+V+355+IV+344+V стр.

позиціи, какъ они успѣли сложиться въ предшествовавшей литературѣ [1]); авторъ болѣе заботится о легкомъ, общедоступномъ изложеніи, живой передачѣ событій и слѣдуетъ довольно обычной манерѣ своего времени излагать содержаніе нѣсколько торжественнымъ слогомъ и съ оттѣнкомъ мелодраматизма. Отсутствіе изученія преобразовательной эпохи дѣлаетъ трудъ Полеваго варіаціей на старую тему и не двигаетъ исторіографіи Петра Великаго сколько-нибудь впередъ. Собственно реформаторская дѣятельность царя сведена почти къ нулю. Отношеніе автора къ предмету своего сочиненія, разумѣется, самое восторженное. Послѣдняя глава спеціально разсматриваетъ его „какъ царя, человѣка и избранника судебъ“. „Міровое явленіе вѣковъ“, говоритъ Полевой, — „Петръ Великій можетъ быть постигнутъ тогда только, когда постигнута будетъ судьба Россіи и опредѣлится мѣсто ея въ исторіи всемірной“ (IV, 304). „Онъ родился, предназначенный, онъ совершалъ предопредѣленіе Божіе, онъ не могъ жить иначе, и бытіе его составляло подвигъ его“ (IV, 305, курсивъ въ подлинникѣ). Впрочемъ съ точкой зрѣнія автора мы имѣли случай ознакомиться еще въ первой нашей статьѣ [2]).

Не довольствуясь сдѣланнымъ, Полевой намѣревался переработать свою книгу, придавъ ей гораздо бо́льшіе размѣры, но успѣлъ приступить только къ началу. Въ 1846 году вышло его „Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра Великаго“ [3]), при чемъ заглавіе не вѣрно опредѣляетъ содержаніе: въ книгѣ разсмотрѣнъ періодъ времени отъ 1670 по 1697 годъ.

Между тѣмъ въ 1842 году, по смерти Пушкина, правительство поручило составленіе исторіи Петра Устрялову, бывшему тогда профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Въ промежутокъ 1858—1863 гг. вышли пять томовъ (1, 2, 3, 4, 6) не оконченной, впрочемъ, „Исторіи царствованія Петра Великаго“ [4]), и въ нихъ впервые чи-

[1]) „Но Ѳеодоръ не хотѣлъ вступать въ супружество, чувствовалъ безнадежность своего здоровья, неспособность больнаго брата Іоанна и, *помня мысль родителя, предполагалъ* передать престолъ Петру. Потому *хотѣлъ* онъ приложить *особенное попеченіе* воспитать его, какъ единственную будущую *надежду* Россіи“ (I, 41).

[2]) Изъ современныхъ Полевому разборовъ его книги довольно поверхностный въ *Отеч. Зап.* 1843 г., XXVIII, 13—17. Сравн. также отзывы *А. С. Хомякова* (Сочиненія (М. 1861), т. I, стр. 24).

[3]) С.-Пб. 1846. 8°. LIII+360+67 стр.

[4]) Томъ I: Господство царевны Софіи. С.-Пб. 1858. LXXXVIII+400+V стр. Т. II: Потѣшные и Азовскіе походы. С.-Пб. 1858. 582+VII стр. Т. III:

тающая публика нашла научно обставленное изложеніе эпохи преобразованія. Обиліе новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ иноземныхъ и отечественныхъ архивовъ, документальное разъясненіе многихъ вопросовъ, ранѣе бывшихъ совершенно неясными, и связное, систематическое, охватывающее всѣ стороны царствованія, изложеніе, масса документовъ, приложенныхъ къ самому сочиненію,—вотъ несомнѣнныя достоинства труда Устрялова. Но было бы ошибочно думать, что авторъ сказалъ послѣднее слово о Петрѣ. Какъ историческая личность и какъ государь, Петръ остается у него совсѣмъ не выясненнымъ. Историкъ указываетъ на недостатки XVII вѣка, на слабость политическую, неразвитость промышленности, знанія и искусства, отсутствіе чувства законности; однимъ словомъ, говоритъ онъ, Россія была державою полуазіатскою, отставшею отъ Европы—и задача Петра сводилась къ тому, чтобы оевропеизировать Россію. Но мысль свою авторъ только намѣчаетъ, не доказывая и не обставляя ее разъясненіями, точно требуя вѣры на слово. Въ трудѣ, задуманномъ по широкой программѣ, это довольно существенный недочетъ. Личность самого Петра создана по шаблонному образцу: это герой, съ юныхъ лѣтъ орлинымъ взоромъ проникнувшій въ будущее; его величіе въ томъ будто бы и заключалось, что, благодаря какой-то неестественной силѣ, онъ ломалъ и рушилъ всѣ препоны, насильно облагодѣтельствовавъ невѣжественную страну. Никакой внутренней связи между нимъ и Россіей, средой, въ которой онъ дѣйствовалъ, не видно. С. М. Соловьевъ съ своею обычною прямотою поставилъ работу Устрялова на одну доску съ сочиненіемъ Крекшина [1]), что, къ слову сказать, не мѣшало ему однако признавать и положительныя стороны въ трудѣ петербургскаго историка [2]).

Путешествіе и разрывъ съ Швеціею. С.-Пб. 1858. 652+IX стр. Т. IV, часть 1: Битва подъ Нарвою и начало побѣдъ. С.-Пб 1863. 611+VIII стр. Т. IV, часть 2-я: Приложенія. С.-Пб. 1863. 672+XXVIII+1 стр. Т. VI: Царевичъ Алексѣй Петровичъ. С.-Пб. 1859. 628+XII+I стр.+7 листовъ снимковъ+1 таблица. Кромѣ того, ко всему сочиненію (in 8°) приложены портреты и два атласа плановъ и проч. Сверхъ того, въ печати появились два отрывка изъ не изданнаго *пятаго* тома: 1) Смерть Паткуля—въ *Русск. Вѣстникѣ* 1867, № 1, стр. 5—19; 2) Петръ Великій въ Жолквѣ—въ *Древн. и Нов. Россіи* 1876, № 1, стр. 5—12.

[1]) *Атеней* 1858, т. IV, № 28, стр. 82.

[2]) Среди многочисленныхъ критикъ на сочиненіе Устрялова отмѣтимъ разборъ *Мицлова (Отечеств. Записки* 1858, т. 118-й, № 6-й, стр. 531—553, подъ заглавіемъ: „Библіографическіе отрывки"): критикъ указываетъ на пропуски Устрялова въ иностранной литературѣ о Петрѣ, при чемъ дополняетъ и исправляетъ многія указанія автора.

Отъ сочиненій общаго содержанія переходя къ біографіямъ и и статьямъ объ отдѣльныхъ личностяхъ, не много можно указать сочиненій, сохранившихъ и по настоящую пору еще нѣкоторое значеніе.

Относительно самого Петра укажемъ статьи о мѣстѣ его рожденія [1]), гороскопѣ [2]), о погребеніи царя Ѳеодора [3]), о майскихъ дняхъ [4]), о посѣщеніяхъ Архангельска [5]), края Рязанскаго, [6]) Олонецкаго [7]),

---

[1]) *Русск. Зритель* 1828, ч. I, стр. 1—8. Сравн. 1829, ч. V, стр. 200. Сравн. также *И. Снегиревъ*, Подмосковное дворцовое село Измайлово. *Русск. Вѣстн.* 1841, т. III, № 9, стр. 479—501.

[2]) *Москвитянинъ* 1842, I, 58—76; *Н. Полевой*, Астрологич. предвѣщанія при рожденіи Петра Великаго. *Русск. Вѣстн.* 1842, V, 258—280 (критическій разборъ извѣстія Крекшина и высказанныхъ по этому поводу мнѣній). Ibid. V, смѣсь, 42, поправки къ *Москвитянину*. См. объ этомъ письмо съ рисункомъ гороскопа *С. Н. Глинки*, *Русск. Вѣстн.* 1842, VI, смѣсь, 1—8.

[3]) *В. К—въ*, Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Современникъ* 1849, т. XVI, № 8, стр. 57—72. Тутъ помѣщена „Записка о погребеніи Ѳеодора Алексѣевича“, подробное описаніе похороннаго обряда.

[4]) Повѣствованіе о московскихъ происшествіяхъ по кончинѣ царя Алексія Михаиловича, посланное изъ Москвы къ архіепископу Коринѳскому Ф. Мартелли, флорентинцу, нунцію апостольскому при Іоаннѣ III, королѣ Польскомъ, найденное, переписанное съ подлинника и изданное Севастіаномъ Чьямпи. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1835, ч. V, стр. 69—82. По порученію Погодина переводилъ студентъ Московскаго университета *Лавдовскій* (ibidem, на отдѣл. листѣ).

[5]) Петръ Великій въ Архангельскѣ въ 1693 и 1694 годахъ (изъ Схельтемы). *Сынъ Отеч.* 1838, V, стр. 43—47.

[6]) *П. Гуляевъ*, Приготовленіе къ проѣзду Петра Великаго чрезъ Рязанскую провинцію въ 1722 (по офиц. бумагамъ). *Отеч. Записки* 1828, XXXIII, 59—80, 269—289, 488—506.

[7]) Преосвященный *Игнатій*, Воспоминаніе о высочайшихъ пришествіяхъ великаго государя Петра Перваго, коими осчастливленъ край, составляющій нынѣ Олонецкую губернію. Петрозаводскъ. 1841. 4°. 52 стр. (первонач. въ Прибавленіяхъ къ *Олонец. Губернск. Вѣдом.* 1841). Только при второмъ изданіи (Воспоминаніе о пришествіяхъ великаго государя Петра Перваго въ Олонецъ. С.-Пб. 1849. 8°. 148 стр.+планъ) обозначено имя автора. Довольно обстоятельный пересказъ этой книги см. въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1842, часть XXXV, отд. VI, стр. 189—204. Сверхъ того, см. 1) *Н. Самойловъ*, Петръ Великій на Марціальныхъ водахъ, открытыхъ 1716 года въ Олонецкой губерніи. С.-Пб. 1852. 8°. 89 стр.; 2) Петръ Великій въ Олонцѣ въ 1702 г. въ *Памят. книжкѣ Олонецк. губ. на 1858 годъ*, стр. 98—114; 3) *В. Майновъ*, Осударева дорога въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, *Древн. и Нов. Россіи* 1876, № 2, стр. 182—187; 4) Онъ же, Петръ на Олонцѣ, *Дѣло* 1683, №№ 6 и 7, стр. 89—126, 57—90.—Воспоминанія о пребываніи и дѣятельности Петра не въ одной только Олонецкой губерніи, а вообще на всемъ сѣверѣ, см. уже въ болѣе позд-

Воронежа [1]), Нижняго Новгорода [2]), развалинъ города Болгаръ [3]), Астрахани [4]) и села Горы Валдай [5]); а также статьи Снегирева о трудахъ Петра Великаго въ книгопечатаніи [6]), и Бера — о заслугахъ его по географіи [7]). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Тыртовъ пишетъ „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ", гдѣ сводитъ Фридриха II съ Петромъ и заставляетъ ихъ говорить другъ другу комплименты [8]). Рядомъ съ этою безвкусною вещью можно поставить подобное же произведеніе досужаго пера, нѣкоего Розанова, именно „Преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ" [9]). „Членъ мануфактурнаго совѣта", авторъ почерпнулъ историческія свѣдѣнія у Голикова, „прочее—изъ опыта послѣ двадцатилѣтнихъ разъѣздовъ по Россіи и сношеній по дѣламъ съ людьми разныхъ состояній". Задачею

нихъ по времени изданіяхъ: 1) *Е. В. Барсовъ*, Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ сѣвернаго края. *Бесѣда* 1872, № 5, стр. 295—309. 2) Картины изъ дѣяній Петра Великаго на сѣверѣ (изданіе *М. Сидорова*). С.-Пб. 1872. 8°.1—48 (изъ Голикова и Штелина).

[1]) *А. С. Θ....нъ*, Краткое описаніе пребыванія г. ц. и в. кн. Петра Алексіевича I въ Воронежѣ, и Митрофанъ, первый епископъ Воронежскій. М. 1832. 8°. 119 стр.+потретъ.

[2]) *С. Ешевскій*, Петръ Великій въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1722 году. *Нижегор. Губерн. Вѣдом.* 1845, № 42—43; перепечатано въ *Нижегородкѣ* на 1877 годъ, 249—252.

[3]) *Л. Кавелинъ*, Посѣщеніе болгарскихъ развалинъ Петромъ I и Екатериною II. *Маякъ* 1844, т. XIV, смѣсь, стр. 52—58.

[4]) *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ* 1838, ч. 28, смѣсь, 65—68 (изъ *Астрах. Губернск. Вѣдомостей*).

[5]) *А. С. Левашовъ*, Новая достопамятность императора Петра Великаго С.-Пб. 1849. 12°. 8 стр. (оттискъ изъ № 61-го *Полицейской Газеты*).

[6]) Два матеріала для исторіи гражданскаго книгопечатанія въ Россіи. Статья *Снегирева* въ отвѣтъ на помѣщенную здѣсь же замѣтку *Д. К—ва. Библ. для Чтенія* 1834, III, кн. 2, литер. лѣтоп., стр. 38—46.

[7]) *К. Бергъ*, Заслуги Петра по распространенію географическихъ знаній о Россіи и пограничныхъ съ нею земель Азіи. *Записки Русск. Геогр. Общ.*,кн. 3-я (1849) и 4-я (1850). Сравн. его же: Peter's des Gr. Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse. St.-Ptg. 1872. 8°. XV+290+I Seit. (mit 2 Karten).

[8]) *Е. Тыртовъ*, Разговоры, касающіеся до прошедшей войны Россіи и Пруссіи съ Франціею. Разговоры въ царствѣ мертвыхъ Суворова съ Харономъ, Фридриха Великаго, короля Прусскаго, съ его генералами, Кейтомъ и Шверинымъ, Петра Великаго съ Фридрихомъ Великимъ и съ Суворовымъ. Съ примѣчаніями. М. 1807. 8°. I+99 стр.+3 рисунка.

[9]) *Н. Розановъ*, Преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ. С.-Пб. 1839. 12°. 132 стр.

книги — на сколько мы ее поняли—было доказать необходимость и плодотворность для развитія промышленности, а съ нею и могущества Русскаго государства, войны шведской. Попытку Петра утвердиться на степномъ югѣ (основаніе Таганрога), этомъ поприщѣ кочевой жизни, авторъ объявляетъ утопіей, ошибкою геніальнаго ума (стр. 37—39).

Несравненно болѣе интереса представляютъ статьи, въ которыхъ Петръ рисуется какъ человѣкъ. Таковы свѣдѣнія о подлинномъ портретѣ его, работы Паульсона [1]), воспоминанія одной встрѣчи [2]), документальное свидѣтельство о присутствіи царя на свадьбѣ Макарова въ 1716 году [3]), разказъ современника—иностранца [4]) и мнѣніе одного испанскаго писателя первой половины прошлаго столѣтія, Фейхоо (Feyjoo), сопоставившаго личность Русскаго государя съ другою знаменитостью того времени, Людовикомъ XIV [5]).

О лицахъ царской семьи находимъ свѣдѣнія: въ брошюркѣ В. Ц—на о Нарышкиныхъ [6]), въ замѣткѣ Берха о дѣтяхъ первыхъ государей дома Романовыхъ [7]), въ Чинѣ погребенія царицы Наталіи Кирилловны [8]), въ нѣсколькихъ документахъ, касающихся царевича Алексѣя [9]), и наконецъ, въ описаніи коронованія императрицы Екатерины [10]).

---

[1]) *Д. Волковъ*, Подлинное изображеніе Петра Великаго. *Сынъ Отеч.* 1813, X, 170—173.

[2]) *Москвитянинъ* 1852, т. VI, стр. 1—4 (встрѣча Жданова съ царемъ въ 1720 г.).

[3]) *М. Макаровъ*, Петръ Великій на свадьбѣ у Макарова. *Отеч. Зап.* 1840, XI, смѣсь, 8—10.

[4]) *Отеч. Зап.* 1844, XXXIV, 77—87. Взято изъ извѣстнаго Exacte Relation von *H. G.* три отрывка: 1) сужденіе о Петрѣ въ 1713 г., 2) свадьба Анны Іоанновны; 3) свадьба придворнаго карла.

[5]) *И. Петровскій*, Мнѣніе испанца о Петрѣ Великомъ. *Сынъ Отеч.* 1842, № 2, 1—20.

[6]) *В. Ц—нъ*, Историческое воспоминаніе о родѣ Нарышкиныхъ. Составлено по документамъ и печатнымъ лѣтописямъ. Отдѣл. оттискъ (8°. 20 стр.) изъ *С.-Пб. Вѣдом.* 1845, №№ 129—132.

[7]) *В. Н. Берхъ*, Письмо къ издателямъ. *Сынъ Отеч.* 1829, ч. 125, стр. 157—166: таблицы дѣтей царей Михаила, Алексѣя и Петра Великаго и составъ царской фамиліи въ 1714 году.

[8]) *Сынъ Отеч.* 1843, т. II, апрѣль, 7—10.

[9]) *Отеч. Записки* 1845, XXXVIII, 1—17.

[10]) 1) Наказъ, какимъ образомъ поступать при ученіи г. царев. Алексѣя Петр. (1703 г.). *Сынъ Отеч.* 1830, ч. 131, стр. 171—184; 2) Брачный контрактъ

Сотрудникамъ Петра Великаго посчастливилось на біографовъ въ періодъ царствованія Александра I. О Меншиковѣ [1]) писалъ Гераковъ [2]) и какой-то анонимъ [3]); первый далъ двѣ ничтожныя брошюрки, у втораго приложены письма Петра и нѣсколько распоряженій и докладовъ царскаго любимца (60 №№) [4]). Гораздо важнѣе біографія, составленная другимъ анонимнымъ авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ [5]) и напечатанная только въ русскомъ переводѣ [6]). Хотя и неравномѣрно изложенное, названное жизнеописаніе Меншикова вставлено въ широкую рамку современныхъ событій. Авторъ, по види-

---

царев. Алексѣя, учиненный въ Яворовѣ 10-го мая 1711 года. Ibid., 1830, ч. 134, стр. 23—39; 3) *Вл. К—въ*, Нѣсколько матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. *Отеч. Зап.* 1844, XXXIII, 77—108: переписка царя съ сыномъ, присяга и манифестъ (1716—1717); письмо А. И. Румянцова И. Д. (Титову). О значеніи этихъ документовъ для VI тома Исторіи Устрялова см. *Пекарскаго*, Свѣдѣнія о жизни и смерти царев. Алексѣя Петровича. *Современникъ* 1860, № 1, стр. 67—96; 4) Документы о Розыскномъ дѣлѣ и судѣ въ *Московск. Вѣстникѣ* 1829, ч. V, 1—138.

[1]) Дипломъ на княжеское достоинство, данный кн. Меншикову Петромъ Великимъ 1707 г. (*Русск. Вѣстн.* 1841, т. II, № 6, стр. 690—696: текстъ рескрипта).

[2]) *Г. Гераковъ*, Князь Меншиковъ. Любопытный историческій отрывокъ. С.-Пб. 1801. 12°. 30 стр. (о событіяхъ 1725—1729, преимущественно о паденіи и ссылкѣ; за время Петра—ничего). Онъ же: Князь Меншиковъ и въ ссылкѣ великій человѣкъ. Исключая военныхъ дѣлъ, все основано на изустныхъ преданіяхъ. Марта 9 дня. Петроградъ. 1811. 8°. 84 стр. (хотя бо́льшая часть книги говоритъ о событіяхъ 1727—1728 гг., но есть и обозрѣніе дѣятельности Меншикова до 1725 года).

[3]) Картина жизни и военныхъ дѣяній россійско-императорскаго генералиссима, князя А. Д. Меньщикова, фаворита Петра Великаго 3 чч. М. 1803. 8°. VI+1—125—206—373 стр. +портретъ. То же, изданіе второе 3 чч. М. 1809. 8°. VIII+1—98—164—304 стр.+портретъ.

[4]) Сравн. также краткій очеркъ или анекдоты о жизни кн. Меншикова и его дѣтяхъ (по запискамъ *Вильбуа*), въ *Русск. Вѣстн.* 1842, т. V, стр. 145—173.

[5]) Dignitaten und Thaten Sr. Hochfürstl. Durchl. F. Al. Dan. Menschicow, worinen dasjenige, was auf allergnädigstem hohen Befehl Sr. Käiserl. Mt. Petri Magni und allerdürchlauchtigsten Kaiserinn Catharinae, unter Sr. Durchl. Ministerio und Commando bey Hofe und den Armeen, so wohl als auch sonsten im Russ. Reiche, merkwürdiges verrichtet worden, aus bewährten Documenten beschrieben.

[6]) Записки и подвиги его великокняжеской свѣтлости, князя А. Д. Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что̀, по всемилостивѣйшему повелѣнію его императорскаго величества Петра Великаго и всепресвѣтлѣйшей императрицы Екатерины, было совершено подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ Россійскомъ государствѣ (переводъ съ нѣмецкой рукописи). *Сынъ Отечества* 1848, №№ 1—6, стр. 1—32, 1—54, 1—26, 1—28, 1—56, 1 — 36.

мому, живой свидѣтель и окончилъ трудъ свой еще при жизни Меншикова, въ 1726 году, остановившись въ своей работѣ на смерти Петра Великаго. Масальскій, редакторъ Сына Отечества, печатая „Заслуги и подвиги Меншикова", замѣчаетъ между прочимъ: „По преданію, это сочиненіе приписывается, Остерману. Преданіе вѣроятное, потому что сочинитель, очевидно, былъ посвященъ въ государственныя тайны описываемаго имъ времени. Изображая жизнь и вадвиги одного изъ главныхъ дѣйствователей эпохи Петра Великаго, поторъ развиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную исторію царствованія безсмертнаго преобразователя Россіи и сообщаетъ объ этой славной эпохѣ много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго. Касаясь разныхъ государственныхъ событій, авторъ иногда дѣлалъ на поляхъ рукописи отмѣтки: „спросить поясненія у князя Меншикова или у такого-то". Всѣ эти отмѣтки зачеркнуты, и противъ нихъ, рукою сочинителя, исправленъ текстъ, очевидно, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ министрами Петра Великаго и другими его приближенными, государственными людьми. Все сочиненіе раздѣлено авторомъ на двѣ неравныя части: генеалогическую и историческую, которымъ предшествуетъ обозрѣніе сочиненія. Въ этомъ обозрѣніи авторъ указываетъ только тѣ событія, которыя касались князя Меншикова, или въ которыхъ онъ принималъ личное участіе; между тѣмъ въ самомъ сочиненіи—какъ мы замѣтили выше—представлена полная картина знаменитой эпохи Петра Великаго" [1]).

Съ Минихомъ знакомитъ насъ Галемъ [2]); Б. П. Шереметеву посвятилъ Тыртовъ „Историческое похвальное слово", наборъ трескучихъ фразъ [3]). Едва ли не тому же автору принадлежитъ большая біографія этого же лица, на которой очень замѣтны слѣды вліянія обстоятельнаго предисловія, приложеннаго Г. Ф. Миллеромъ къ изданнымъ имъ письмамъ Петра къ Шереметеву [4]). Уже несомнѣнно

---

[1]) *Сынъ Отечества* 1848, № 1, стр. 2, примѣч.

[2]) Жизнь графа Миниха, императорскаго россійскаго генералъ-фельдмаршала. Сочиненіе г. *Галема*. 2 ч. (первую переводилъ *В. Тимковскій*). М. 1806. 8°. 221 + V (нен.) + 204 + IV (нен.) стр. Сравн. записку, поданную Минихомъ (въ 1721 г.) при вступленіи на русскую службу. *Русск. Вѣстн.* 1841, т. I, № 1, стр. 135 — 139. Тамъ же (1842, т. V, 76 — 134) и переводъ его мемуаровъ (Ebauche).

[3]) *Евдокимъ Тыртовъ*, Историческое похвальное слово графу Б. П. Шереметеву. М. 1806. 8°. 52 стр. Посвящено гр. Н. П. Шереметеву.

[4]) Жизнь, анекдоты, военныя и политическія дѣянія россійскаго генералъ-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева, любимца Петра В. и храбраго полко-

изъ-подъ пера Тыртова вышла біографія Я. Ѳ. Долгорукаго, снабженная 28 письмами Петра, изъ коихъ не всѣ были ранѣе извѣстны въ изданіи Голикова [1]). Освобожденіе Долгорукаго и товарищей изъ шведскаго плѣна съ приложеніемъ переписки по этому поводу находимъ въ маленькой статейкѣ Библіотеки для Чтенія [2]). По Бассевилю нѣкто А. К. изложилъ жизнь Лефорта [3]). О Мазепѣ можно указать книгу Бантыша-Каменскаго [4]), статьи Маркевича [5]), переписку по поводу измѣны гетмана [6]), благодарственное письмо его къ царю за пожертвованіе ордена св. Андрея Первозваннаго [7]) и акты по дѣлу Искры и Кочубея [8]). А. С. Матвѣеву посвящена замѣтка К. Ѳ. Калайдовича [9]), біографическій очеркъ Львова [10]) и цѣлое пѣснопѣніе какого-то Данкова [11]). Современниковъ Петра характеризуютъ также извлеченія изъ иностранныхъ свидѣтельствъ, собранныхъ А. И. Тургеневымъ [12]). Только что упомянутый Бантышъ-Каменскій въ теченіе многихъ лѣтъ составлялъ цѣлые сборники біографій: таковы его „Знаменитые полководцы и министры Петров-

---

водца. Съ описаніемъ всѣхъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ происшествій, случившихся какъ въ домашней, политической, такъ и въ военной его жизни до самой кончины, съ историческимъ извѣстіемъ о его походахъ, сраженіяхъ и побѣдахъ. Россійское сочиненіе. С.-Пб. 1808 8°. 207 стр. + портретъ.

[1]) Исторія о князѣ Я. Ѳ. Долгоруковѣ. Съ прибавленіемъ свѣдѣній о другихъ знаменитыхъ мужахъ славной фамиліи князей Долгорукихъ. Сочин. *Е... Т...р...мъ*. 2 ч. М. 1807—1808. 8°. XXIV + 143 + XIV + 253 стр.

[2]) *Библ. для Чтенія*, 1836, XIV, 73—76.

[3]) А. К. Лефортъ, генералъ-адмиралъ и вице-роа новогородскій (извлечено изъ современныхъ записокъ). *Отеч. Записки* 1821, ч. V, № 11, стр. 290—308; ч. VI, № 12, стр. 23—39.

[4]) Жизнь Мазепы. Съ портретомъ и снимкомъ подписи. М. 1834. 8°. 92 стр.

[5]) *Маякъ* 1841, XXIII, 33—54; XXIV, 55—72; 1842, I, 1—15.

[6]) *Молодикъ* на 1844 г., книга первая, 113—130 (6 писемъ).

[7]) *Сынъ Отечества* 1849, іюнь, 3—4.

[8]) Ibidem, 1839, XI, 89—93.

[9]) Нѣчто объ орденѣ подвязки, бывшемъ, будто бы, у боярина Матвѣева. Ibidem, 1814, XI, 15—18.

[10]) *П. Львовъ*, Боярынъ Матвѣевъ. С.-Пб. 1815. 8°. 36 стр. Перепечатано въ его же — «Достопамятное повѣствованіе о великихъ государяхъ и знаменитыхъ боярахъ XVII вѣка». М. 1821, стр. 155—189.

[11]) *И. Данковъ*, Могила боярина А. С. Матвѣева. М. 1840. 12°. 24 стр.

[12]) *Б. Ф.*, Обозрѣніе современныхъ извѣстій о замѣчательнѣйшихъ лицахъ въ царствованіе Петра I и Екатерины. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1844, ч. XLI, февраль, 85 — 129 (Софія, царевичъ Алексѣй, герцогъ Голштинскій, Петръ II Елизавета Петровна, Меншиковъ, Шереметевъ, Апраксинъ, Матвѣевъ).

скаго времени" въ двухъ изданіяхъ [1]), впослѣдствіи даже породившіе сокращенныя компиляціи [2]); таковы „Генералиссимусы и генералъ-фельдмаршалы" [3]) и наиболѣе извѣстный „Словарь достопамятныхъ россіянъ" [4]). Къ категоріи такихъ же біографій принадлежитъ и трудъ Терещенки: „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управляющихъ иностранными дѣлами въ Россіи" [5]). Рядомъ съ названными писателями можно поставить В. Н. Берха, занимавшагося жизнеописаніями дѣятелей русскаго флота. Такъ имъ были.

---

[1]) Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служившихъ въ царствованіе государя императора Петра В. Съ портретами ихъ. 2 ч. М. 1812—1813 8°. XV + 290 + I + 352 + II стр. Въ первой части *десять* біографій Лефорта, Головина, Шереметева, Ромодановскаго, Апраксина, Меншикова, Головкина, Репнина, М. М. Голицына и Брюса. Во второй *одиннадцать* біографій Я. Ѳ. Долгорукова, Куракина, В. В. Долгорукаго, Толстаго, Шафирова, Ягужинскаго, Бутурлина, Остермана, Румянцова, Чернышева и Ушакова. — То же, второе изданіе. М. 1821. 8°. XVI + 222 + I + 274 стр. Во второй части добавлена *одна* лишняя біографія кн. Димитрія Кантемира.

[2]) Петръ Великій. Его полководцы и министры. 23 портрета съ присовокупленіемъ краткихъ о жизни ихъ описаній. М. 1848. 4°. 50 стр.—То же: М. 1852. 8°. 82 стр.—То же: Второе изданіе. М. 1853. 8°. 83 стр. Всѣ три изданія совершенно одинаковы, разница только въ форматѣ. Текстъ—сокращеніе «Дѣяній знаменитыхъ полководцевъ» по изд. 1821 года. 22 біографіи, къ нимъ приложены портреты, взятые оттуда же. 23-й портретъ — самого Петра, но безъ біографіи.

[3]) Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ. Съ 48 портретами. 4 ч. С.-Пб. 1840 — 1841. 8°. Въ первой части, между прочимъ, находятся біографіи Ѳ. А. Головина, герцога де-Кроа, Шереметева, Огильви, Гольца, Меншикова, Репнина, М. М. Голицына, Брюса, В. В. Долгорукаго, И. Ю. Трубецкого, Миниха и Ласси.

[4]) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. 5 ч. М. 1836. Въ *первомъ* томѣ — Апраксинъ, Брюсъ, Вейде, Вейсбахъ, братья Веселовскіе, Возницынъ и Волынскій; во *второмъ*—Гагаринъ, Ганнибалъ, Гизенъ, Голицыны, Головины, Головкины, Девіеръ, Демидовы и Долгорукіе; въ *третьемъ* — А. Кантемиръ, Крекшинъ, Мазепа, Макаровъ, Матвѣевъ, Менезіусъ, Минихъ и Монсъ; въ *четвертомъ* — Нарышкины, В. А. Нащокинъ, Полуботокъ и Румянцовъ; въ *пятомъ*—Скавронскіе, Скорняковъ-Писаревъ, Стефанъ Яворскій, Тимофей Надаржинскій, Украинцовъ и Шереметевы. — То же. 3 ч. С.-Пб. 1847 (дополненіе къ предыдущимъ 5 томамъ). Въ *первомъ* томѣ — Голиковъ, Ѳ. А. Головинъ и Димитрій Ростовскій; во *второмъ* — Лефортъ, Меншиковъ и Неплюевъ; въ *третьемъ* — Сильвестръ Медвѣдевъ, В. Н. Татищевъ, Надаржинскій (исправленная біографія), Толстой, Шафировъ, Ягужинскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ.

[5]) 3 ч. С.-Пб. 1837. Въ *первой* части помѣщены, между прочимъ, біографіи А. С. Матвѣева, В. В. Голицына и Ѳ. А. Головина; во *второй* — Г. И. Головкина; въ *третьей*—Шафирова и Остермана.

нансахъ [1]), Аѳанасьевъ — о государственномъ хозяйствѣ [2]), Бунге — о торговомъ законодательствѣ [3]). Сохранены документальныя свидѣтельства о работахъ царя по развитію шелководства на Кавказѣ [4]), объ улучшеніи овцеводства въ Малороссіи [5]), о введеніи въ Россіи кошенія ржи [6]). Для исторіи духовной культуры за этотъ періодъ отмѣтимъ статьи: Куницына о юридическомъ образованіи [7]), бытовую картинку Корниловича [8]) и свидѣтельство Шендъ-Фандербека о состояніи просвѣщенія въ Россіи за 1725 годъ [9]). Сюда же помѣстимъ мы и то немногое, что было напечатано о состояніи городовъ: Ладоги [10]), Новгорода, Порхова [11]), Петербурга [12]) и губерніи Азовской [13]).

---

[1]) *А. Кранихфельдъ*, Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра *В. Журн. Мин. Нар. Просв.* 1845, т. XLVII, № 7, стр. 1—53,— и въ «Годичномъ актѣ въ Имп. С.-Пб. университетѣ, бывшемъ 8-го февраля 1845 года» (С.-Пб. 1845), стр. 61—132.

[2]) *А. Аѳанасьевъ*, Государственное хозяйство при Петрѣ В. *Современникъ*. 1847, т. IV.

[3]) *Бунге*, Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра В. *Отеч. Зап.* 1850, LXVIII, 1—30, статья первая (продолженія не было).

[4]) *П. А. Кикинъ*, Попеченія Петра I о шелководствѣ на Кавказѣ. *Земледѣлческій Журналъ*, 1835 № 6, 895—907 (изъ архивнаго дѣла 1710 по челобитью армянина Сафара Васильева).

[5]) *А. Ѳ. Малиновскій*, Попечительность Петра В. объ улучшеніи овцеводства въ Малороссіи. *Земледѣльческій Журналъ*, 1828, № 23, 185—197 (4 документа).

[6]) *А. Т. Болотовъ*, Новое доказательство заботливости великаго Петра о введеніи въ Россіи кошенія ржи. *Земледѣл. Журн.* 1833, № 2, 223 — 225 (указъ 11-го мая, 1721 изъ Риги).

[7]) *А. Куницынъ*, Стараніе Петра В. о введеніи въ Россіи теоретическаго образованія юношества въ правовѣдѣніи. *Сынъ Отечества* 1822, т. 67, стр. 252—256.

[8]) *А. Корниловичъ*, Новый годъ въ 1724 году, *Сынъ Отеч.* 1824, ч. 91, стр. 115—121.

[9]) *М. Шендъ-Фандербекъ*, О состояніи просвѣщенія въ Россіи въ 1725 году. *Сынъ Отеч.* 1842, I, 3—35.

[10]) *П. Б(утковъ)*, Состояніе города Ладоги въ 1699 году. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*. 1838, ч. 29, смѣсь, 1—7 (изъ Смѣтной описи).

[11]) Состояніе великаго Новгорода и Порхова въ 1699 году (выписка изъ подлинной смѣтной описи, сообщенной *П. Г. Бутковымъ*). Ibidem, 1841, ч. 41, стр. 361—420.

[12]) *А. Глаголевъ*, О дворцахъ, современныхъ Петру В. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1841, ч. 42, стр. 43 — 77. — *Н. Цыловъ*. Планы С.-Петербурга въ 1700. 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ, съ приложеніемъ плановъ 13 частей столицы 1853 года. С.-Пб. 1853. 4°. 2 портрета + 3 л. рисунковъ + 21 планъ и пояснительный текстъ (по листу на каждый).

[13]) *В. Берхъ*, Табель, составленная ландратомъ Азовской губ. А. Кики-

написаны біографіи: Ѳ. М. Апраксина [1]), И. М. Головина [2]), Крюйса [3]), Любераса [4]), А. И. Нагаева [5]), С. И. Мордвинова [6]) и многихъ другихъ [7]).

По внутренней исторіи Россіи въ эпоху преобразованія писали: Гагемейстеръ — о законахъ Петра [8]), Кранихфельдъ — о фи-

---

[1]) Жизнеописаніе генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина. С.-Пб. 1825. 8°. 153 + I стр. + портретъ и факсимиле. Съ большими сокращеніями вошло въ „Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ“, ч. I, стр. 104 — 145. Въ отдѣльномъ изданіи помѣщены обширныя приложенія (стр. 46 — 153): письма Апраксину 1716 — 1720 гг. отъ Екатерины I, Меншикова, Шафирова, Анны Іоанновны, Макарова, А. Волкова, Я. Ѳ. Долгорукова; а также письма самого Апраксина 1700 — 1725 гг. Петру В., Екатеринѣ I и Меншикову. — Сравн. духовное завѣщаніе Апраксина въ 1728 г. *Русск. Вѣстн.* 1841, т. III, № 6, стр. 214—221.

[2]) Жизнеописаніе адмирала и ордена св. Александра Н. кавалера И. М. Головина. С.-Пб. 1825. 8° 35 + III (нен.) стр. + портретъ. Въ текстѣ десятка полтора писемъ, коими обмѣнялись Петръ В. и Головинъ. Біографія эта, съ нѣкоторыми измѣненіями, вошла въ «Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ», ч. II, стр. 48—72.

[3]) Жизнеописаніе россійскаго адмирала К. П. Крюйса. С.-Пб. 1825. 8°. 85 стр. (первоначально въ *Сѣверномъ Архивѣ*, 1825, XIV, 305 — 336; XV, 3 — 33, 89—113). Въ текстъ введено не мало указовъ, инструкцій и еще болѣе писемъ Петра Крюйсу. Авторъ пользовался источниками первой руки. Съ небольшими сокращеніями біографія Крюйса вошла въ «Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ», ч. I, стр. 147—219.

[4]) Жизнеописаніе генералъ-аншефа барона Людвига Іоанна Поттъ фонъ-Любераса, знаменитаго строителя извѣстнаго Кронштадтскаго канала. С.-Пб. 1829. 8°. 30 стр. Составлено по документамъ.

[5]) Жизнеописаніе адмирала А. И. Нагаева. С.-Пб. 1831. 8°. 84 стр. Вошло въ „Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ“, ч. IV, стр. 1—83. Дѣятельность Нагаева (род. 1704 г.) только началась при Петрѣ В.

[6]) Жизнеописаніе адмирала С. И. Мордвинова. С.-Пб. 1831. 8°. 47 стр. Перепечатано въ «Жизнеописаніяхъ первыхъ россійскихъ адмираловъ», ч. IV, стр. 84—126. Авторъ пользовался мемуарами Мордвинова, кои вышли въ свѣтъ много лѣтъ позже: Записки адмирала С. И. Мордвинова, писанныя собственною его рукою. С.-Пб. 1868. 8°. 78 стр.

[7]) Жизнеописаніе первыхъ россійскихъ адмираловъ или опытъ исторіи россійскаго флота. 4 ч. С.-Пб. 1831—1836. Кромѣ біографій моряковъ петровскаго времени, а также Л. Ф. Магнитскаго и Гр. Гр. Скорнякова-Писарева, помѣщены списки морскимъ чинамъ 1715 года, галерной эскадры 1714 г. и историческій очеркъ первыхъ морскихъ училищъ. Авторъ пользовался архивнымъ матеріаломъ, и трудъ его и до сихъ поръ заслуживаетъ полнаго вниманія.

[8]) *Гагемейстеръ*, О законахъ Петра В. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1836, ч. XI, № 7, стр. 21—92; № 8, стр. 270—328.

Намъ остается еще отмѣтить десятка два статей о военно-морскомъ дѣлѣ и внѣшнихъ сношеніяхъ при Петрѣ. Введеніемъ къ этому отдѣлу могутъ служить извѣстія о Россіи, извлеченныя Тургеневымъ изъ иностранныхъ архивовъ [1]). Далѣе, въ порядкѣ хронологическомъ, пойдетъ донесеніе Лаодикійскаго митрополита Парѳенія объ освобожденіи имъ русскихъ подданныхъ изъ турецкаго плѣна (1686 г.) [2]), о солдатѣ Бухвостовѣ [3]), о флотѣ на Переяславскомъ озерѣ [4]), Кожуховскомъ походѣ [5]), письмо Н. М. Зотова епископу Митрофану о взятіи Азова [6]), списокъ комнатнымъ стольникамъ, отправленнымъ за-границу (63 имени) [7]), о пребываніи Петра въ Заандамѣ [8]), объ Азовскомъ походѣ Петра въ 1699 году [9]), о ра-

---

нымъ въ 1709 году и скрѣпленная И. Чашниковымъ. *Моск. Телеграфъ* 1825 № 12, стр. 201—213.

[1]) *Б. Ф.* Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра В., извлеченныхъ А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1843, XXXVII, 1—29, 145—183.

[2]) *Отеч. Записки* 1828, ч. XXXIII, № 94, 203—220.

[3]) *Русскій Зритель* 1828, ч. I, стр. 152, 285—286.

[4]) *М.* Ботикъ Петра В. *Сынъ Отеч.* 1833, ч. 158, стр. 72—87, 117—133.— Извѣстія голландцевъ о началѣ въ Россіи флота и ботикѣ Петра В. *Сынъ Отеч.* 1838, V, 1—8 (изъ Схельтемы). Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Н. А. Полевой указываетъ на *Моск. Вѣдом.* 1838, №№ 27 и 30, и *Сѣверн. Пчелу* 1838, № 175, полемизировавшія по вопросу о происхожденіи ботика.—Историческая записка о бывшей въ Переславлѣ Залѣсскомъ флотиліи Петра I, составленная старшимъ учителемъ Владимірской гимназіи, *А. Розовымъ*, по случаю открытія памятника Петру I на берегу Переславскаго озера, близъ села Веськова. М. 1852. 8°. 36 стр. Перепечатано въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1853, т. LXXVII, стр. 51—80, съ прибавленіемъ двухъ рисунковъ. Текстъ безъ измѣненія (кромѣ одной фразы: срав. стр. 19 отдѣльнаго изданія и 64 въ журналѣ).—Значительно позже явилась брошюра *К. Н. Тихонравова*: Переяславскій ботикъ Петра Великаго (изданіе *А. Мартынова*). М. 1872. 8°. 32 стр., съ рисункомъ, и недавнее роскошное изданіе морскаго министерства: Свѣдѣнія о ботикѣ дѣдушкѣ русскаго флота за 200 лѣтъ съ 1688 по 1888 годъ. С.-Пб. 1888. 43 стр. въ листъ + 8 листовъ приложеній (текстъ Ѳ. Ѳ. Веселаго).

[5]) *А. Корниловичъ*, Извѣстія о первыхъ маневрахъ при Петрѣ I и особенно Кожуховскомъ походѣ. *Съв. Архивъ* 1824, ч. 9, № 5, стр. 237—267. Много позже явилась статья *М. И. Семевскаго*: Кожуховскій походъ въ *Военн. Сборникѣ* 1860, № 1, стр. 49—106.

[6]) *Москвитянинъ* 1841, № 8, стр. 462—467.

[7]) *Отеч. Записки* 1825, ч. XXIII, № 63, стр. 135—139.

[8]) Изъ Схельтемы, въ переводѣ *А. Корниловича*. *Сынъ Отеч.* 1822, ч. 82, стр. 3—24. Дополненія, ibidem, 74—82.

[9]) Походъ Петра В. изъ Москвы на Воронежъ, съ Воронежа на Азовъ, на

зысканіяхъ сдѣланныхъ въ томъ же году Крюйсомъ на Дону и Азовскомъ морѣ [1]), о Петрѣ, какъ организаторѣ войска [2]), подвиги русскихъ подъ Нарвою въ 1700 году [3]), о путяхъ изъ Россіи въ Швецію [4]), шведскихъ могилахъ [5]), реляція о Полтавской битвѣ [6]), характеристика Петра и Карла XII, какъ полководцевъ [7]), разказъ о торжественномъ англійскомъ посольствѣ, отправленномъ для принесенія извиненій за оскорбленіе русскаго посла Матвѣева [8]), извѣстная статья Н. Г.: „Петръ Великій на берегахъ Прута“ [9]), брошюрка Антоновскаго, перепечатавшаго изъ Голикова (Допол. IX, 312—317), правила Петра Великаго по веденію сраженія, предписанныя имъ въ 1713 году [10]), статьи: Глотова — о Гангудскомъ сраженіи [11]), и Я. К. Грота: „Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ“ [12]) и „О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ [13]), рядъ данныхъ о

Таганрогъ и къ Керчи, а оттуда обратно къ Азову въ 1699 году (изъ журнала вице-адмирала Крюйса). *Маякъ* 1842, т. VI, кн. XII, стр. 79—90.

[1]) Розысканія о Донѣ, Азовскомъ морѣ, Воронежѣ и Азовѣ, учиненныя по повелѣнію Петра Великаго К. Крейсомъ въ 1699 году. *Отеч. Записки*, 1824, XIX, 295—318; XX, 46—73, 169—203, 471—494.

[2]) *Медемъ*, Петръ В., какъ основатель арміи и военнаго искусства въ Россіи. *Библ. для Чтенія* 1837, XXV, 49—122.

[3]) *Московскій Телеграфъ* 1831, № 15, стр. 299—320.

[4]) *П. Б(утковъ)*, Описаніе трехъ путей изъ Россіи въ Швецію, составленное въ 1701 г. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1838, ч. 29, стр. 260—295.

[5]) Шведскія могилы въ Ямбургскомъ уѣздѣ. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1838, ч. 28, смѣсь, 5—6.

[6]) 1) *Сѣверный Архивъ* 1828, ч. 31, № 2, стр. 213 — 228; 2) *Записки военно-топографическаго депо*, ч. XIX (С.-Пб. 1857), стр. 157 — 167 (данныя извлечены изъ архива). Сравн. мнѣнія русскихъ генераловъ о мѣрахъ для освобожденія Полтавы отъ осады шведовъ. *Москвит.* 1842, № 1, стр. 76—83.

[7]) Петръ I и Карлъ XII. *Сынъ Отечества* 1819, ч. 56, № XL, стр. 315 — 322 (отрывокъ изъ второй части Исторіи походовъ россіянъ въ XVIII столѣтіи, *Бутурлина*).

[8]) *Русск. Зритель* 1829, ч. V, стр. 171—183.

[9]) *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1847, ч. LIII, №№ 1, 2, стр. 29 — 76; 85 — 123.

[10]) Наука побѣждать по правиламъ величайшаго изъ монарховъ Всероссійскихъ Петра Перваго, собственноручно писанными и подписанными отъ сего самодержца. Изданная *Михаиломъ Антоновскимъ*. С.-Пб. 1808. 12°. 12 стр.

[11]) *Отеч. Записки* 1821, VI, 253—269; VII, 31—49.

[12]) *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1853, т. LXXVII, № 1, стр. 1—17.

[13]) Ibidem, т. LXXVII, № 2, стр. 119—178.

пребываніи царя въ Парижѣ въ 1717 году [1]), декларація царя 1719 г. о высылкѣ посланника Плейера и іезуитовъ [2]), свѣдѣнія о князѣ Бековичѣ [3]), книга Попова о сношеніяхъ съ Хивою и Бухарою [4]) и наконецъ, статья Лебедева о походѣ Петра Великаго въ Персію [5]). Кое-что изъ мелочей отнесено прямо въ примѣчаніе [6]).

---

[1]) Журналъ путешествія во Францію (*Отеч. Записки* 1822, XII, 145—166, 312—316). Избраніе Петра въ члены Академіи Наукъ (ibid., 1821, ч. V, № 10, стр. 179—189, и *Маякъ* 1840, № 1, стр. 1 — 6). Журналъ пребыванія Петра В. въ Парижѣ (*Маякъ* 1840, ч. VI, стр. 77—81, и въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. II, № 5, стр. 401—413). Утро Петра въ Парижѣ, съ голландскаго перевелъ *В. Берковъ* (*Маякъ*, 1844, т. XIII, смѣсь, 77 — 82). Отрывокъ изъ записокъ *Сенъ-Симона* (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1856, т. 89, стр. 1 — 24). Кн. *Августинъ Голицынъ*, Петръ I, членъ Парижской Академіи Наукъ. Paris. 1859. 4°. 14 стр. (На основаніи архива Парижской Академіи. Приведено съ полнымъ соблюденіемъ орѳографіи собственноручное (по русски) письмо Петра, 11-го февраля 1721, къ членамъ Академіи,—благодарность за выборъ). Указанія на остальную литературу послѣднихъ 30 лѣтъ сведены въ статьѣ *В. С. Иконникова*: „Новые матеріалы для исторіи царствованія Петра Великаго“ (сношенія Россіи съ Франціей). Кіевъ. 1887, стр. 26 (оттискъ изъ *Кіевскихъ Университетск. Извѣстій* 1886, № 5).

[2]) *Русск. Вѣстникъ* 1842, VI, 68—71.

[3]) Записка о поѣздкахъ кн. А. Бековича къ Каспійскому морю и экспедиція въ Хиву. *Москвитянинъ* 1842, XII, 373—394. *Н. Сементовскій*, Путешествіе въ Хиву А. Б. Черкасскаго въ 1716 году. *Финскій Вѣстникъ* 1846, X, смѣсь, 15—21. *В. Лебедевъ*, Посольство въ Хиву въ 1716, 1717 и 1718 гг. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1846, сентябрь, ч. LI, 137—155.

[4]) *А. Поповъ*, Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ В. С.-Пб. 1853. 8°. II + 188 стр. (изъ IX-й книжки *Записокъ Русскаго Географическаго Общества*).

[5]) *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1848, т. 60, октябрь, 1—39.

[6]) 1) *Д. Д.*, О знакѣ отличія временъ Петра В. *Маякъ* 1844, т. XVII, смѣсь, 78 — 79. 2) *И. П.* Экспедиція къ сѣверу въ 1707 г. изъ Mémoires du comte de Forbin. *Сѣверн. Архивъ* 1823, ч. 7, № 14, 121—132. 3) Духовное завѣщаніе генерал. обознаго И. Ломѣковскаго, писанное въ Яссахъ 25-го марта 1711. *Молодикъ* на 1844 г., кн. 1-я, 71—85. 4) *П. Львовъ*, Петръ Первый, творецъ Маріинскаго канала. *Отеч. Записки* 1871, VII, 277 — 308. 5) Эпитафіонъ на кончину протоіерею Тим. Вас. Надаржинскому, духовнику Петра I и Екатерины I. *Молодикъ* на 1844 г., кн. 1-я, 257 — 266. 6) *Татищевъ*, Россіа или, какъ нынѣ зовутъ, Русссіа. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1839, № 6, стр. 319—406. 7) Меморія, поданная Петру В. *А. П. Волынскимъ*. *Русскій Вѣстникъ* 1841, т. II, № 5, стр. 378—380. 8) Малороссійскіе акты (указы Б. П. Шереметева 26-го февраля 1709 г., и Шафирова, 11-го іюля 1710 г.). Ibidem, 495 — 497, 9) Выписка изъ разряда 1683 года. Ibidem, т. III, № 8, стр. 444—445. 10) Портретъ царевны Софіи Алексѣевны. Ibidem, № 9, стр. 695 — 698. 11) Элегія

Мы подходимъ къ концу своего очерка. Намъ остается только бѣгло обозрѣть литературу послѣднихъ тридцати лѣтъ. Капитальнымъ и руководящимъ трудомъ, составившимъ эпоху въ изученіи реформы, былъ трудъ С. М. Соловьева. Какъ и въ остальныхъ сочиненіяхъ московскаго ученаго, такъ и въ этомъ [1]), мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ трезваго ума, спокойнымъ аналитикомъ, для котораго реальная правда, абсолютная истина дороже всего. Ея онъ не отдастъ ни за какія симпатіи и увлеченія. Вооруженный громаднымъ знаніемъ, онъ является спокойнымъ въ сознаніи своего всеоружія. Отнюдь не художникъ, онъ, благодаря этому подавляющему знанію, проникаетъ на столько въ глубь вещей, что нерѣдко даетъ живые образы и еще болѣе мѣткія характеристики; но это только такъ, между прочимъ: самъ онъ торопливо спѣшитъ дальше къ новымъ полкамъ архива и набрасываетъ въ безпорядкѣ одну новость за другою, въ той случайной формѣ, въ какой самому ему она досталась, въ формѣ чаще всего не обдѣланной и сырой.

Основной взглядъ Соловьева на реформу, полагаю, достаточно извѣстенъ, чтобы нужно было вполнѣ развивать его. Въ сущности онъ сводится къ слѣдующему. Разрыва между прошлымъ и новымъ никакого не было. Новая Россія началась еще задолго до Петра. Еще Иванъ Грозный стремится къ Балтійскому морю; еще Годуновъ сознаетъ необходимость образованія; задолго до Петра видѣли необходимость реорганизовать войско, создать флотъ, улучшить финансы. Но что̀ сознавалось только смутно, что̀ предпринималось робко и неумѣло, то было понято геніемъ Петра. Онъ нашелъ силы и средства исполнить желаніе предшествовавшихъ поколѣній и самую идею реформы не выдумалъ изъ своей головы,—не была она его личнымъ капризомъ или наитіемъ свыше, а воспринята имъ въ той средѣ, въ которой онъ воспитался, и гдѣ давно уже искали выхода изъ ненормальнаго положенія. Заслуга Соловьева и заключается въ уясненіи

(латинская, въ стихахъ) на отступленіе *русскихъ войскъ* изъ Саксоніи въ 1707 г, Ibidem, 1842, т. V, смѣсь, 91 — 92. 12). Характеристика Карла XII, писанная Остерманомъ въ 1718 г. Ibidem, 1842, VI, смѣсь, 8 – 10.

[1]) Кромѣ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", томы XIII — XVIII сюда же надо отнести его «Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, изданныя по распоряженію юбилейной коммиссіи Московской политехнической выставки». М. 1872. 4°. 134 + I стр., перепечатанныя позже въ «Сочиненіяхъ *С. М. Соловьева*». С.-Пб. 1882, стр. 88 — 225. Сюда, однако, не вошла университетская рѣчь 30-го мая 1872 г. (см. «Публичныя чтенія», стр. 119—134).

этой преемственности. Историкъ даетъ генетическую связь Петра съ XVII вѣкомъ и вообще выводитъ изслѣдователя на прямую дорогу. Можетъ быть, не мало спорнаго найдется въ отдѣльныхъ толкованіяхъ автора, но основная мысль его въ состояніи выдержата самую строгую критику.

Къ воззрѣнію Соловьева тѣсно примыкаетъ воззрѣніе Кавелина; впрочемъ, какъ оно ни близко къ нему, но сохраняетъ свои особенности и оттѣнки [1]). Реформа Петра для Кавелина есть также органическое явленіе русской жизни; Петръ не создавалъ направленія, а только усилилъ его, возвелъ въ систему; какъ и другіе, авторъ признаетъ, что къ концу XVII вѣка проявилось особенно сильное броженіе въ Московскомъ царствѣ, а Петра Великаго считаетъ „съ головы до ногъ великорусскою душой“ (380, 390, 394—395). Но въ то время, какъ Соловьевъ въ эпохѣ преобразованія видитъ переходъ изъ состоянія дѣтства въ состояніе возмужалости, зрѣлости умственной, Кавелинъ находитъ въ ней собственно начало героическаго періода, когда молодыя здоровыя силы рвутся на просторъ, стремясь все подчинить себѣ, не всегда сообразуясь, возможно ли это (383, 389). Московское государство, продолжаетъ нашъ авторъ,—было слишкомъ односложно, внутренній бытъ его построенъ по одному типу или идеалу; вотъ почему, когда вѣковой историческій типъ отжилъ свое время, то новый идеалъ пришлось искать на чужбинѣ. Потребность же въ этомъ идеалѣ могла почувствоваться сперва только въ высшихъ слояхъ русскаго общества, отчего и преобразованіе пошло неизбѣжно сверху внизъ, а не на оборотъ (386—387).

На предыдущихъ страницахъ мы уже видѣли, что Погодинъ въ теченіе всей своей жизни интересовался личностью Петра и время отъ времени посвящалъ свой досугъ изученію его эпохи. Но онъ не остановился на этомъ. На склонѣ дней, уже маститымъ историкомъ, онъ принялся писать послѣдовательную и полную исторію Русскаго царя, но могъ довести ее только до 1694 года. Это такъ-называемые „Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни Петра Великаго“ [2]) и посмертный не вполнѣ законченный отрывокъ послѣдующихъ годовъ [3]). Точка

---

[1]) Мысли и замѣтки о русской исторіи. *Вѣстн. Европы* 1866, т. II, стр. 325—404.

[2]) Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. 1672—1689. Сочиненіе *М. П. Погодина*. М. 1875. 8°. IV + 204 + 242 стр.

[3]) Петръ Первый. Первые годы единодержавія. 1689—1694. *Русск. Архивъ* 1879, № 1 стр. 5—57.

зрѣнія на реформу и въ этихъ послѣднихъ работахъ остается такою же, какую мы привыкли встрѣчать въ другихъ болѣе раннихъ трудахъ автора; что же касается изложенія, то и оно всецѣло отразило на себѣ черты и свойства, характеризующія Погодина, какъ историка и ученаго.

Вышедшій изъ среды простаго народа, человѣкъ, въ сердцѣ котораго всегда былъ отзвукъ для русскаго и національнаго, съ чуткою душою, отзывчивый, умѣвшій тепло отнестись къ изучаемымъ явленіямъ, Погодинъ, можетъ быть, и не всегда удовлетворялъ строгимъ требованіямъ науки, но за то всегда умѣлъ въ исторіи подмѣтить человѣка, а не одни только его дѣйствія. Поэтому чѣмъ-то согрѣвающимъ вѣетъ отъ его сочиненій. Они, если можно такъ выразиться, душевно написаны. Я думаю, что это же свойство ума и сердца мѣшало ему пристать къ какому-либо опредѣленному направленію или создать свою школу. Живя и дѣйствуя въ разгарѣ двухъ направленій, онъ не присталъ ни къ одному изъ нихъ: въ немъ и западническаго много, и славянофильскаго; на ряду съ Соловьевымъ онъ горячо станетъ ратовать за Петра, но рѣзко разойдется съ нимъ изъ-за Грознаго; за-одно со славянофилами онъ готовъ преломить литературное копье за Минина, Сусанина и Скопина, но въ „петербургскомъ періодѣ“ не увидитъ ничего спеціально-петербургскаго. И это отнюдь не безпринципность: у Погодина есть свои твердые взгляды; но его ли вина, если ихъ нельзя пріурочить ни къ какой изъ существующихъ школъ? Я позволилъ бы себѣ сказать, что онъ видитъ дальше каждой любой школы, при чемъ, конечно, черты этой послѣдней не всегда вполнѣ ему понятны и усвоены.

Едва ли не самый симпатичный историкъ изъ всѣхъ тѣхъ, кто уже сошелъ съ поприща русской исторической науки, Погодинъ, по свойству своего таланта, почти что подходитъ къ группѣ историковъ-художниковъ, но только „почти“, и въ этомъ его громадный недочетъ. Онъ какъ бы сталъ въ дверяхъ художественной исторіи, но не пошелъ дальше. Умѣнье проникнуть въ душу человѣка ему дано. Въ то время какъ другой, хотя бы, напримѣръ, Соловьевъ, пойметъ эту душу путемъ анализа, научныхъ пріемовъ, Погодинъ схватитъ ее непосредственно чутьемъ, инстинктомъ. Но, понявъ извѣстный образъ, онъ не сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, ясно нарисовать его. Вотъ онъ возсоздаетъ его передъ вами: даетъ первое очертаніе, приступаетъ къ внѣшнему построенію, отдѣлываетъ части картины, связываетъ

ихъ въ одно цѣлое,—съ каждымъ движеніемъ образъ получаетъ все бо́льшую и бо́льшую законченность; казалось бы, вотъ, вотъ нѣсколько послѣднихъ штриховъ, послѣднихъ взмаховъ исторической кисти, и полнота художественнаго образа будетъ достигнута.. Не тутъ-то было! Художникъ останавливается и покидаетъ васъ, оставляя съ досаднымъ чувствомъ неудовлетворенности. Вы видите передъ собою эти отдѣльныя части картины, чувствуете даже, какъ бьется въ нихъ жизнь; но законченнаго образа все-таки нѣтъ!... Такова бо́льшая часть работъ Погодина. Такова же и его исторія о Петрѣ. Мѣстами въ ней найдутся чудныя, обработанныя страницы, и рядомъ страницы, про которыя такъ и хочется сказать, что это первый набросокъ, первоначальный эскизъ, конспектъ работы... Не даромъ же Соловьевъ, разумѣется, черезъ-чуръ рѣзко, отзывался о трудахъ Погодина, какъ о черновыхъ тетрадяхъ, не переписанныхъ даже набѣло.

Шестой выпускъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, Костомарова [1]), посвященъ Петру и его сотрудникамъ. Въ сочиненіяхъ этого писателя мы привыкли видѣть талантливое, всегда живое изложеніе, умѣніе, при должной группировкѣ матеріала, создавать изъ него цѣльную картину. Между тѣмъ только что названный трудъ представляется въ такомъ видѣ, что скорѣе напоминаетъ едва начатую работу: это какая-то не разобранная куча фактовъ, лабиринтъ, въ которомъ тщетно было бы искать выхода. Составитель, очевидно, работалъ спѣшно и совершенно не позаботился о соразмѣрности частей, забывъ требованія исторической перспективы. Обиліе деталей положительно давитъ его; отсюда неизбѣжное слѣдствіе—излишняя хронологичность изложенія. По всему видно, что Костомаровъ далеко не былъ такимъ хозяиномъ въ исторіи XVIII столѣтія, какимъ онъ является для болѣе раннихъ вѣковъ. Особенно замѣтны недостатки книги въ тѣхъ отдѣлахъ, которые касаются внутренней политики Петра. Авторъ, пожалуй, даже ничего фактическаго не упустилъ изъ вида, но за то ничего и не далъ, кромѣ массы механически связанныхъ фактовъ. Наконецъ, неудобная манера излагать исторію странъ по біографіямъ, заставила его на-

---

[1]) С.-Пб. 1876. 8°, стр. 537—885. Второе изданіе (Русская Исторія ....., томъ 2-й (продолженіе), XVIII-й вѣкъ). С.-Пб. 1886. 8°. 349 стр. Пять біографій Петра, Мазепы, царевича Алексѣя, Меншикова и Ѳ. Прокоповича. Въ *пятомъ* выпускѣ, между прочимъ, помѣщены біографіи Софьи и Димитрія Ростовскаго.

сильственно разрывать части одного цѣлаго. Такъ, напримѣръ, въ біографіи Петра, говоря о походѣ Карла въ Малороссію и вообще о военныхъ дѣйствіяхъ 1708—1709 гг., авторъ только для проформы, вскользь говоритъ о роли гетмана и украинскихъ казаковъ для того, чтобъ дать этому мѣсто въ отдѣльной біографіи Мазепы. Біографія Меншикова захватила царствованія Екатерины I и Петра II и въ отдѣлъ, посвященный эпохѣ преобразованія, внесла нѣчто постороннее.

Точка зрѣнія Костомарова на личность Русскаго царя представляетъ середину между взглядами западнической и славянофильской школъ. Петръ, какъ рисуетъ его намъ историкъ, человѣкъ съ неудержимою волею, у котораго всякая мысль искала немедленнаго осуществленія. Въ то время, какъ Соловьевъ видитъ успѣхъ реформы во внутренней ея законности и необходимости, Костомаровъ объясняетъ его самодержавіемъ. И вотъ почему, говоритъ онъ,—тамъ, гдѣ пониманіе Петра расходилось съ пониманіемъ народа, онъ ничего не могъ сдѣлать, новой души онъ не могъ въ нее вдохнуть. Указывая же на темныя стороны Петра, авторъ готовъ извинить ихъ чертами вѣка; но если, по его мнѣнію, первый Русскій императоръ не стоялъ выше окружающихъ въ нравственномъ отношеніи, то и Россія при немъ не стала лучше по существу. Зо то преданность Петра идеѣ, любовь къ Россіи заставляетъ насъ, по мнѣнію Костомарова, помимо даже воли, любить его и „простить ему все, что̀ тяжелымъ бременемъ легло на его памяти“ (стр. 780—785 перв. изд.).

Въ числѣ сочиненій, порожденныхъ юбилеемъ 1872 года, можно назвать еще два съ характеромъ обзора дѣятельности Петра во всей ея совокупности. Книга Задлера: „Peter der Grosse als Mensch und Regent“ [1]) скомпилирована, главнымъ образомъ, по русскимъ источникамъ [2]), но обработка ихъ очень поверхностная; для цѣльной характеристики авторъ запасся слишкомъ скромнымъ количествомъ пособій; въ результатѣ получился полужурнальный очеркъ, не болѣе: ни связная послѣдовательная исторія, ни полный обзоръ отдѣльныхъ моментовъ [3]). Соколовскій, авторъ другой книги: „Петръ Великій,

[1]) *C. Sadler.* Peter der Grosse als Mensch und Regent. Eine Charakterstudie. St. Ptbg. 1872. 8°. 298 + I seit.

[2]) Преимущественно по Голикову.

[3]) Лучше вышли главы о Екатеринѣ и ея отношеніяхъ къ Петру (142—165) и о царевичѣ Алексѣѣ (163—214). Отмѣтимъ еще двѣ главы: 1) Zurückweisung einiger entehrenden ausländischen Anklagen gegen Peter und Katharina (285—299) и 2) Urtheile über Peter den Grossen (13 — 37). Въ послѣдней приведены

какъ воспитатель и учитель народа“ [1]), положительно не сумѣлъ разобраться въ массѣ сыраго матеріала: послѣдній подавилъ его. Дѣятельность царя не опредѣлена ни съ одной стороны, а между тѣмъ задача автора была прекрасная, хотя, можетъ быть, и слишкомъ смѣлая: образъ Петра—наставника и вождя своего народа — едва ли не долженъ служить завершеніемъ и вѣнцомъ всесторонняго изученія великой эпохи, пережитой русскимъ обществомъ конца XVII и начала XVIII столѣтія.

Послѣднимъ большимъ и законченнымъ русскимъ трудомъ о Петрѣ Великомъ является сочиненіе дерптскаго профессора А. Г. Брикнера [2]). Основной взглядъ заимствованъ у Соловьева; бо́льшая часть матеріала у него же и у Устрялова. Сравнительно больше мѣста удѣлено свидѣтельствамъ иностраннымъ [3]), но среди таковыхъ не мало съ достоинствомъ второстепеннымъ. Масса интереснѣйшаго матеріала о времени Петра, появившаяся въ сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, въ изданіяхъ Академіи Наукъ, морскаго министерства и св. синода, осталась почти нетронутою въ разбираемомъ нами сочиненіи. Впрочемъ мы должны оговориться, что большинство этихъ документовъ явилось только въ послѣдніе годы, одновременно съ печатаніемъ книги г. Брикнера или даже послѣ ея изданія въ свѣтъ, и что въ отдѣльныхъ статьяхъ они были своевременно разсмотрѣны и изучены уважаемымъ историкомъ. Во всякомъ случаѣ, какъ популярная книга для чтенія, дающая полный [4]) обзоръ всей преобразовательной эпохи, „Исторія Петра Великаго“ является пока единственною въ нашей литературѣ.

сочувственные и несочувственные Петру отзывы современниковъ и потомства. Къ сожалѣнію, обзоръ сдѣланъ безъ системы и, очевидно, случайно. На ряду съ Неплюевымъ, Посошковымъ, Сенъ-Симономъ, мнѣнія которыхъ могутъ быть сочтены за голосъ времени, поставлены или ничего не говорящія фразы, или общія выраженія.

[1]) Казань. 1873. 8°. 148 + III стр. Первоначально въ *Учен. Записк. Казанск. Унив.* 1874, №№ 4 и 5.

[2]) Исторія Петра Великаго. С.-Пб. 1882. 8°. I+XX+686+VIII+27 стр. Со многими рисунками. Первоначально (съ небольшими измѣненіями) на нѣмецкомъ языкѣ: Peter der Grosse. Mit Portraits. Berlin. 1879. 8°. VI+578 Seit. (въ изданіи *Онкена*: Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen).

[3]) Сравн. отдѣльный трудъ *А. Г. Брикнера*: Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго (1682 — 1698). *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1879, № 8, 272—317; № 10, 250—285.

[4]) Впрочемъ, надо замѣтить, что реформы и вообще внутренній строй Россіи въ эпоху преобразованія изложены слабѣе остальныхъ отдѣловъ.

Если и можно указать на что-либо однородное съ сочиненіемъ г. Брикнера, то таковое надо искать въ литературѣ иностранной. Лѣтъ пять тому назадъ появился двухтомный „Peter the Great“ Скайлера [1]). Это — книга, написанная умнымъ иностранцемъ, обстоятельно знакомымъ съ русскимъ языкомъ, жившимъ одно время въ Россіи, не чуждымъ литературныхъ и ученыхъ связей и вздумавшимъ подарить образованную публику Европы и Америки сочиненіемъ о Петрѣ, которое представляло бы сводъ тѣхъ выводовъ, до какихъ дошла нынѣшняя наука. Авторъ очень внимательно перечиталъ всѣ главныя русскія и иностранныя сочиненія объ эпохѣ преобразованія, близко освоился съ мемуарами того времени, памятниками законодательными, пересмотрѣлъ даже нѣкоторыя бумаги въ архивахъ Парижа и Гаги. Для насъ, русскихъ, не безынтересны страницы, обработанныя на основаніи трудовъ лучшихъ шведскихъ историковъ. Конечно, человѣкъ, знакомый съ Устряловымъ и Соловьевымъ, мало найдетъ здѣсь новаго; чувствуя себя въ зависимости отъ степени разработки эпохи, Скайлеръ почти весь первый томъ посвятилъ времени отъ 1682 по 1700 годъ; сильно бросается въ глаза и то, что исторія внѣшняя заполонила собою исторію внутреннюю, и реформамъ отведено не много мѣста, къ тому же и связь реформы съ XVII вѣкомъ осталась неясною. Но мы не въ правѣ примѣнять къ автору требованій русскаго масштаба. Для иностранца книга Скайлера прежде всего—связный, живой разказъ, основанный на предварительной серьезной работѣ. Авторомъ перечитано дѣйствительно все сколько-нибудь цѣнное; не упущены изъ виду старинныя русскія изданія прошлаго столѣтія. То, что обыкновенно пропускается въ учебникахъ за недостаткомъ мѣста, въ книгахъ для публики—за неумѣніемъ сочинителя, а въ научныхъ трудахъ—какъ предполагаемое излишнимъ, все это нашло себѣ мѣсто въ сочиненіи американскаго писателя [2]). Не задаваясь большими претен-

---

[1]) *E. Schuyler*, Peter the Great, emperor of Russia. A study of historical biography. 2 vls. Lond. 1884. 8°. IX+544+III+691 pag. (съ портр. и картою).

[2]) Автора можно было бы упрекнуть въ томъ, что онъ вдается въ мелочи, излишнія для иностраннаго читателя. Такъ, напримѣръ, поименованы стрѣлецкіе полковники, подвергшіеся, по свидѣтельству Матвѣева, мученіямъ своихъ подчиненныхъ лѣтомъ 1682 года (I, 107); перечислены села, въ которыя переѣзжалъ дворъ въ сентябрѣ 1682 (I, 112); поименованы Мельновъ, Ладогинъ, Елизаровъ и другіе участники событій августа 1689 года (I, 213, 216, 229) и т. п.

зіями, авторъ старался начертить живую, ясную картину прошлаго, и его попытка вполнѣ удалась [1]).

Сочиненіемъ Скайлера мы и закончимъ свой библіографическій обзоръ сочиненій о Петрѣ Великомъ и его времени. Въ литературѣ царствованія императора Александра II, какъ мы уже говорили, существующіе указатели значительно облегчаютъ поиски [2]). Мы можемъ только напомнить и на этотъ разъ безъ всякихъ подстрочныхъ примѣчаній и разъясненій главнѣйшее изъ появившагося за послѣднія 30—35 лѣтъ. Масса разнообразнѣйшаго матеріала изъ году въ годъ накапливается въ Русскомъ Архивѣ и Русской Старинѣ, отчасти въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей; документы первостепенной важности помѣщаются въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, какъ напримѣръ, письма и указы Петра, переписка Б. П. Шереметева, донесенія иностранныхъ пословъ: саксонскаго, прусскаго, французскаго и англійскаго; къ сожалѣнію, очень мало извѣстны „Матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба“; четыре

---

[1]) Одновременно съ книгой Скайлера появился и другой трудъ *J. Barrow*, The life of Peter the Great (Edinburgh. 1883. 8°. 414 pag.). Упоминаемъ о ней съ единственною цѣлью показать, какъ за границей возможно рядомъ съ хорошими трудами появленіе такихъ жалкихъ компиляцій. Въ концѣ XIX столѣтія авторъ все еще считаетъ для себя позволительнымъ руководствоваться такими сочиненіями, какъ Nestesurannoi, Mottley и т. п.; въ виду этого, не много пользы могъ онъ вынести изъ анекдотовъ Штелина и Поденной записки Петра. Въ результатѣ вышло нѣчто среднее между романомъ, журнальною статьею и дѣтскимъ разказомъ. Единственно, кажется, стоющее вниманія, какъ особенность для русскаго читателя, это разказъ о пребываніи Петра въ Англіи въ 1698 году, на основаніи современныхъ журналовъ. History of his own times *Бернэта*, Life of Thomas Storey и Life of William Penn *Клэрксона*.

[2]) Изъ таковыхъ отмѣтимъ главнымъ образомъ *Minzloff*, Pierre le Grand dans la littérature étrangère. S.-Pbg. 1873. 8°. XV+691 pag. (Supplément. S.-Pbg. 1872. 692—721 pag.). Пользуясь этимъ трудомъ, не слѣдуетъ забывать болѣе ранней работы того же автора: „Библіографическіе отрывки. Статья пятая: Нѣсколько рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ иноязычныхъ сочиненій, относящихся до Петра Великаго и его вѣка“ (*Отеч. Записки* 1856, CIV (№ 2-й), 345—395). Въ ней описано 64 сочиненія; хотя они всѣ упомянуты въ „Pierre le Grand“, но замѣчанія *Отеч. Записокъ* гораздо полнѣе и содержательнѣе. Въ изданіи 1872 года не всегда даже возможно ознакомиться съ характеромъ сочиненія, тогда какъ въ журнальной статьѣ все это дано. Изъ русскихъ библіографій см. уже упомянутый трудъ *В. И. Межова*: Юбилей Петра Великаго. Библіографич. указатель литературы Петровскаго юбилея 1872 г., съ прибавленіемъ книгъ и статей о Петрѣ I вообще, явившихся въ свѣтъ съ 1865 до 1876 г. включительно. С.-Пб. 1881. 16°. XVIII+230 стр. (указано 1049 нумеровъ).

выпуска „Писемъ Русскихъ государей“ всецѣло принадлежатъ Петровскому времени; „Письма и бумаги“ царя, изъ числа хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, изданы А. Ѳ. Бычковымъ ко дню двухсотлѣтняго юбилея Петра; въ послѣдніе годы Академія Наукъ предприняла изданіе „Докладовъ и приговоровъ сената“; еще ранѣе синодъ и морское министерство начали публиковать важные матеріалы для исторіи этихъ учрежденій; археографическая коммиссія печатаетъ разныя дѣла о Шакловитомъ; частныя лица—сочиненія Посошкова (Погодинъ) „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“ (Есиповъ) и т. п.

Къ числу матеріаловъ же отнесемъ и мемуары; русскіе: Марковича, Ханенка, Неплюева, Мордвинова, перепечатку Нащокина въ Русскомъ Архивѣ и тамъ же недавно появившіяся записки П. А. Толстаго во время его заграничнаго путешествія; иностранные Корба, Берхгольца, Перри, Седерберга, Бассевича, Фокеродта и Плейера, а также статьи профессора Брикнера въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія о нѣкоторыхъ изъ названныхъ мемуаровъ (Фокеродтъ, Плейеръ, также Гордонъ, Рингуберъ и Веберъ).

Государственное устройство Россіи въ періодъ преобразованія, исторія ея учрежденій, сословій и пр. изслѣдуется въ извѣстныхъ курсахъ профессоровъ Градовскаго, Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова; въ трудахъ Полѣнова (Уложеніе 1700 г.), Петровскаго (Сенатъ), Градовскаго (Высшая администрація), Мрочекъ-Дроздовскаго (Губерніи), Романовича-Славатинскаго (Дворянство), Дитятина (Города), Побѣдоносцева (Историческія изслѣдованія) и Ключевскаго (статьи въ Русской Мысли о холопствѣ).

Организація войска раскрывается въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій Бобровскаго; недавно появилось сочиненіе Пузыревскаго: „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго“. По исторіи флота имѣются труды Елагина и Веселаго; по исторіи церковной—„Монастырскій приказъ“ и „О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода“ проф. Горчакова; по исторіи культуры—извѣстный трудъ Пекарскаго (Наука и литература), сборникъ драматическихъ произведеній конца XVII и начала XVIII в., Тихонравова, послѣднее сочиненіе Брикнера Die Europäisirung Russlands и другіе.

Отдѣлъ біографій состоитъ изъ изслѣдованій П. К. Щебальскаго и Н. Я. Аристова о царевнѣ Софіи, Поссельта—о Лефортѣ, Г. В. Есипова—о Меншиковѣ, Н. И. Костомарова—о Мазепѣ, В. И. Герье—о Лейбницѣ и его отношеніяхъ къ Россіи и Петру, А. Н. Попова и А. Г. Брикнера—о Посошковѣ, Д. А. Корсакова—о Волынскомъ, Н. А. Попова, Н. Чупина и К. Н. Бестужева-Рюмина—о Татищевѣ, И. А. Чистовича, П. О. Морозова и Ю. Ѳ. Самарина—о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Н. А. Попова—о П. А. Толстомъ. Наконецъ, въ Русской Старинѣ явился переводъ сочиненія Гельбига: „Russische Günstlinge“.

Вся эта литература, взятая въ ея цѣломъ, отнюдь не такова, чтобъ ее можно было характеризовать однимъ общимъ опредѣленнымъ и положительнымъ признакомъ; у нея еще нѣтъ пока законченныхъ рамокъ, и самое развитіе ея совершается безъ какой-либо установленной программы, выработаннаго плана. Вліяніе Соловьева продолжаетъ сказываться; все чаще и чаще повторяются слова о глубокой коренной связи реформы съ XVII вѣкомъ; разработка отдѣльныхъ эпизодовъ и сторонъ преобразовательной эпохи позволяетъ говорить это все сознательнѣе и убѣжденнѣе; но яснаго, всесторонняго представленія объ этой связи мы пока еще не имѣемъ, и обликъ Петра, въ конкретномъ представленіи, продолжаетъ стоять самостоятельнымъ и выдѣленнымъ отъ группы его предшественниковъ. Вотъ почему исторіографіи Петровскаго періода предстоитъ еще не мало работы въ ближайшемъ будущемъ.

[19r]